35-00

Обществу изучения Коми края — его возникновению, многогранной деятельности и трагичной судьбе — уделялось очень мало внимания в исторических исследованиях. Немногое можно прочесть в них и о краеведах, сотрудничавших в обществе. А ведь именно с ОИКК во многом связаны научные и культурные достижения в Коми области, которые могли бы стать и более значительными, если бы развитие краеведческого движения не было насильственно прервано в начале тридцатых годов.

Коми книжное
издательство
1993

ОНИ ЛЮБИЛИ КРАЙ РОДНОЙ

913
О-58
36840

ИСТОКИ

А.Н.ГРЕН
А.С.СИДОРОВ
В.И.ЛЫТКИН
Д.А.БАТИЕВ
А.М.МАРТЮШЕВ
В.А.МОЛОДЦОВ
А.А.ЧЕУСОВ
Г.А.СТАРЦЕВ
А.А.ЦЕМБЕР
В.П.НАЛИМОВ
А.И.БАБУШКИН

ОНИ ЛЮБИЛИ КРАЙ РОДНОЙ

Авторские права © 2004, Seik... 2 Номе, Синзлюку-к...

913
О-58.

ОНИ ЛЮБИЛИ КРАЙ РОДНОЙ

Сыктывкар
Коми книжное издательство
1993

36840
К68

26.891
0 58

Коллектив авторов
Ответственный редактор и составитель
И. Л. Жеребцов

0 58 Они любили край родной.— Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1993.— 304 с.: ил.

ISBN 5-7555-0423-7

В книге рассказывается о возникновении и деятельности Общества изучения Коми края, внесшего вклад в изучение истории и культуры народа коми, в культурное развитие всего населения края; о полной событий жизни и трагичной судьбе коми краеведов и ученых двадцатых-тридцатых годов.

26.891

0 **0503020900 - 003** 48 - 93 м
М 128(03) - 93

ISBN 5-7555-0423-7

© Состав. Жеребцов И. Л., 1993.

ДМИТРИЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ БАТИЕВУ,

ВАСИЛИЮ ИЛЬИЧУ ЛЫТКИНУ,

АЛЕКСЕЮ МАКАРОВИЧУ МАРТЮШЕВУ,

АЛЕКСЕЮ СЕМЕНОВИЧУ СИДОРОВУ

и другим коми ученым и краеведам, потерявшим по нескольку лет жизни и даже саму жизнь в сталинских лагерях, посвящается эта книга. Имена, испачканные грязью клеветы или вовсе вычеркнутые из памяти поколений, биографии с заботливо вымаранными горькими страницами; прославление победного марша «новой социалистической культуры» от презрительно отброшенного векового наследия по крови и ужасу тридцатых-сороковых к глухому тупику начала восьмидесятых; фабрикация «истории» без личностей, без проблем, без правды, наконец, без самой истории — всё это требовало написать её. Мы постарались честно рассказать о судьбах людей, стоявших у истоков развития коми науки, бурно начавшегося в 1917 году и прерванного на рубеже двадцатых-тридцатых; рассказать то, что мы действительно знаем о них, об их достижениях и ошибках, не очерняя и не приукрашивая их биографии.

Книга, которую вы держите в руках, не претендует на роль всеобъемлющего фундаментального исследования, ликвидирующего все без исключения «белые пятна» в истории нашей культуры, раз и навсегда расставляющего все акценты и дающего окончательные оценки деятельности тех или иных людей. Вполне возможно, что пытливый читатель найдет в ней больше вопросов, чем ответов. Что ж, надеемся, что этим наша книга отличается от иных изданий прошедших времен, где не оставалось места проблемам, где самыми острыми вопросами были риторические, где полемика велась не с современниками, а с давно почившими в бозе «идеологическими врагами» из далекого, но по-прежнему популярного 1913 года, по сравнению с которым все было у нас так славно...

Далеко не о всех ученых и краеведах двадцатых годов рассказано здесь. Далеко не обо всем нам пока известно (несмотря на то, что авторы постарались по возможности полнее использовать как материал, хранящийся в архивах Сыктывкара, Архангельска и Вологды, так и сведения, изложенные в различных публикациях). Но важно сделать первый шаг.

Глава 1. «ЗОЛОТОЙ ВЕК» КОМИ КРАЕВЕДЕНИЯ

Кто был первым краеведом? (Немного истории)

Когда начали изучать Коми край? Кто был первым исследователем народа коми? Возможно, академики И. И. Лепехин и Н. Я. Озерецковский, посетившие в 1771 году Коми край и опубликовавшие в «Дневных записках» своего путешествия немало сведений о населенных пунктах, постройках, промыслах, одежде, народной медицине, фольклоре местного населения — недаром именно с их именами часто связывают начало сбора и публикации материалов о Коми крае.

А, может быть, первыми были устьвымские священнослужители Мисаил и Евтихей, в XVI—XVII столетиях составившие Вычегодско-Вымскую летопись — документ, повествующий об истории народа коми начиная с XIV века.

Однако на страницах той же летописи мы найдем упоминание о том, что еще столетием раньше, в 1481 году, писец Иван Гаврилов по приказу великого князя Ивана III составил описание Коми края. В этом описании содержались сведения о селениях, их жителях, обрабатывавшихся землях, промысловых угодьях, реках и озерах. Но, хотя это была, по сути, первая перепись населения Коми края, и это не первый труд, в котором содержатся данные о народе коми.

А еще столетием раньше исследователем культуры народа коми стал Стефан Пермский, составивший коми-зырянскую азбуку и использовавший при ее создании графику древних родовых знаков коми — тамги. Труд его современника Епифания Премудрого «Житие Стефана Пермского», повествующий не только о самом Стефане, но и

о Коми крае XIV столетия, вполне может претендовать на право именоваться первым краеведческим исследованием, посвященным нашей «малой родине». Кроме того, первоначальные, очень скупые сведения о Коми крае появлялись еще в X—XI веках...

Коми краеведение имеет глубокие корни. Однако до XIX столетия работ о народе коми было немного (к вышеназванным можно добавить небольшие сообщения, содержащиеся в записках иностранцев — С. Герберштейна, Дж. Флетчера, И. Идеса и А. Брандта — и трудах российских ученых — Г. Миллера, П. С. Палласа, И. Кирилова и других). В XIX веке их количество заметно увеличилось, причем наряду с российскими и финскими учеными А. Шёгреном, А. И. Шренком, М.-А. Кастреном, Э. К. Гофманом, С. В. Максимовым и другими, побывавшими в Коми крае и изучавшими культуру, быт, историю местного населения, природу края, в сборе материалов о Коми крае стали принимать участие местные жители. На пробуждение их интереса к познанию родного края оказали непосредственное воздействие поездки по Коми краю упоминавшихся ученых. Свою роль сыграла и деятельность русского литературного критика, историка и этнографа Н. И. Надеждина, сосланного в Усть-Сысольск за публикацию «Философского письма» П. Я. Чаадаева. За время своего полугодового пребывания здесь Н. И. Надеждин изучал коми язык, фольклор и этим способствовал усилению интереса немногочисленных представителей культурных слоев города к краеведческой работе. Развитию краеведения способствовало появление печатных изданий, в первую очередь газет «Вологодские губернские ведомости» и «Архангельские губернские ведомости», где стали публиковаться краеведческие заметки.

Большое воздействие на развитие краеведения в Коми крае оказало создание в 1845 году Русского географического общества, один из руководителей которого, П. И. Савваитов (археолог, историк, этнограф, автор двух крупных работ по коми языку, публикатор древних памятников коми письменности) имел в Коми крае многочисленных корреспондентов, присылавших ему свои краеведческие работы (многие из них хранятся сейчас в архиве РГО). Среди корреспондентов РГО были: усть-сысольский учитель М. И. Михайлов, в рукописях которого, представленных в общество, а также в опубликованных им в газетах и журналах заметках, в книге «Описание Усть-Выма» содержится множество данных об истории, хозяйстве, культуре и быте народа коми; усть-сысольский купец В. Н. Латкин, издавший дневники своих поездок на Печору, в которых собрано немало интересных материалов об особенностях быта, хозяйственных занятиях и фольклоре местного населения; усть-сысольский краевед С. Е. Мельников, собиравший «хозяйственные и этнографические сведения о зырянах» и проводивший археологические раскопки на Сысоле, Вычегде и Выми, и другие. Над изучением коми языка, написанием его грамматики работал основоположник коми литературы поэт И. А. Куратов, труды которого были изданы только в советское время благодаря усилиям краеведов.

В конце XIX — начале XX века появились первые опубликованные научные труды, написанные уроженцами Коми края, получившими заслуженное признание среди российских ученых как серьезные и оригинальные исследователи — Г. С. Лыткиным, К. Ф. Жаковым и П. А. Сорокиным. Самым старшим из них, оказавшим известное влияние на своих более молодых коллег, был Георгий Степанович Лыткин (1835—1907). Он родился в Усть-Сысольске, в довольно богатой семье. Во время учебы в Усть-Сысольске и Вологде Лыткин заинтересовался трудами А. Шёгрена и М.-А. Кастрена по финно-угорским языкам и собирался продолжить образование в Гельсингфорском университете (Хельсинки), где изучались эти языки. Но разорение родителей помешало этому.

В 1854 году Г. С. Лыткин поступил в Петербургский уни-

верситет. Во время каникул он ездил домой, собирал коми фольклор. Затем заинтересовался культурой народов Востока. Познания студента-зырянина привлекли внимание руководителей университета, и Лыткину предложили заниматься монголистикой и калмыковедением. По словам Г. С. Лыткина, «желание доискаться исторического хода развития духовных сил ойратов в их слове, хранилище жизни народа», побудило его отправиться в экспедицию в Калмыкию. «Эта поездка,— писал он,— обогатила мою любовь к знаниям; ныне предо мною начинает мало-помалу открываться духовная сторона жизни монголов и ойратов. Цель жизни моей определена — это безукоризненное служение науке».

По окончании университета в 1859 году Г. С. Лыткин был оставлен при нем на работе. Он внес большой вклад в развитие калмыковедения. Современные калмыцкие исследователи с уважением относятся к «замечательному ученому России, талантливому сыну братского народа коми, одному из крупных калмыковедов 60-х годов XIX века, труды которого с большим интересом изучают специалисты во многих областях калмыковедения». Перед Георгием Степановичем открывались большие перспективы для дальнейшей научной работы в области востоковедения, но...

События начала 1860-х годов резко изменили жизнь Г. С. Лыткина. Ожидавшиеся реформы образования, как позднее писал он, «вызвали сильное желание поработать на родине», и Лыткин подал прошение о направлении его в Усть-Сысольск смотрителем уездного училища. Стремление заняться просветительской деятельностью появилось у Г. С. Лыткина еще в период учебы в университете: «Не покидала меня мысль,— вспоминал он,— быть когда-нибудь полезным подрастающему поколению». Особенно его волновало то, что преподавание в школах в Коми крае шло только на русском языке, для большинства учащихся непонятном («Припомнились мне былые времена, когда я

в Усть-Сысольском уездном училище хотя с отвращением, но должен был запоминать уроки, не понимая значения русских слов»). Лыткин стремился на родину, но в просьбе ему было отказано; он остался в Петербурге.

Не имея возможности работать в Коми крае, Г. С. Лыткин избрал иную форму просветительской деятельности. Преподавая в различных гимназиях Петербурга, он одновременно сумел подготовить труд «Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык». В предисловии Георгий Степанович отметил: «Эта книга предназначена мною для народных зырянских школ, как пособие при изучении зырянами русского языка. Желательно, чтобы умение читать зырянскую книгу в народных школах предшествовало бы умению читать русскую книгу, чтоб изучение русского языка было осмысленно, чтобы оно было не одним только зубрением...» Для этого Г. С. Лыткин собрал в своей работе исторические, литературные и фольклорные тексты на русском и коми языках с взаимными переводами, снабдив их обстоятельными комментариями. Книга, содержавшая также словари, нормативную грамматику, научное описание памятников коми письменности XIV—XVII веков, стала куда более значительным событием, чем предполагал сам Георгий Степанович, отводивший ей роль скромного пособия. Это была научная работа, в которой Г. С. Лыткин впервые попытался осветить историю и дать характеристику коми языка в середине второго тысячелетия н. э. на основе достаточно большого количества исторических, этнографических, лингвистических и фольклорных материалов. Этот труд вызвал у современников большой интерес.

Кроме «Зырянского края...», Г. С. Лыткин издал ряд религиозных книг, переведенных им на коми язык — «Евангелие», «Псалтирь» и другие. В связи с этим в тридцатых годах делались попытки представить деятельность Лыткина как религиозную пропаганду, а его самого объявить «крупнейшим проводником русской великодержавной политики

по насильственной русификации населения, по развращению классового мировоззрения коми рабочих и крестьян литературой духовно-нравственного содержания» (В. М. Подоров «Очерки по истории коми», Сыктывкар, 1933 год, т. 1, с. 69). Но дело отнюдь не в религиозности Георгия Степановича и тем более не в его «русификаторстве», а в том, что в конкретно-исторических условиях того времени это был, пожалуй, единственный возможный способ публиковать книги на коми языке и способствовать тем самым просвещению народа коми, формированию литературного коми языка, развитию его функций. В последние годы жизни Лыткин работал над подготовкой большого «Русско-зырянского словаря», изданного в 1931 году по инициативе членов Общества изучения Коми края. Умер Георгий Степанович в Петербурге в 1907 году.

Другой выходец из Коми края, ученый и писатель Каллистрат Фалалеевич Жаков, родился в 1866 году в деревне Давпон близ Усть-Сысольска. Жизнь его была полна причудливых перемен: учеба в учительской семинарии, а после ее окончания — труд чернорабочего на заводе; поступление в петербургский Лесной институт, скорый уход из него в Заозерскую пустынь на Вологодчине, затем — бегство из святой обители, обвинения в вольнодумстве и атеизме, гласный надзор полиции и запрещение поступать в университеты Петербурга и Москвы... В 30 лет Жаков стал студентом Киевского университета, в 1899 году добился разрешения учиться в Петербурге. После окончания учебы был оставлен при университете, затем преподавал в гимназиях, на общеобразовательных курсах, а с 1907 года — в Психоневрологическом институте, куда его пригласил академик В. М. Бехтерев.

Круг научных интересов К. Ф. Жакова был очень широк: этнография и математика, естествознание и лингвистика, философия и астрономия (перечень можно продолжить). Поистине, он имел полное право говорить: «Науки, одни науки — орбита моей жизни». Первые шаги в науке

Жакову помог сделать ученый-энциклопедист и писатель М. М. Филиппов, редактор журнала «Научное обозрение». В этом журнале печатались В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, В. И. Засулич, К. Э. Циолковский. В «Научном обозрении» вышла и первая научная работа К. Ф. Жакова «Языческое миросозерцание зырян». Каллистрат Фалалеевич горячо любил свою родину, свой народ. Поэтому особое место в его исследованиях занимали история и культура народа коми, с которыми он хотел познакомить российскую общественность.

Этнографические труды К. Ф. Жакова (он писал о религиозных верованиях, быте, хозяйственных занятиях, народной одежде, о расселении коми в древности) привлекли внимание историка-слависта академика В. И. Ламанского и одного из ведущих российских этнографов и фольклористов Д. К. Зеленина. За «Этнологический очерк зырян» он был удостоен серебряной медали Русского географического общества. Диссертация Жакова, посвященная проблемам русско-коми фольклорных связей («Народная словесность у зырян и русские сказки») была высоко оценена видными специалистами: литературоведом и фольклористом академиком И. Н. Ждановым и одним из зачинателей исторического изучения русского языка академиком А. И. Соболевским. К лингвистическим работам К. Ф. Жакова (по топонимике, грамматике коми языка, его родству с другими языками) проявили интерес один из крупнейших финских языковедов Э. Н. Сетяля и И. А. Бодуэн-де-Куртене, принадлежавший к числу виднейших представителей сравнительно-исторического языкознания.

Во многих написанных Жаковым рассказах и очерках содержатся описания быта, материальной культуры, нравов и обычаев коми. Хорошо зная предания, сказки, песни народа коми, К. Ф. Жаков использовал их в своих произведениях. Пересказывая, а чаще создавая по мотивам фольклора собственные произведения, Жаков вводил читателя в увлекательный сказочный мир. Знакомые не слу-

чайно говорили, что Жаков — «популяризатор божией милостью». Его произведениями заинтересовались М. Горький, А. Блок, В. Брюсов, Я. Райнис...

Много сил К. Ф. Жаков отдавал просветительской работе. Замечая недостатки в устройстве современного ему общества, Жаков находил только один путь его улучшения — просвещение, видя в его отсутствии, в частности, одну из главных бед коми народа. Он ежегодно приезжал на Север читать лекции, добивался открытия в Усть-Сысольске технического училища, издания коми газеты, изучения в школах родного края и особенностей культуры и быта местного населения, местной истории — но безуспешно.

В 1918 году К. Ф. Жаков работал во Пскове. В 1919 году, после захвата города белогвардейцами, он уехал в Прибалтику к родственникам жены, где и остался после провозглашения независимости прибалтийских республик, преподавал в Тарту, потом жил в Риге. Под конец жизни он хотел вернуться в Россию и договорился о работе в Пермском университете, но болезнь и смерть в январе 1926 года помешали этому. В тридцатые годы просветителя, ученого, писателя, так много сделавшего для культурного обмена между коми и русским народами, провозгласили «национал-шовинистом», «идеологом коми буржуазии и кулачества», «белоэмигрантом» и «политическим шарлатаном»... Рецидивы этой «точки зрения», к сожалению, полностью не изжиты и сейчас.

Питирим Александрович Сорокин (1889—1968), сын русского рабочего из Устюга и коми крестьянки из деревни Римья, родился в селе Турья. Преодолев ряд преград (бедность, тюремное заключение вследствие участия в политической борьбе в рядах эсеровской партии и т. д.), Сорокин поступил сразу в два высших учебных заведения — в Петербургский университет и в Психоневрологический институт. Большую помощь оказал ему на первых порах К. Ф. Жаков. Вероятно, под влиянием последнего Сорокин

занялся этнографическим изучением народа коми — его материальной культуры (одежды, поселений, жилищ и т. п.), обычаев, верований, опубликовал несколько статей на эту тему («Современные зыряне», «К вопросу об эволюции брака у зырян» и другие) в изданиях Архангельского общества изучения Русского Севера и Вологодского общества изучения Северного края. В одной из них приведен, между прочим, любопытный факт: «Зыряне,— писал П. А. Сорокин в 1911 г.— третий народ по грамотности в России: первыми идут немцы, вторыми евреи и затем зыряне». Питирим Александрович справедливо отмечал, что «работа... в области науки и народного просвещения всегда полезна, всегда нужна народу». Он придавал большое значение вовлечению людей в изучение родного края. Им была составлена специальная «Программа по изучению зырянского края», изданная в 1918 году.

П. А. Сорокин выступал за выделение Коми края в автономную единицу, связывая с этим возможности более быстрого его экономического и культурного развития. Он отрицательно отнесся к Октябрьской социалистической революции (в этом нет ничего удивительного, поскольку он был одним из лидеров партии правых эсеров, к которой принадлежал и последний глава Временного правительства А. Ф. Керенский; последнего, кстати, связывали с Сорокиным довольно тесные контакты, и не случайно после свержения Временного правительства и бегства Керенского его жена нашла убежище в Коми крае). В 1918 году Питирим Александрович отошел от политики, преподавал социологию в Петроградском университете. В 1922 году его в числе ряда других видных деятелей науки и культуры (среди них Н. Бердяев и другие) выслали за границу. В дальнейшем он жил в Чехословакии, потом в США, где преподавал в Миннесотском, затем в Гарвардском университете. Разработанные им социологические теории принесли ему заслуженную мировую известность. Умер он в США в 1968 году.

В начале XX века появились и первые работы В. П. Налимова. Активно занимался краеведческой работой А. А. Цембер. Опубликовал книгу о промыслах коми крестьян А. М. Мартюшев. Позднее последние двое стали активными участниками краеведческого движения двадцатых годов в Коми области; тесные контакты с Обществом изучения Коми края поддерживал тогда и В. П. Налимов.

Из этого сжатого очерка дореволюционного краеведения читатель может увидеть, что и в то время Коми край, провинция, задворки Российского государства, отнюдь не был местом, где не ступала нога исследователя и обитатели которого и слыхом не слыхивали ни о какой культуре, науке и просвещении. Напротив, в дореволюционный период происходил сбор краеведческого материала, в котором непосредственное участие принимали и местные жители; появились научные исследования. Немалая работа, проделанная энтузиастами — профессионалами и любителями — стала основой для резкого подъема краеведческого движения в двадцатые годы, о котором и пойдет речь в этой книге.

Обществу изучения Коми края — его возникновению, многогранной деятельности и трагичной судьбе — уделялось, увы, очень мало внимания в исторических исследованиях. Немногое можно прочесть в них и о краеведах, сотрудничавших в обществе. А ведь именно с ОИКК во многом связаны научные и культурные достижения первых полутора десятилетий Советской власти в Коми области — достижения, которые могли бы стать и более высокими, если бы развитие краеведческого движения не было насильственно прервано в начале тридцатых годов.

«Коми котыр» и другие

Стремление к объединению, к совместной работе по изучению Коми края появилось у краеведов еще до рево-

люции, в начале XX века, чему немало способствовали К. Ф. Жаков и П. А. Сорокин, активно сотрудничавшие в «Архангельском обществе изучения Русского Севера» и «Вологодском обществе изучения Северного края», ясно представлявшие себе преимущества организованной работы. С их «подачи» группа усть-сысольских краеведов объединилась в Усть-Сысольское отделение АОИРС, а ряд яренских интеллигентов состоял в «Вологодском обществе...» Но из-за равнодушия властей, слабости издательской базы, отсутствия местных печатных органов ни усть-сысольская, ни яренская организации не стали массовыми, активно действовавшими обществами.

После Февральской и Октябрьской революций, установления Советской власти и, наконец, провозглашения Автономной области Коми положение изменилось. Под влиянием этих событий произошло резкое усиление интереса местного населения к истории и культуре народа коми, к природным богатствам края и перспективам его экономического развития. Стремление изучать родной край стимулировалось и первыми успехами научных исследований, проводившихся в 1919 — начале 1920-х годов на Европейском Северо-Востоке Комиссией по изучению Русского Севера при ВСНХ, Северной научно-промысловой экспедицией ВСНХ и другими учреждениями.

В 1917—1918 годах появились первые местные печатные органы. В 1917 году вышло около 40 номеров «Яренской газеты» и 3 номера издававшихся в Усть-Сысольске «Известий Общества обновления местной жизни». С 1918 года стали выходить «Известия Яренского уездного Совета крестьянских депутатов», а в Усть-Сысольске — «Зырянская жизнь». Газеты способствовали усилению и углублению интереса населения не только к переменам, происходившим в политике и экономике, но и к проблемам культурного развития. Появилась возможность публиковать заметки краеведческого характера.

В развитии национальной культуры, в просветитель-

ской работе среди населения была заинтересована и новая власть. Не случайно во многих волостях края возникали небольшие культурно-просветительные кружки, члены которых должны были, в частности, содействовать развитию национальной культуры народа коми.

Важным шагом в объединении культурных сил Коми края стало создание общества «Коми котыр» («Союз содействия материальному и духовному развитию Зырянского края») в июне 1918 года в Яренске. В его состав вошли А. С. Сидоров, В. А. Молодцов и другие представители коми интеллигенции. «Коми котыр», говорилось в его уставе, «имеет своей целью способствовать поднятию материального и духовного благосостояния Зырянского края». Общество намеревалось, в частности, организовывать экспедиции, проводить другие исследования природных богатств Коми края. Важное значение «Коми котыр» придавал «культивированию здорового национального чувства», для чего планировал устраивать библиотеки, читальни, лекции, выставки, музеи и т. д., а также заниматься «изучением местного зырянского края», создавая для этого «специальные комитеты, отделы, комиссии и секции по мере дальнейшего развертывания своей деятельности». Свои идеи, результаты деятельности коми-котырцы собирались пропагандировать в печати, заниматься книгоизданием на русском и коми языках...

«Коми котыр» ставил и еще одну важную задачу: «образование особой административной зырянской единицы» (напомним, что в тот период коми еще не имели автономии). Именно это в тридцатые годы стало основной причиной того, что «Коми котыр» был объявлен «крупной контрреволюционной организацией буржуазных националистов».

В «Коми котыр» объединились люди самых различных политических взглядов, но для них приоритетом была тогда культурно-просветительная работа среди населения, а не выяснение политической физиономии друг друга. В условиях гражданской войны общество не смогло просуществовать долго и распалось. Конечно, «Коми котыр» не был чисто краеведческой организацией, но элементы краеведения в его уставе нельзя не заметить, как нельзя не упомянуть и о близости предполагавшихся направлений деятельности «Коми котыр» и работы возникшего позднее Общества изучения Коми края.

С открытием в январе 1921 г. Института народного образования в Усть-Сысольске развитие краеведения в Коми крае получило новый импульс. В ИНО работали А. С. Сидоров, В. А. Молодцов, А. А. Чеусов и другие коми ученые и краеведы. В институте изучался целый ряд краеведческих дисциплин: история культуры и этнография коми, коми язык, история коми народа, коми литература, география Коми края, музейное дело, методика краеведения. ИНО стал центром краеведческой работы в Коми крае. Но с течением времени становилось все яснее, что рамки одного учебного заведения слишком тесны для решения огромных задач, стоявших перед краеведением. Требовалась организация, которая объединила бы всех краеведов Коми области, установила бы прочные, деловые контакты с советскими, хозяйственными, партийными органами, общественными организациями. Словом, нужно было создать общество краеведов.

На это настраивал и ход событий в целом по стране, где бурно росло краеведческое движение. Тому было много причин, среди которых — и рост интереса самых широких слоев населения к своему прошлому и настоящему. Но кроме того, в краеведение углубились, например, те представители старой интеллигенции, которые не умели быть бездеятельными по своему душевному складу, но с трудом находили себе место в новом обществе. Это была своеобразная отдушина, сфера применения сил и знаний, требовавшая к тому же срочного вмешательства: в огне революции горели не только обломки старого строя — полыхала библиотека Александра Блока в Шах-

36840

БИБЛИОТЕКА
Национальный музей
Республики Коми
города Сыктывкар

матово, гибли художественные ценности... Конечно, в краеведение ушли не только те, кто не нашел себе места в новой России. По словам известного историка С. О. Шмидта, тогда «была жива естественная связь краеведения со свойственным именно России движением земства, хождением в народ... Это внутренняя потребность — сеять культуру».

В декабре 1921 года в Москве состоялась 1-я Всероссийская конференция научных обществ по изучению местного края, созванная Академическим центром Наркомпроса. Ее участники предложили создать Ассоциацию научных учреждений во главе с Российской Академией наук. Решено было на первых порах учредить Центральное бюро краеведения при Академии наук, которое занималось бы координацией деятельности краеведческих обществ. В январе 1922 года Российская Академия наук постановила образовать Центральное бюро краеведения.

Руководители краеведческого движения России уделяли огромное внимание развитию краеведения в национальных районах. Так, видный ученый и один из руководителей ЦБК академик Н. Я. Марр, выступая на 2-й Всесоюзной конференции по краеведению в 1924 году со специальным сообщением «Национальности в краеведческой работе», сказал: «Все национальности захвачены мыслью подняться культурно и заняться изучением производительных сил в целях культурного подъема и хозяйственного строительства. Необходимо координировать наши работы с национальными меньшинствами».

Первая попытка создать краеведческое общество в Коми области была предпринята вскоре после образования автономии. Как писал в 1928 году председатель Общества изучения Коми края Д. А. Батиев, «в 1922 г. (вероятно, опечатка; надо — 1921 — авт.) после образования Автономной области сразу же при облревкоме было организовано Общество изучения Коми края, но благодаря отвлечению всего внимания органов власти и общественных сил на организацию области и ее управленческого аппарата — это общество, почти не родившись, прекратило свою деятельность». Кто был в числе организаторов этого общества,— Д. А. Батиев не упомянул. Возможно, что названное им общество и Общество изучения Зырянского края, о котором говорится в дневниковых записях А. А. Цембера — одна и та же организация.

А. А. Цембер упомянул о несостоявшемся ввиду неявки большинства членов заседании Общества изучения Зырянского края 24 марта 1922 года. Помимо Цембера, членами общества состояли В. Ф. Попов, Н. В. Городецкий, П. П. Ползунов, В. Н. Старовский и другие (их имена и общая численность неизвестны). Вполне вероятно, что А. А. Цембер, учитывая его дореволюционный опыт краеведческой работы (он был руководителем Усть-Сысольского отделения АОИРС), входил в состав инициаторов создания Общества изучения Зырянского края. То, что заседание 24 марта не состоялось, подтверждает в известной мере слова Батиева о равнодушии большинства членов общества к его деятельности.

Рождение общества изучения Коми края

Новая, оказавшаяся на сей раз удачной попытка создать краеведческое общество была предпринята в мае 1922 года. Д. А. Батиев писал, что тогда «тремя-четырьмя краеведами внутри... Коми института (народного образования — авт.) была создана ячейка по изучению Коми края». Возникновение этой «ячейки» следует, пожалуй, связать с приездом в Усть-Сысольск деятельного и знающего исследователя профессора А. Н. Грена, ставшего преподавателем Института. Его авторитет сыграл немалую роль в поддержке этого начинания не только преподавателями ИНО, но и партработниками, другими представи-

телями усть-сысольской интеллигенции, на собрании которых 16 мая 1922 года решено было учредить Общество изучения Коми края (ОИКК). Ведущую рель Грена в организации краеведческих исследований в Коми области отметил журнал «Известия ЦБК» (№ 1, 1925 год): «Крупная организационная работа проделана в Обществе изучения Коми края, где началась интересная исследовательская работа. По инициативе Грена затронуты многочисленные вопросы истории края и народа коми, его фольклора, археологии, экономики...»

Подробности собрания, состоявшегося 16 мая, к сожалению, не известны. Это была небольшая группа лиц, «осознавших с образованием автономии Коми важность краеведческой работы» (так писали позднее сами руководители ОИКК). Документ сохранил имена десяти членов-учредителей общества: партработник Я. Ф. Потапов, преподаватели ИНО А. Н. Грен и А. С. Сидоров, советский работник М. А. Молодцова (сестра видного коми лингвиста В. А. Молодцова), А. А. Айбабин из облсуда, сотрудник облстатбюро Н. А. Соснин, работник областного отдела наробраза А. Ф. Богданов, преподаватели А. А. Суханов и А. А. Суханова, Н. А. Шахов. Председателем ОИКК стал Алексей Николаевич Грен.

Вскоре к ним присоединились еще несколько человек, среди них журналист и общественный деятель А. А. Чеусов. Первые год-полтора существования ОИКК прошли, главным образов, в организационной работе: обсуждались устав общества, программа его деятельности. На собраниях общества вспыхивали острые дискуссии. Кроме обсуждения программы и устава, на заседаниях читались и обсуждались научные доклады (этим особенно активно занимался Чеусов). «Штаб-квартира» ОИКК размещалась в Институте народного образования (преобразованном в 1923 году в Центральный педтехникум повышенного типа).

ОИКК не сразу установило контакты с центральными

краеведческими органами. В списке краеведческих организаций, возникших в 1922 году (он был опубликован в журнале «Краеведение» № 1 за 1923 год) Общество изучения Коми края не упомянуто. Не присутствовали представители ОИКК на четвертой сессии ЦБК, состоявшейся в конце 1922 — начале 1923 года; вследствие этого их не оказалось и среди избранных на этой сессии членов-корреспондентов Центрального бюро краеведения от местных обществ. Но пробел этот был довольно быстро восполнен, и в следующем номере «Краеведения» появилось сообщение: «Усть-Сысольск (Сев.-Двинск. губ.).—«В городе с мая 1922 г. существует «Общество изучения Коми края», в него входят 50 членов. За свое существование общество устроило 12 заседаний с 11 докладами, преимущественно по истории и этнографии. В работах общества энергичное участие принимают студенты местного Института народного образования».

Работа над уставом ОИКК была завершена только в 1923 году, причем его пришлось еще переделывать в соответствии со специальным циркуляром НКВД № 158 от 30 мая 1923 года «О порядке утверждения научных, литературных и научно-художественных обществ, не преследующих целей извлечения прибыли». В циркуляре требовалось от всех обществ «в трехмесячный срок переработать их уставы применительно к прилагаемому «Нормальному уставу». Этот «Нормальный устав» был утвержден НКВД, наркомпросом и наркомюстом, причем НКВД шло тут на первом месте. Стремясь по возможности контролировать деятельность всех возникавших в стране общественных организаций и их руководство, работники НКВД включили в устав следующий пункт: «О составе избранного правления и о всех происходящих в нем изменениях сообщается соответствующему органу НКВД».

К этому времени в различных населенных пунктах РСФСР, не считая Москвы и Петрограда, существовало уже 231 общество, их отделения и кружки, занимавшиеся

краеведческой работой, 285 музеев, 21 биологическая станция, 16 заповедников. 29 марта 1923 года образовалось, между прочим, Общество изучения Пермяцкого края в Кудымкаре, у коми-пермяков. Позднее открылся филиал этого общества «Зюздинский край» у зюздинских коми.

В конце концов устав ОИКК, соответствующий всем требованиям, был принят на собрании Общества изучения Коми края 4 ноября 1923 года и затем через некоторое время утвержден облисполкомом. Цель создания общества в уставе была сформулирована так: «Общество изучения Коми края имеет целью изучение Коми края в историко-археологическом, этнографическом, экономическом, лингвистическом и др. отношениях и объединение лиц, научно работающих в области изучения этих вопросов, а также научную разработку и распространение соответствующих сведений и пробуждение интересов к задачам общества в общественной среде».

ОИКК состояло из двух основных отделов: историко-этнографического и экономического. В первом выделялись 4 секции: историческая, этнографическая, литературных работников, лингвистическая. Экономический отдел делился на 5 секций (промышленная, лесная, кооперативная, агрокультуры, юридическая). Состав секций не был постоянным — впоследствии часть из них прекратила существование, вместо них возникли новые: археологическая, антропологическая, комиссия по собиранию словаря и изучению диалектов, кружок мироведения и т. д. Таким образом, созданное общество через свои секции и отделы охватывало практически все стороны краеведения.

Краеведы планировали осуществлять научные командировки и экспедиции, устраивать лаборатории, обсерватории, опытные станции, проводить экскурсии, читать лекции, организовывать выставки, печатать краеведческую литературу, заслушивать и обсуждать доклады на своих собраниях, создать научную библиотеку и музей. Из этого

перечня, зафиксированного в уставе, видно, что в деятельности ОИКК должны были тесно сочетаться научно-исследовательская и культурно-просветительная работа.

Во главе ОИКК стояло избиравшееся на 1 год правление (президиум) из семи человек, в том числе представитель Коми обкома партии. В правление вошли А. Н. Грен, А. С. Сидоров, А. А. Чеусов, Н. А. Соснин, А. А. Айбабин, Д. А. Батиев и «представитель от обкома», чье имя на собрании не было названо, поскольку своего представителя в ОИКК назначал сам областной комитет. Видимо, этим представителем стал Я. Ф. Потапов, один из членов-учредителей общества. Он же стал и новым председателем ОИКК.

Один из организаторов советского и партийного строительства в Коми крае, Яков Федорович Потапов родился в с. Додзь в 1890 году, до 18 лет трудился в хозяйстве отца, затем — на уральских заводах. В 1912—1918 годах служил в армии, вступил в РСДРП(б), участвовал в Октябрьской революции, избирался в Кронштадтский совет рабочих и солдатских депутатов. Вернувшись в Додзь в 1918 году, организовал там волостной совет и партячейку, затем работал в Усть-Сысольске. Участвовал в гражданской войне, воевал на Восточном фронте, снова вернулся к партийной работе в Коми крае, став вначале секретарем усть-сысольского уездного комитета РКП(б), а в 1921 году — первым секретарем первого состава Коми ОК РКП(б).

Дальнейшая судьба Я. Ф. Потапова, однако, куда менее освещена в книгах. Через год после своего избрания на пост первого руководителя области, в начале 1922 года он был снят с этой должности. Вероятно, причиной этого были острые разногласия в руководстве области, связанные с территориальными спорами между Коми областью и соседними регионами.

Смещенный с поста первого секретаря, но оставленный на ответственной партийной работе, Я. Ф. Потапов принял активное участие в организации ОИКК. Нет нужды гово-

рить, какую важную роль играла в развитии краеведческого движения поддержка советских и партийных органов. Я. Ф. Потапов сумел ее обеспечить, и во многом благодаря его усилиям ОИКК встало на ноги. Но вскоре, уже весной 1924 года, Я. Ф. Потапова перевели на работу в Вятку. Новым председателем ОИКК стал Д. А. Батиев — по странному стечению обстоятельств, тоже занимавший до этого ответственные посты в областном руководстве и с большим треском смещенный с них. Заместителем («товарищем») председателя был избран А. С. Сидоров, ответственным секретарем — Н. А. Соснин (позднее его сменил А. А. Чеусов).

Почетным председателем общества был избран В. И. Ленин, почетными членами — М. Н. Покровский (известный историк, заместитель наркома просвещения), Н. И. Бухарин, М. И. Калинин, И. Сталин, Павлович (вероятно, М. П. Павлович, участник революционного движения, ученый-востоковед, член коллегии наркомнаца, председатель Всероссийской научной ассоциации востоковедения и ректор Московского института востоковедения), райком Красной Пресни, райсовет Красной Пресни, «обком РКП(б) в лице секретаря», В. В. Богданов (заместитель председателя ЦБК, председатель Московского отделения ЦБК), В. П. Налимов, А. А. Чернов (крупный ученый-геолог, исследователь природных богатств Коми края, первооткрыватель Печорского угольного бассейна), Е. М. Мишарин (председатель Коми облисполкома).

После принятия и утверждения устава ОИКК «изучение края,— как писал позднее Д. А. Батиев,— приняло общественные формы», были «вовлечены сразу же 50 человек из работников вне института». Открывались новые возможности для краеведческой работы.

«70 пудов книг»

Усть-Сысольск находился в отдалении от культурных центров страны, и для коми краеведов были малодоступны научные работы и исторические документы, находящиеся в библиотеках и архивохранилищах других городов, что затрудняло исследовательскую работу, вовлечение в нее новых людей. Поэтому, как писали в 1928 году руководители ОИКК, «Общество изучения Коми края с первых дней своего существования было поставлено перед необходимостью создания собственной библиотеки, где бы могли быть сконцентрированы с наибольшей полнотой все древние исторического характера письменные памятники, относящиеся к прошлому коми народа». Усилия краеведов привели к тому, что при ОИКК была создана первая в Коми области научная библиотека. Книги для нее собирались в областных учреждениях, а также изымались (за плату, конечно) из научных учреждений Москвы, Ленинграда и соседних с Коми областью регионов. Для этого, а также для пополнения фондов областного краеведческого музея по инициативе ОИКК, поддержанной областными органами власти, было принято постановление ВЦИК от 29 марта 1926 года о передаче Коми области дубликатов музейных экспонатов и литературы по Коми краю из всех учреждений, подведомственных наркомпросу РСФСР.

Для изъятия книг общество посылало в разные города своих членов. Этой работой занимались, кроме того, Московское и Ленинградское отделения ОИКК. С архивных документов снимались копии. В. И. Лыткин и А. С. Сидоров приобретали книги для библиотеки за границей (в частности, ряд книг и рукописей был куплен В. И. Лыткиным у вдовы К. Ф. Жакова в Риге). Библиотека пополнялась и за счет обмена литературой с другими краеведческими и научными учреждениями: ОИКК посылало им журнал «Коми му», а позднее — также «Записки» обще-

ства, издававшиеся с 1928 года, взамен получая их издания.

К концу 1927 года в библиотеке ОИКК (она находилась при музее) насчитывалось до 10 тысяч томов. В 1928 году в библиотеке имелось 8 отделов: истории, литературы, периодических изданий, географии, естественной истории, экономики, этнографии, рукописей. «В числе книг,— с удовлетворением отмечали сами краеведы,— имеются очень ценные и редкие издания: Шлаттер «Обстоятельное описание рудно-плавильного дела»... Издан[ие] 1763 г.; Фишер Эбергардт Иоганн «Сибирская история от самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием», изд. 1774 г.; Кузьма Маканов «Описание Архангельской губернии», изд. 1813 г.; «Путешествие Академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 г.», изд. 1772 г.; «Путешествие около света, которое совершил в 1740, 41, 42, 43, 44 годах адмирал Лорд Ансон, собранное из его записок Рихардом Вальтером», изд. 1751 г. и много других старинных изданий». В библиотеке имелись копии переписей населения Коми края XVI—XVII столетий и другие ценнейшие исторические источники.

Благодаря Обществу изучения Коми края возобновил деятельность краеведческий музей в Усть-Сысольске. Он был организован еще в 1911 году, но в 1916 фактически перестал действовать. Экспонатов в нем было мало, и хранились они без особого порядка. ОИКК, едва возникнув, сразу же решило заняться музеем. Члены ОИКК активно собирали экспонаты. Например, А. С. Сидоров, побывав в мае 1924 года в закрытом к тому времени Ульяновском монастыре на верхней Вычегде, привез оттуда 134 «церковных предмета», среди них «икона Стефана Пермского с частью мощей его в металлической оправе», «посох с длинными головами, камнями и крестиком из камней наверху», «крест из черного дерева» и т. д. Оттуда же А. С. Сидоров привез для библиотеки извлеченные им из

подвалов «20 мешков книг» («около 70 пудов») и сообщил, что из-за равнодушия местных властей к имуществу монастыря немало ценных книг утрачено.

Первоначально работа над открытием музея сдерживалась из-за нехватки средств, но уже в мае 1924 года журнал «Коми му» извещал: «Общество изучения Коми края теперь располагает для оборудования Коми областного музея и Естественно-исторического кабинета при нем ценностями и деньгами на сумму около 5000 рублей золотом». Долго обсуждался вопрос о здании для музея. В конце концов для музея был отведен первый этаж дома по Республиканской улице (ныне — ул. Орджоникидзе), где он располагается и по сей день. Со временем музею передали и второй этаж. ОИКК не раз поднимало вопрос о передаче под музей здания Стефановского собора, но, увы, безрезультатно (а ведь краеведы сохранили бы собор, и он, наверное, и по сей день радовал бы глаз горожанина).

Торжественное открытие музея состоялось 2 ноября 1924 года в 12 часов дня. На открытии с докладами выступили А. А. Чеусов («Коми краеведение»), А. В. Холопов («История коми музея») и Д. А. Батиев («Цели и задачи ОИКК»). Хотя средств на музей выделялось немного (это констатировал в своей заметке в «Югыд туй» 15 марта 1925 года А. А. Чеусов), но он начал работать, пополнялся экспонатами. Так, в 1925—26 годах профессор Д. Т. Янович (ученик К. Ф. Жакова) привез из экспедиционной поездки на Ижму «экспонаты из ижемского быта... общим количеством до 800 предметов». Одной из особенно примечательных находок, доставленных в музей по инициативе Д. Т. Яновича, была «фигура деревянного идола мужского пола», обнаруженная охотником П. Вокуевым в Ошмосской пещере на р. Ижемской Кедве. Журнал «Известия ЦБК» (1926, № 2) сообщал, что недалеко от пещеры «замечены груды камней, показывающие, как будто были когда-то там жилища». В пещере был и второй идол, но,

как с сожалением отметили краеведы, «где находится фигура женского пола — неизвестно». А. С. Сидоров привез с Ижмы в 1924 году 58 экспонатов: «чудской топор» и другие «чудские» древности, орудия охоты, образцы одежды коми-ижемцев и ненцев.

В 1925 году музей состоял из двух отделов: художественно-исторического и общего. В 1926 году приступили к организации художественного и церковно-исторического отделов. Для художественного отдела в 1927 году были приобретены картины местных художников «с местным бытом». При помощи Д. Т. Яновича удалось получить из московских научных учреждений, в частности, из Государственного музейного фонда Главнауки, несколько сот «художественных предметов»— картин, скульптур, изделий из фарфора и бронзы. Руководители ОИКК с гордостью информировали: «Удалось получить оригиналы таких мастеров, как Айвазовский, Венецианов, Тропинин, Скотти». В 1927 году в музее было уже 6 отделов: естественно-исторический (с материалами о полезных ископаемых Коми области, о древних животных, некогда водившихся на этой территории, о современном растительном и животном мире края), «быта коми народа» (его экспонаты рассказывали о хозяйстве, одежде, детских игрушках и т. д.), истории, библиотечный, церковно-исторический и художественный. Музейные работники с удовлетворением говорили, что музей пользуется большой популярностью среди горожан.

Краеведы проделали большую работу по организации государственного архива в Коми области. Архив был открыт в 1922 году, его возглавил А. А. Цембер. В архиве сосредоточились архивы всех государственных учреждений Усть-Сысольска и дореволюционного Усть-Сысольского уезда. В дальнейшем краеведы планировали продолжить собирание архивных документов по Коми области из других учреждений. В частности, они собирались перевести в Усть-Сысольск из Москвы фонд Яренской воеводской канцелярии, содержащий ценнейшие документы о Коми крае XVIII века, но безуспешно.

По представлению археологической комиссии ОИКК Коми облисполком 13 мая 1924 года принял постановление об охране памятников искусства, природы и старины, согласно которому «все историко-археологические памятники в Коми области — чудские городища, чудские кладбища, курганы, места древних доисторических поселений, тайники, заповедные места, памятники гражданской и церковной старины и друг.— объявляются народным достоянием». Воспрещалось их уничтожение, порча и хищение, запрещалась перестройка и ремонт старинных зданий и церквей без разрешения облисполкома. Все старинные вещи и документы, хранившиеся у частных лиц, подлежали регистрации в ОИКК, а обнаруженные кем-либо «предметы древнего происхождения» следовало сдавать в музей общества. При ОИКК была создана специальная комиссия по охране памятников искусства, природы и старины.

«Один из самых лучших краеведческих журналов России»

Члены ОИКК ясно сознавали, что для успешного развития краеведческого движения в Коми области необходим краеведческий журнал. Так, на заседании общества 4 ноября 1923 года Д. А. Батиев предложил издавать «журнал по типу «Вятская жизнь» (краеведческий журнал, издававшийся в Вятке). Идею Батиева поддержали другие краеведы, и решено было обратиться в областное экономическое совещание с ходатайством о предоставлении обществу средств на издательское дело. Вопрос о создании журнала обсуждался еще не раз. Например, на заседании ОИКК 3 февраля 1924 года шла речь о выпуске краеведческого журнала «Коми олöм», в котором должен был быть и литературный отдел.

Первым шагом к созданию собственного журнала стал выпуск литературного журнала «Парма ёль», второй номер которого (первый вышел в 1922 году и к ОИКК прямого отношения не имел), изданный в 1923 году, являлся «органом литературной секции Общества изучения Коми края». Однако в силу каких-то причин второй номер журнала оказался и последним...

Но вот наконец предложение краеведов было поддержано, и весной 1924 года тиражом 1000 экземпляров вышел первый, сдвоенный (№ 1—2) номер «экономического и краеведческого журнала» «Коми му» — «Зырянский край», издателями которого являлись облисполком и Общество изучения Коми края. Журнал стал выходить каждый месяц (правда, случались выпуски сдвоенных и даже одного «счетверенного» номера — № 7—10 за 1924 год). В нем имелись 4 основных отдела: экономический, краеведческий, литературный и отдел культурной жизни. В экономическом отделе печатались материалы о лесном хозяйстве, земледелии и землеустройстве, различных промыслах, транспорте и т. д., в краеведческом — материалы об истории, этнографии, археологии, фольклоре народа коми, о природных богатствах Коми области и другие, в литературном — поэзия и проза на коми языке, в культурном — статьи о школьной работе, подготовке учителей и т. д. Кроме этих отделов, в «Коми му» существовали рубрики «Сообщения с мест», «Экономическая хроника», «Краеведческая хроника», «Критика и библиография».

Редактором журнала стал И. М. Попов, членами редколлегии — А. А. Маегов, Я. Ф. Потапов (вскоре после его отъезда Потапова сменил Д. А. Батиев), А. С. Сидоров. Они же редактировали основные разделы журнала (А. С. Сидоров, в частности, вел краеведческий отдел). Потом в разное время редакторами журнала были В. С. Клочков, С. С. Попов, А. С. Иевлев и другие, в редколлегию входил А. В. Стенин и т. д.

ОИКК стремилось привлечь к участию в журнале максимальное количество краеведов. Обращаясь к читателям в первом номере журнала, редакция заявляла: «Коми край впервые получает возможность издавать экономический и краеведческий журнал. ...Широкая программа его дает возможность освещения всех сторон местной экономики и краеведения. Принимая столь сложную и ответственную работу, редакция журнала, конечно, не мыслит для себя эту задачу выполнимой без участия в этой работе всех культурных сил края.

Каждый интересующийся своим малоизведанным во всех отношениях краем, должен поставить себе задачей установить непосредственную связь с редакцией журнала, писать ей обо всем, что касается материальной и духовной культуры и экономическо-хозяйственного благосостояния края.

...Только такая связь журнала с широкими массами сделает его интересным, полезным и нужным, и только при этом условии жизненность его можно будет считать обеспеченной».

В третьем номере «Коми му» за 1924 год было помещено специальное объявление: «Редакция журнала «Коми му» — «Зырянский край» обращается ко всем гражданкам и гражданам с настоятельной просьбой присылать материалы по всем вопросам, касающимся освещения Коми края и коми народа, его жизни и языка в настоящем и прошлом (экономика, краеведение, литература и проч.)...» В этом обращении, по сути, кратко сформулирована программа журнала.

Стоит особо отметить, что «Коми му» не ограничивался публикациями материалов только жителей области и только о коми народе. На страницах журнала печатались статьи видного коми этнографа В. П. Налимова, жившего в Москве, известного удмуртского писателя и собирателя фольклора Кузебая Герда, коми-пермяцкого исследователя А. Ф. Теплоухова, краеведа И. Мёсшега, присылавшего свои заметки из Финляндии, и других. Среди публикаций

можно встретить материалы о ненцах и коми-пермяках, удмуртах и т. д.

Журнал «Краеведение» откликнулся на выход «Коми му» одобрительной рецензией: **«Оба [первых] номера содержательны и интересны... Уже по обоим вышедшим номерам журнала можно судить о большой культурной работе, идущей в крае;** увеличение литературы на родном языке населения усиливает спрос на книгу; а спрос на туземную книгу опять-таки настоятельно влияет на творчество на местном языке. Пока в журнале по-зырянски печатаются только мелкие стихотворения и короткие рассказы, но в недалеком будущем зырянский язык может перекочевать и в научные отделы; в библиографии уже дан отзыв о первой грамматике, изданной на зырянском языке. Внешность журнала безукоризненна».

Центральные краеведческие журналы и в дальнейшем уделяли внимание «Коми му». «Краеведение» № 3—4 за 1925 год информировало: «Нельзя не отметить всей важности краеведческого подхода к изучению разнообразных нужд края... Особенно приятно отметить подобный подход и в разбираемом журнале, ставящем своей задачей «возможно всестороннее освещение и разработку вопросов хозяйственно-экономической жизни и краеведения Коми... Автономной области». Журнал... печатается на хорошей бумаге... Издание это делает большую культурную работу, к которой с интересом присматриваются как все изучающие Коми область, так и вообще наш Север».

В «Краеведении» № 4 за 1926 год подчеркивалось: **«Заложены крепкие основы краеведения и создана блестящая возможность краеведческой работы как исследовательской, так и организационной в тех районах и областях страны, где в распоряжении краеведческих организаций имеется свой печатный орган** и результаты местных исследований могут быть публикуемы вскоре после их получения... Автономная область Коми... подтверждает вышесказанное...» Отмечалось, что «краеведческое значение»

в «Коми му» «имеет не только то, что официально печатается в краеведческом отделе, но и в других, напр., экономическом, хронике и т. п.»

ОИКК посылало «Коми му» 53 научным и краеведческим учреждениям внутри СССР (Государственному историческому музею в Москве, Российской академии материальной культуры и т. д.) и 14 зарубежным — в Финляндию, Венгрию, Китай и другие страны (среди адресатов — Манчжурское общество изучения края, Голландский естественно-исторический музей и др.). **Известный финский археолог А. Тальгрен назвал «Коми му» «одним из самых лучших краеведческих журналов в России».**

Филиалы ОИКК: от Помоздино до Петрограда

Создание краеведческого журнала способствовало быстрому росту краеведческого движения в Коми области. ОИКК вскоре перешагнуло границы Усть-Сысольска. На правах отделений общества возникли краеведческие кружки в Серегово, Айкино, Глотово, Помоздино, Подъельске, Деревянске, Ульяново, на Локчиме (возможно, в Мордино; точное местонахождение локчимского кружка не установлено). Судя по некоторым данным, отделения ОИКК существовали также, возможно, в Гаме, Небдино, Усть-Выми, Онежье, в Прокопьевской волости и в некоторых волостях на Сысоле. Многие из них были неустойчивыми, быстро распадались, возникали снова. В начале 1925 года фактически действовали лишь 8 кружков, в которых состояло 64 человека. В кружках работали, в основном, учителя и комсомольцы, но в некоторых участвовали и крестьяне.

Наиболее активным был кружок в Серегово, занимавшийся, главным образом, историей солеваренного промысла. Сереговские краеведы распределили между собой

конкретные темы, разработали программы работы. Ульяновский кружок (в начале 1925 года в нем состояло 30 человек) вел исследования северного молочного скота, проводил метеорологические наблюдения, ходатайствовал об открытии при Ульяновском сельхозтехникуме метеостанции. А. С. Сидоров отмечал «деловой подход к работе... у Глотовского кружка (при Глотовской школе на Удоре). Здесь собираются материалы о коновальстве, по материальному быту и фольклору. В Айкинском кружке... работают комсомольцы и крестьяне.., имеется метеорологический кружок молодежи». Помоздинские краеведы организовали при школе музей.

Необходимость организации краеведческих кружков «в самых отдаленных уголках» Коми края подчеркивали и руководители Центрального бюро краеведения. Так, в журнале «Краеведение» (1924 год, № 4) говорилось, что «особенно благоприятная почва» для создания краеведческой организации «имеется в селе Ижме, являющемся центром Ижмо-Печорского уезда... ЦБК не преминет пойти навстречу инициаторам путем посылки имеющейся литературы и сообщением необходимых на первых шагах указаний... Вторым местом, где имеется достаточное количество... подготовленных работников для изучения окружающей природы, населения и промыслов, является село Усть-Цильма...»

Число членов в сельских отделениях ОИКК было различным. Например, в начале 1926 года в Сереговском кружке состояло 58 человек, в Подъельском — 15, а в Деревянском — 8 (последний, правда, возник только в декабре 1925 года).

Отделения или филиалы ОИКК имелись и за пределами Коми области — в университетах Москвы, Петрограда и Перми и Вятском пединституте. Эти отделения возникли по инициативе коми студентов, обучавшихся в тамошних вузах. Между прочим, подобные инициативы получили полную поддержку руководства студенческих организаций.

Так, Центральное бюро пролетарского студенчества разослало специальное директивное письмо № 128 от 28 июля 1926 года, в котором говорилось о необходимости организации студенческих краеведческих кружков. Московское отделение ОИКК организовалось 14 апреля 1923 года, «Коми студенческий кружок» в Петрограде — в начале 1924 года. Через какое-то время он распался, а 19 декабря 1925 года организационно оформился Ленинградский филиал ОИКК, насчитывавший 16 человек.

На занятиях кружков, в которых участвовали не только студенты, но и партийные и советские работники Коми области, находившиеся в то время в Москве или других городах, заслушивались доклады по самым разным вопросам прошлого и настоящего Коми края. Например, в Ленинградском филиале с докладом о полезных ископаемых в Коми области выступал И. Худяев — первый коми ученый-геолог, уроженец с. Выльгорт, обучавшийся тогда в ЛГУ. Он был автором первого учебника по природоведению для начальной школы на коми языке, изданного в 1925 году («Ывла выв тӧдмалӧм»). Истории Коми края был посвящен доклад А. С. Забоева — тогда студента, а позднее литературного критика, тоже уроженца Выльгорта. Лучшие доклады печатались в «Коми му».

Опорой ОИКК был, конечно, кружок при Усть-Сысольском педтехникуме, который вел А. С. Сидоров. Выступая на заседании ЦБК 10 мая 1926 года с докладом о краеведческой работе в Коми области, А. С. Сидоров сообщил, что этот кружок «готовится к всестороннему изучению деревни и крестьянского хозяйства предстоящим летом во время каникул. С этой целью был разработан ряд докладов более обобщенного характера, ...составлен ряд вопросов (программ) для дальнейшего уточнения и конкретизации тем, задетых в докладах. Школьные организации предполагают снабдить такими программами всех учащихся своей школы, обязав их собиранием материалов».

Разработка различных программ по краеведению стала

особенно насущной в условиях роста краеведческого движения в Коми области. Определить общую численность членов ОИКК довольно непросто. В списке членов ОИКК, составленном 14 октября 1924 года, значилось 253 человека, но, по примечанию ответственного секретаря общества А. А. Чеусова, в списке отсутствовали данные (полностью или частично) о краеведческих кружках на Сысоле, о ряде вымских и вычегодских кружков, о кружках в Вятке и Перми. По словам А. С. Сидорова, в начале 1925 года в сельских кружках состояло всего 64 человека, а в кружках при вузах и техникумах — 133 человека, но в это число вошли только учащиеся (преподаватели и разные «посторонние» — красноармейцы и т. п.— здесь не учтены). Не приведены им данные об усть-сысольских краеведах (исключая учащихся педтехникума), составлявших, как можно догадываться, весьма многочисленную группу. Я. Н. Безносиков в книге «Культурная революция в Коми АССР» сообщает, что в 1925 году в ОИКК насчитывалось 554 члена. Как бы то ни было, в рядах ОИКК к этому времени (конец 1924—1925 годы) состояло свыше двух, а то и трех сотен человек. И каждый из них должен был знать, что и как нужно делать.

А. С. Сидоров, Д. А. Батиев, О. Визель разработали и издали (или разослали по отделениям) «Программу по историко-этнографическому изучению Коми края», «Программу по изучению естественной истории края», «Программу для собирания терминов родства», программы по археологическому, фенологическому изучению Коми области, программу сбора сведений и экспонатов для краеведческого музея... Разумеется, только рассылкой программ было не обойтись. Руководители ОИКК подчеркивали, что «требуется живое инструктирование на месте во всех кружках, на что в областном центре не имеется средств».

Всекоми краеведческий съезд

Необходимость улучшения координации как между самими краеведческими кружками, так и между краеведами и административно-хозяйственными органами, стала одной из причин проведения в 1925 году первой Коми областной краеведческой конференции (или, как говорили в период ее подготовки,— Всекоми краеведческого съезда). В опубликованной в газете «Югыд туй» 14 января 1925 года заметке А. А. Чеусова говорилось, что «съезд должен произвести учет... материальных ценностей и рабочей силы местности.., местных изданий, собранных материалов.., населенных мест» и т. д. Тот же Чеусов 3 июля 1925 года писал в «Югыд туй»: «Связь советской общественности с научными учреждениями и с государственными планирующими органами в Коми области до сих пор за три года существования Общества изучения Коми края... как следует быть не налажена. Организация постоянного Коми краеведческого областного бюро — основная задача».

Для подготовки краеведческого съезда было создано временное коми областное бюро краеведения, в которое вошли деятели ОИКК, советские и партийные работники. Была проделана немалая работа, и 10 июля в 6 часов вечера в помещении школы второй ступени в Усть-Сысольске состоялось открытие конференции. Она длилась 5 дней. Работа велась по двум секциям. Краеведческой секцией руководили А. А. Цембер, А. С. Сидоров, Д. П. Борисов, А. Н. Грен и А. А. Чеусов, а секцией производительных сил и экономики — Д. А. Батиев, Е. М. Мишарин, М. И. Колегов, Н. Лодыгин, Н. А. Соснин. На конференции обсуждались самые разные проблемы краеведческого движения в Коми области: музейное дело (с докладом выступил А. Н. Грен), архивное дело (А. А. Цембер), краеведение в коми школе (Д. П. Борисов), состояние производительных сил и экономики Коми области (Д. А. Батиев), Коми область в связи с районированием Севера (Е. М. Ми-

шарин), положение с коми алфавитом (И. М. Коданев), изучение литературы о Коми крае и Севере (А. А. Чеусов). А. А. Чеусов выступил также с общим докладом о задачах краеведения.

Выборы областного бюро краеведения состоялись, как это и принято на демократически проходящих форумах, в конце работы конференции (14 июля), после оживленного обмена мнениями о проблемах краеведения и о путях их решения. 21 июля на первом заседании облбюро были избраны его руководители. Председателем областного бюро краеведения (ОБК) стал Е. М. Мишарин. Ефим Михайлович Мишарин родился в 1890 году в с. Большелуг, работал учителем, в 1914—1917 годах служил в армии. После революции стал председателем Большелугского волисполкома, затем продовольственным комиссаром Усть-Сысольского уездного исполкома и Северо-Двинского губисполкома, был эсером, затем вступил в РКП(б), работал в Челябинской губернии.

Вернувшись в Коми область в конце 1921 года, Е. М. Мишарин занимался вопросами продовольствия, работал областным продовольственным комиссаром, стал членом облисполкома, а затем и его председателем. В качестве председателя облисполкома он оказал существенную поддержку краеведческому движению в Коми области, с большим вниманием относился, в частности, к краеведческим работам экономического характера.

Заместителем председателя ОБК стал Д. А. Батиев, секретарем — А. С. Сидоров. Кроме них, в президиум облбюро были избраны также А. А. Маегов и Н. А. Соснин. В состав ОБК вошли также С. С. Трофимов, представлявший в облбюро обком партии, В. П. Налимов, А. И. Бабушкин, М. И. Колегов. Кандидатами в члены областного бюро краеведения стали Н. А. Шахов и М. И. Йоль. В. П. Налимов и С. С. Трофимов были избраны представителями облбюро в ЦБК. При облбюро краеведения были созданы 2 комиссии: по изучению производительных сил края

(в нее вошли А. С. Сидоров, занимавшийся вопросами культуры, А. И. Бабушкин, отвечавший за экономические вопросы, и И. М. Попов, отвечавший за естествознание) и издательская (в ее составе — Н. А. Шахов, А. А. Маегов и Н. А. Соснин). Последняя, в частности, стала заниматься и журналом «Коми му», издателями которого стали теперь не облисполком и ОИКК, а облисполком и облбюро краеведения.

На заседании было «решено предложить ОИКК слиться с бюро». Слияния этого, однако, не произошло. Общество изучения Коми края по-прежнему занималось научно-исследовательской работой, а ОБК являлось органом, согласующим интересы ОИКК с административными и хозяйственными органами области. В частности, ОБК, по словам Д. А. Батиева, занималось «учетом краеведческих и научных сил края, учетом экспедиций, исследовательских материалов по краю, изучением производительных сил, охраной памятников старины, искусства и природы, проведением комплексного изучения Коми края совместно с Академией наук». Облбюро краеведения существовало при Коми облисполкоме. Оно состояло в ведении Главнауки РСФСР. Председатель ОБК, по существовавшему положению, входил в состав Центрального бюро краеведения.

На пути к созданию коми Академии наук и искусств

Краеведческое движение в стране ширилось. В марте 1926 года в СССР насчитывалось 1405 краеведческих обществ, кружков, музеев. В декабре 1925 года прошла Вторая краеведческая конференция — в отличие от первой и всех последующих она именовалась Всесоюзной (остальные — Всероссийские). Представители ОИКК на ней не присутствовали, но уже на состоявшемся в январе 1926 года VI пленуме (сессии) ЦБК А. С. Сидоров был избран

членом-корреспондентом Центрального бюро краеведения от ОИКК. В сессии с правом решающего голоса от ОИКК принимал участие Н. А. Шахов.

В том же году ЦБК командировало в Коми область своего сотрудника Н. С. Кобозева. По возвращении он сделал доклад о деятельности Общества изучения Коми края и некоторых его филиалов. Дав благоприятную оценку краеведческой работе в Коми области, Н. С. Кобозев отметил «недостаток научных сил, в особенности в глухих уголках».

На состоявшейся в декабре 1927 года Третьей Всероссийской конференции по краеведению членами ЦБК от Автономной области Коми были избраны С. С. Трофимов, сменивший к тому времени Е. М. Мишарина на посту председателя облбюро краеведения, и председатель ОИКК Д. А. Батиев.

Очень важно, что ведущие деятели ОИКК видели в создании и деятельности своего общества лишь первый шаг на пути развития науки в Коми области. Не прекращая работы по укреплению краеведческого движения, расширению связей общества с другими учреждениями, они в то же время придавали громадное значение установлению прочных контактов местных исследователей с АН СССР и высказывались за открытие в Коми области академических научных учреждений. За учреждение Коми академии наук и искусств выступал А. А. Чеусов. И. И. Розманов в качестве первого шага к созданию Коми академии наук предложил образовать в области Академический центр с секциями по изучению производительных сил, языка и литературы, музейной.

В 1927 году А. С. Сидоров выдвинул предложение об организации в Коми автономной области научно-исследовательского института и о комплексном исследовании Коми области Академией наук СССР при активном участии местных исследователей. Сидоров разработал проект положения о Коми краеведческом научно-исследователь-

ском институте, целью которого должна была быть «планомерная работа по поднятию культуры и хозяйства Коми области». Эту работу он предлагал вести в двух направлениях: 1) «изучение естественных производительных сил» (фауны, флоры, почв, недр, климата); 2) изучение языка, фольклора, материальной и духовной культуры и быта коми и ненцев, истории этих народов.

ОИКК представило в АН СССР свою программу комплексного исследования Коми области, составленную из трех отделов: 1) «Человек» (национальный состав населения, его антропологические особенности, язык и литература, «культурно-бытовая характеристика», археология и история, «современная социальная организация»); 2) «Природа и ее ресурсы»; 3) «Хозяйственная деятельность» (сельское хозяйство, лесное хозяйство, охота, рыболовство, оленеводство и т. д.). Д. А. Батиеву и С. С. Трофимову удалось добиться того, что Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик при Академии наук СССР принял решение: «Признать желательным объединение под руководством Академии наук СССР всех производящихся работ в Области Коми». Предложения ОИКК по естественно-историческому изучению Коми области были поддержаны и в Постоянном полярном комитете при АН СССР. С программой гуманитарных исследований дело затянулось...

Если отношения ОИКК с ЦБК и Академией наук развивались успешно, то дело с контактами между краеведами Коми области и их коллегами в Вологде и Архангельске обстояло хуже. Представители ОИКК не участвовали в прошедших в 1924 и 1925 годах областных краеведческих конференциях (Коми автономная область, Архангельск и Вологда входили в состав Северо-Восточной области), ссылаясь при этом на запоздалость приглашений и на распутицу. На второй конференции было организовано Северное бюро краеведения (с нахождением в центре Северо-Восточной области Архангельске). В нем два места было

зарезервировано за представителями Коми области, которые должны были избираться у себя в области.

Направления, которых придерживались архангельские краеведы и ОИКК, заметно различались между собой. Севбюро и Архангельское общество краеведения «стержнем современного краеведческого движения» считали изучение производительных сил и находили совершенно неприемлемым «заниматься всеми явлениями в равной мере».

Подобный подход был чужд Обществу изучения Коми края. Безусловно, коми краеведы придавали огромное значение вопросам экономики. О земледельческом хозяйстве коми, о перспективах развития торговли и транспорта, о других проблемах в «Коми му» неоднократно писал А. М. Мартюшев. Со статьями и докладами на заседаниях ОИКК о неземледельческих промыслах местного населения, о фабрично-заводской промышленности в Коми области и т. д. выступал Н. А. Соснин. Вопросами экономического развития Коми области занимался Я. Ф. Потапов: «Югыд туй» сообщал о состоявшемся 3 февраля 1924 года докладе Потапова в ОИКК, в котором автор «затронул ряд вопросов ударного хозяйства Коми области, бюджетно-финансовую сторону и вопрос о согласованности отдельных отраслей народного хозяйства». Об общем интересе краеведов к затронутым проблемам свидетельствует сообщение, что «доклад в целом обществом принят после оживленного обмена мнений». Вопросам развития экономики уделяли внимание также Д. А. Батиев, А. А. Чеусов и другие краеведы.

Но при всем при том производственное краеведение не заслоняло для ОИКК другие направления изучения родного края. Огромное внимание общество уделяло, например, изучению природы Коми области — животного мира, растений и особенно климата. В 1925 году по инициативе общества была организована опорная метеорологическая станция в Усть-Сысольске, была расширена сеть метеостанций на местах, организовано областное метеобюро.

Общество проводило антропологические исследования. В мае 1924 года при ОИКК возникла специальная антропологическая комиссия, которой руководил А. Н. Грен. По области собирались призывные списки с антропологическими измерениями за ряд лет. Осуществлялись антропологические измерения призывников в Усть-Сысольске. В сысольском селе Шошка в 1927 году работала антропологическая экспедиция под руководством С. М. Смирнова, «произведены раскопки древне-христианского кладбища времен Стефана Пермского... Добыто много черепов и 1 хорошо сохранившийся полный скелет, попутно произведены антропометрические измерения всех детей школьного возраста с. Шошки и ближайших деревень». А «стержнем» краеведческой работы ОИКК было изучение истории и культуры народа коми, что вполне естественно для краеведения в национальном районе. Этому и посвящены следующие главы книги...

Из глубины веков

Вероятно, один из первых вопросов, возникающих у любого, кто интересуется прошлым своего края,— это вопрос о том, когда пришли сюда люди, кто они были. Ответить на него могут лишь археологи. До революции каких-либо значительных археологических исследований в Коми крае не производилось. Небольшие любительские раскопки С. Е. Мельникова и случайные находки отдельных древних предметов определяли уровень археологической изученности края. В советское время положение изменилось, и этому в значительной степени способствовала деятельность Общества изучения Коми края и в первую очередь таких его членов как А. С. Сидоров и А. Н. Грен. 11 мая 1924 г. «для руководства делом археологи-

ческой работы» в Коми области была создана археологическая секция ОИКК. Первоначально Правление общества предполагало подключить к работе в ней А. Н. Грена, А. С. Сидорова, А. В. Филиппова и А. А. Айбабина, но в опубликованном спустя 5 дней сообщении газеты «Югыд туй» назывался несколько иной состав секции: А. С. Сидоров, А. Н. Грен и Холопов (инициалы не указаны). Газета сообщала: «Облисполком предоставил обществу исключительное право... археологической работы в крае, так что теперь никто из чужеродцев не будет в состоянии расхищать археологические богатства Коми земли». Руководителем секции стал, вероятно, Сидоров, так как Грену было поручено возглавить антропологическую секцию ОИКК, сочетая это руководство с археологическими исследованиями.

Начало археологическим исследованиям в бассейне Вычегды положил ученый-энциклопедист А. С. Сидоров. Особое внимание он уделял средневековым памятникам. Алексей Семенович составил описание 14 городищ и 10 могильников, расположенных большей частью на Выми и нижней Вычегде. Он проанализировал найденный там вещественный материал, охарактеризовал обряд погребения и определил время существования могильников и городищ. Последующие исследования этих памятников в основном подтвердили правильность датировок Сидорова. В то же время он считал большинство могильников предков коми перекопанными, исходя из беспорядочного расположения вещей в могилах, тогда как это было обусловлено погребальным ритуалом.

Основные результаты своих археологических работ А. С. Сидоров опубликовал в журнале «Коми му» в 1924—1926 годах и в некоторых центральных и зарубежных изданиях. В одной из работ он обратил внимание на то, что «Вымский край обилует древними памятниками, свидетельствующими о значительной заселенности и культурном оживлении его в прошлом». Сидоров считал, что бассейн

Выми являлся одним из важнейших центров формирования народа коми. В то же время он отмечал, что «роль Вымского края в истории культуры коми народа может быть вскрыта более отчетливо только после тщательного археологического исследования этого бассейна и выяснения древностей соседних с ним районов». Сидоров подготовил две рукописи с изложением результатов своих археологических исследований, где обобщались его исследования в бассейне Выми (в одной работе) и давалось описание археологических памятников Коми края в целом (в другой). Эти работы написаны им уже во второй половине тридцатых годов, но на основе раскопок, проводившихся в двадцатые годы. Материалы того же периода использованы и в изданной уже после смерти Сидорова его работе «Археологические памятники Коми АССР», где кратко охарактеризованы основные памятники Коми республики, предварительно намечены их хронологические позиции. Значительную ценность в этой работе представляют описания Ванвиздинской стоянки и Тохтинского поселения на нижней Вычегде, исследованных автором. Он вполне правильно выделил средневековый комплекс VI—VIII веков на первом памятнике и датировал раннесредневековое поселение у с. Тохта на р. Яренге VIII—IX столетиями.

Археологические материалы А. С. Сидоров использовал в ряде работ по мировоззрению и идеологии местного населения нашей республики, которые не потеряли своего значения и в наше время. На археологической карте Коми АССР, составленной Алексеем Семеновичем, на средней Вычегде отмечено около двух десятков памятников, в том числе десять «отдельных предметов», три городища, три могильника и три «стоянки с каменными орудиями». Некоторые значки на карте можно идентифицировать с известными в настоящее время памятниками, но часть из них остается нерасшифрованной.

Надо особо отметить, что еще в двадцатые годы Сидоров правильно представлял основной ареал расселения

предков коми. Он писал, что Вычегодская Пермь охватывает «бассейны рек Вычегды и Выми с их притоками, а также отчасти Удоры». Известно, что даже в шестидесятые годы некоторые исследователи древней и средневековой истории Европейского Северо-Востока считали, что предки коми обитали исключительно в бассейне Выми и прилегающем участке Вычегды (Г. М. Буров, Л. П. Лашук).

В двадцатые годы небольшие археологические изыскания в Вычегодском крае проводились профессором А. Н. Греном. В 1919, 1920 и 1924 годах он осматривал стоянку у д. Ванвиздино. На нижней Вычегде Грен частично раскопал городище Карыбйыв, могильники Клянышласта и Джибъяг у с. Гам. В 1927 году он открыл стоянку на р. Лымве (притоке Нившеры) с керамикой и кремневыми предметами. Раскопки А. Н. Грена плохо документированы, его коллекции практически не сохранились, поэтому трудно говорить о результатах его работ. Но о методическом уровне его раскопок можно судить хотя бы по тому факту, что он копал «в целях добычи вещей» и даже не подбирал керамику с памятников.

11 января 1925 г. Грен выступил с докладом, посвященным археологическим раскопкам в Коми области. На собрании, где присутствовали 43 человека, завязались оживленные прения. Решено было обратиться к Археологической комиссии в Москве с просьбой командировать в Коми область профессора Городцова для проведения исследований «как единственного капитального археолога в России по финской археологии». Решение это показывает, что краеведы не заблуждались относительно своей действительной квалификации и осознавали необходимость привлечения к изучению родного края ученых-профессионалов. Последние откликнулись на приглашение, и 26 апреля 1925 г. газета «Югыд туй» сообщила о прибытии в Коми область семи археологов из Москвы. Это были ученики профессора Городцова. Руководил экспедицией А. П. Смирнов. Экспедиция проделала серьезную работу. Она

проводила раскопки на Ванвиздинской стоянке, на городище Карыбйыв, могильниках Клянышласта и Гидсайяг. На основе данных работ А. П. Смирнов кратко обобщил средневековые археологические материалы Вычегодского края, выявил их специфику. В то же время кратковременность работ не позволила ему в то время глубоко и тщательно разобраться во всех материалах. В частности, А. С. Сидоров правильно отметил, что на Ванвиздинской стоянке выделяется два разновременных комплекса вещей — эпохи раннего металла и средневековья (VI—VIII века н. э.). А. П. Смирнов отнес первоначально этот памятник к VII—VI векам до н. э. Отчет об экспедиции был опубликован в «Записках» Общества изучения Коми края.

Эти работы положили начало археологическим исследованиям в Коми крае. Они ограничивались в основном бассейном Вычегды и носили эпизодический характер. Наиболее значительными были работы коми ученого А. С. Сидорова по средневековой археологии коми, на основе которых в начале шестидесятых годов были начаты планомерные и систематические исследования памятников Перми Вычегодской — предков коми-зырян.

Кроме того, археологические данные пытался использовать в своих заметках Игнатий Мошегов (И. Мосшег), коми-пермяк из Чердынского края, уехавший в Финляндию и оттуда присылавший в «Коми му» работы, посвященные «свидетельствам о древнем величии и культуре народа коми». «Еще не было человека,— не без основания писал он,— который бы беспристрастно исследовал историю народа коми». Но, хотя заметки Мошегова вызвали интерес не только в Коми области, а были отмечены даже в центральном журнале «Краеведение», сам он также не стал беспристрастным исследователем. Вместо приведения действительных свидетельств о прошлом коми народа Мошегов попытался воскресить древнюю легенду о могущественном государстве Биармия, будто бы существовавшем в древности на Севере. Эту Биармию Моше-

гов считал коми государством. Многие краеведы отвергли его идею. Современные исследователи убедительно показали мифичность этих представлений.

В поисках исторической правды

Говорят, что в истории каждый считает себя специалистом. Не удивительно, что в краеведческих изданиях появилось множество статей и заметок по самым разным проблемам. Авторами были самые различные люди. Одни были более подготовлены к краеведческой работе, другие — менее. Для координации историко-краеведческих исследований в 1923 г. в ОИКК была образована историческая секция. Позднее она объединилась в этнографической в единую историко-этнографическую секцию, но в марте 1928 г. вновь выделилась в самостоятельную, целью которой являлось «изучение и обнародование истории коми народа» (просуществовала она, однако, недолго и вновь слилась с этнографической).

Сколько было коми в 1300 году? Знал ли Гоголь об Усть-Сысольске? Будет ли Ныовчим «новым Чикаго»?— на эти и многие другие вопросы пытались ответить А. М. Мартюшев, Н. А. Богословский, А. Анисимов, А. А. Цембер, В. М. Подоров и иные краеведы. Некоторые публикации сыграли значительную роль в их изучении. Это относится, например, к статьям А. М. Мартюшева, посвященным историко-демографическому развитию Коми края. Он впервые попытался определить количество жителей Коми края в эпоху феодализма, привел богатый фактический материал о количестве населения края в 1646, 1787, 1890 и 1926 гг., хотя и допустил некоторые существенные ошибки. Алексей Макарович одним из первых понял значение коми фамилий для исследования истории заселения Коми края и, в частности, бассейна Печоры, призывал использовать для этого также и данные топонимики. О притоке переселенцев в Коми край писали А. С. Сидоров и С. А. Попов, о переселениях коми на Каму и в Сибирь — Г. А. Старцев и А. Ф. Теплоухов.

Особенно следует отметить внимание членов ОИКК к поиску новых источников — литературных и архивных,— содержащих сведения о народе коми. В интересной статье Н. А. Богословского рассказано, какая информация о Коми крае есть в произведениях Н. И. Надеждина, П. В. Засодимского, А. В. Круглова, С. В. Максимова, Ф. А. Арсеньева, А. С. Панкратова, Г. П. Северцова, И. И. Лажечникова. Процитировал он и «Мертвые души» Гоголя: «Пошли слухи о скоропостижно погребенных телах каких-то устьсысольских купцов... Во время каковой драки (на ярмарке) сольвычегодские купцы уходили насмерть устьсысольских купцов, хотя и от них понесли крепкую ссадку на бока, под микитки и в подсочельник, свидетельствующую о непомерной величине кулаков, которыми были снабжены покойники». «По-видимому,— заметил по этому поводу Н. А. Богословский,— устьсысольские купцы действительно в его (Гоголя) время показали свой нрав каким-нибудь из ряда вон выходящим скандальным поступком».

Студенты вузов С. А. Попов и А. А. Терентьев вели поиск документов о Коми крае в архивах Москвы; в Ленинграде эту работу проводили по просьбе Общества изучения Коми края сотрудники Археографической комиссии Академии наук СССР Н. Е. Чаев и П. А. Садиков под руководством известного ученого А. И. Андреева. Описание обнаруженных ими исторических источников, содержащих сведения о Коми крае, было напечатано в «Записках» ОИКК.

А. А. Цембер, ведущий историк-архивист в ОИКК, осуществил публикацию нескольких коротких документов XVII—XVIII веков. Один из них, «Разбойничье дело 1777 года»,— рассказ о шайке разбойников, руководимой коми крестьянином Т. Т. Михайловым из с. Вишера (современ-

ный Богородск), в течение месяца действовавшей в Приуралье. Документ донес до нас жуткие сведения. Так, придя в дом к одному деревенскому дьячку, разбойники, домогаясь денег, «его били и брюхо распороли и вырезав грудь, выняв сердце, поджаривши на огне, обще ели, а тело оставили в избе...» Документ этот, помимо всего прочего, свидетельствует, что далеко не всяких разбойников следует зачислять в ряды «борцов против угнетателей» и рассматривать их действия как проявление классовой борьбы, как это порой практиковалось в исторических исследованиях...

Увлекательное заглавие дал Цембер другому документу: «Алименты в XVII столетии в Зырянском крае или Дело... о незаконном прижитии нищею девкою ребенка». Он опубликовал также небольшой фрагмент из «Дневных записок» академика И. И. Лепехина, побывавшего в Коми крае в 1771—1772 годах. В частности, Лепехин писал в «Записках», что, приехав, в Объячево, «застали мы пиршество пермяцкое, в праздник Ильи пророка, во имя которого они церковь имеют. Тут мы имеем случай приметить их некоторые обряды, которые без изменения от времен древнего их богослужения происходят. В Ильин день собираются все окольные жители в село Объячевское, каждая деревня, а иногда две, сложася приводят с собою быка или теленка, которых они закалывают и обществом употребляют в снедь».

Ряд краеведческих работ был посвящен анализу конкретных исторических документов. А. М. Мартюшев и Чӧжмӧр (С. А. Попов) дискутировали относительно исторической значимости такого источника как «Житие Стефана Пермского». Чӧжмӧр написал также заметку о записках иноземных посланников И. Идеса и А. Бранда, проездом побывавших в Коми крае в 1692 году и сделавших некоторые наблюдения о местных жителях.

Краеведы исследовали и разные аспекты социально-экономической истории Коми края. Особое внимание при-

влекали Сереговский солеваренный завод и Кажимские металлургические заводы, последние — в большей степени. Истории Кажимских заводов посвящена большая работа А. Анисимова, печатавшаяся в нескольких номерах «Коми му» в 1924—1925 годах. Анисимов собрал много интересных фактов. Например, он сообщил, что за чистоту и доброкачественность чугунного литья Кажимские заводы получили на Нижегородской всероссийской ярмарке большую серебряную медаль. С сожалением отметив, что «дело на заводах в настоящее время идет... не блестяще», Анисимов тем не менее заявил, что они «имеют в своем распоряжении богатые запасы руд и леса и могут при благоприятных условиях значительно повысить производительность, и если бы вблизи их прошла железная дорога, тогда можно было бы согласиться с мнением гостившего когда-то в Нювчимском заводе писателя П. В. Засодимского, предсказывавшего будущность заводов, и в частности Нювчимского, говоря о последнем, что это — «будущий Чикаго». Радужным надеждам П. В. Засодимского и А. Анисимова, как мы знаем, не суждено было сбыться. Два из трех заводов были закрыты, проект железной дороги Усть-Сысольск — Пинюг, которая должна была пройти невдалеке от Нювчима, был объявлен «вредительским», и ее строительство было прекращено (остатки насыпи и сейчас можно увидеть за Выльгортом), так что до Чикаго Нювчиму пока еще далеко...

О Сереговском заводе писали А. А. Цембер (он привел любопытные данные о судебном деле 1671 года между владельцем сользавода Панкратьевым и семьей Строгановых, безуспешно стремившихся подтвердить свои права на добычу соли близ Серегово, полученные ими еще в конце XVI столетия) и Ф. П. Чукичев. Последнему принадлежит и заметка о Северо-Екатерининском канале, который должен был соединить Вычегду и Каму (точнее, их притоки Северную и Южную Кельтмы). Строительство канала началось по распоряжению императрицы Екатерины

Второй в 1786 году и длилось с долгими перерывами целых 37 лет, до 1823 года. Но канал оказался малопригодным для эксплуатации и спустя 15 лет практически перестал использоваться. Ф. П. Чукичев, между прочим, призвал восстановить канал, считая что его роль в экономическом и культурном развитии в новых условиях «приобретает громадное государственное значение». В этой публикации, как и в статьях о заводах, заметно стремление подчеркнуть (в значительной мере в преувеличенной форме) возможности развития имеющихся в Коми области предприятий и транспортных артерий (в данном случае канала), что, впрочем, не умаляет интерес к приведенным авторами историческим сведениям.

А. С. Сидоров привел любопытные сведения о «зырянской» ржи, высевавшейся в Коми крае в середине XIX века, судя по которым «местная порода ржи обладает исключительными, благоприятными для сельского хозяйства, свойствами». Сидоров призвал использовать исторический опыт земледелия, чтобы добиться самообеспечения Коми области рожью. Краевед Чӧжмӧр (С. А. Попов) один из первых рассказал в небольшой заметке о неосуществленных планах замечательного коми промышленника В. Н. Латкина по экономическому развитию Коми края в XIX столетии: организовать торговлю лесом с заграницей, соединить Печору и Обь для «ближайшего и легчайшего сообщения Сибири с Европой» и т. д. (Через несколько лет после публикации Чӧжмӧра Латкин будет объявлен одним из предтеч коми буржуазного национал-шовинизма...).

В обстоятельной статье В. М. Подорова обрисовано положение коми крестьян во второй половине XVIII века: трудности, вызывавшиеся неблагоприятными природными условиями, малоземелье, тяжесть налогов и т. п. Немало фактического материала о развитии потребительской кооперации в Коми крае начала XX века привел Н. Ладыгин. Краеведы (П. Мишев, Н. П. Чеусов и другие) писали также о брусяном промысле на Печоре, где коми добывали то-

чильный камень еще в XVII столетии, о жестоких способах взимания податей в XIX веке и т. д.

В двадцатые годы было положено начало и общественно-политической жизни в Коми крае предреволюционных и первых послереволюционных лет, хотя исследований по этой теме было немного. Автором большинства из них был А. А. Цембер.

Немногочисленными, но очень важными были работы по истории развития культуры в Коми крае. Биографические очерки А. А. Чеусова и Г. Зоргенфрея о Георгии Степановиче Лыткине и Д. А. Яновича и А. А. Чеусова о Каллистрате Фалалеевиче Жакове, опубликованные в «Коми му» и газете «Югыд туй», показали глубокое уважение краеведов к деятельности своих предшественников, работы которых оказали значительное влияние на них самих. В то же время в некоторых статьях, в частности, в публикациях Чеусова о Жакове высказывались и критические замечания. Д. Борисов напечатал статью об истории развития коми письменности, начиная со времен Стефана Пермского.

Краеведы планировали подготовить и обобщающие работы по истории Коми края. Одну из первых попыток в этом направлении предпринял В. Ф. Попов в работе «Материалы к познанию народа коми», опубликованной в журнале «Коми му». Он поставил ряд вопросов, требующих изучения — о прародине коми, о хозяйстве и культуре коми в дописьменный период, привел летописные свидетельства о Коми крае, о борьбе Новгорода и Москвы за земли Перми Вычегодской и Перми Великой (он считал временем потери коми-зырянами и коми-пермяками «всякой политической самостоятельности» начало XVI века), упомянул о зарождении промышленности в Коми крае, об изменениях в управлении краем и в его административно-территориальном делении в XVIII—XIX веках. Но в целом этот очерк, в силу его краткости, очень отрывочен и не-

полон, многие важные стороны истории края в нем даже не упомянуты.

Над монографией «История народа коми» работал А. А. Чеусов, успевший издать только «Введение в I часть». Д. А. Батиев подготовил книгу «История революции в Коми области» с большим количеством документов, оставшуюся неизданной. К сожалению, крупные обобщающие работы появились только спустя год-два после ликвидации ОИКК, и хотя одну из них подготовил участник Общества изучения Коми края В. М. Подоров, результаты исследований членов ОИКК почти не получили отражения в этих трудах в силу общей отрицательной оценки краеведческого движения двадцатых годов.

Познать свой быт и культуру

Тематика этнографических исследований двадцатых годов, координировавшихся этнографической (историко-этнографической) секцией Общества изучения Коми края, была довольно разнообразна. В них получили освещение хозяйственные занятия, быт и культура, переселения коми за пределы своей этнической территории, взаимоотношения с соседями. Много публикаций посвящено вопросам религии.

Один из крупных специалистов того времени этнограф профессор В. П. Налимов подчеркивал, что одной из важнейших задач этнографов является «знакомство с культурой общефинской эпохи, той культурой, которой коми заняли Север, и как эта культура приспосабливалась к местным условиям, какие новые элементы она приобретала, заимствовала, и наконец, как эта культура эволюционировала и под влиянием каких факторов... Решение этого вопроса потребует много усилий разных лиц, ...но он назрел и к нему необходимо подойти смелыми решительными

шагами». Попыткой решения этой задачи являются статьи самого В. П. Налимова в «Коми му», в которых он привел материалы по хозяйственным занятиям (охота, рыболовство и т. д.), по жилым и хозяйственным постройкам, орудиям труда, средствам передвижения, утвари, пище и т. д., а также некоторые антропологические сведения.

Весьма ценной работой является рукопись Г. А. Старцева «Зыряне (этнографический очерк)», к сожалению оставшаяся неопубликованной. В ней в довольно краткой форме приведены сведения о численности, языке, письменности, истории народа коми, освещены хозяйственные занятия, материальная культура (жилище, пища, одежда и т. п.), а также семейно-брачные отношения, свадебные и похоронные обряды и религиозные верования.

В публикациях Д. А. Пантелеева, Д. Иевлева, А. Сивкова характеризуются охотничий и рыболовный промыслы. Авторы довольно подробно описали способы охоты на разных зверей и птиц, охотничье снаряжение, одежду, быт охотников во время промысла, разные способы и орудия лова рыбы.

Описание быта оленеводов-ижемцев дано в статьях Г. А. Старцева. Он постарался, в частности, «подчеркнуть бытовую сторону..., рассказать... серые, тяжелые будни в течение годового круговорота жизни на далеком угрюмом полярном севере». Г. А. Старцев показал весь годовой цикл жизни оленевода, подчеркнул взаимозаимствования, общие и специфические черты оленеводства у коми и ненцев.

Позднее, в 1930 году, Старцев опубликовал в Ленинграде ценную работу «Самоеды (ненча). Историко-этнографическое исследование», где он также коснулся коми-ненецких взаимоотношений.

Большое внимание краеведов привлекли переселения коми в Сибирь и другие регионы страны. Тот же Старцев опубликовал интересную статью о коми переселенцах в зауральских селах Мужи, Саранпауль и Березово — их чис-

ленности, условиях быта, состоянии здравоохранения и грамотности. Первые зыряне в Березовском районе появились, «по мнению стариков», в 1878—1880 годах. В последующие годы переселения продолжались; например, в 1914—1924 годах количество коми здесь возросло на 500 человек за счет переселенцев с Ижмы. В 1924 году в Березовском и Обдорском районах проживало 4950 коми. Г. А. Старцев с сожалением констатировал, что «во всех школах, где обучаются дети зырян, преподавание ведется на русском языке. Книг и других пособий на родном языке не имеется», «нет преподавателей зырян». И это притом, что, например, в Мужах из 83 учащихся 77 были коми, и вообще село это, отметил Старцев, «исключительно принадлежит зырянам,— лишь служащие русские».

Об ижемцах, переселившихся на Кольский полуостров, рассказал И. Елькин, кратко осветивший процесс переселения и обоснования ижемцев на новом месте, начавшийся в 1887 году и продолжавшийся и в двадцатые годы, их быт и оленеводческое хозяйство, взаимоотношения с саами и ненцами. Он указал на необходимость поддержания тесных связей между переселенцами и их родиной (эта проблема, к сожалению, не решена и сегодня...).

С. Коновалов раскрыл причины переселений вымичей в 1922—1927 годах в район Минусинской котловины, указал их количество, рассказал об их быте. Характеризуя сложившееся в двадцатые годы положение в хозяйственной жизни вымских коми, С. Коновалов писал: «Охота как устойчивый... источник средств существования у вымичан перестает существовать». «В дореволюционные годы довольно выгодный вид промысла составляла охота на рябчиков... Сейчас рябчиков вообще не покупают».

Профессор И. Н. Шухов, сотрудник Комиссии по изучению племенного состава СССР при Академии наук СССР, побывал с экспедицией в бассейнах Иртыша и Тары и среди других групп местного населения обратил внимание на коми, поселившихся в поселке Имшагал в 1880—1899 го-

дах. В его статье, напечатанной в «Коми му», описан быт этих выходцев из Усть-Сысольского уезда, хозяйство (особенно охота). В 1927 году в Имшагале насчитывалось 31 хозяйство зырян (Уляшовы и другие), а также 6 хозяйств белорусов и одно — русских. «Имшагальские зыряне,— подчеркнул Шухов,— до настоящего времени сохранили свой родной язык и говорят на нем, хотя отлично понимают и по-русски. Дети и женщины хуже говорят и хуже понимают по-русски. Зырянский язык в Имшагале — господствующий язык, так что белорусы и великороссы, живущие с ними, почти все хорошо владеют зырянским языком, а понимают по-зырянски все».

Самую большую серию публикаций составили работы, освещающие различные стороны истории религии, в особенности проблемы дохристианских верований и христианизации коми. В работе «Зырянская мифология» профессор А. Н. Грен, рассмотрев дохристианские верования древних коми (анимизм, культ предков, демонизм и космогонические представления) в сравнении с верованиями древних народов Кавказа, пришел к выводу о заимствовании божеств коми из иранского пантеона. Например, верховное божество коми Ен, по его мнению, связан с киммерийским божеством Ану. Выводы Грена ошибочны и вытекают из неверной теории о Северном Кавказе как прародине коми, откуда последние после совершенно мифического участия в походах германцев в Западную Европу во время «великого переселения народов» переместились на Европейский Северо-Восток. (Это воспринимается только как курьез — однако же и сегодня находятся люди, всерьез отстаивающие подобные же теории, причем всё с теми же «основаниями», а именно богатым воображением и глубокой внутренней убежденностью в собственной правоте...)

Грен привел в своей работе довольно много сведений о верованиях коми, о мифологии и т. п. Вот, например, представления коми о небесном царстве: «Первоначаль-

ным богом у зырян было небо, Йен... Царство бога неба, Йена, представляло собой твердь, на которую надо было подниматься семь дней. Вместо лестницы служит дерево, простирающееся от земли до неба. Чтобы пройти в эту твердь, нужно прорубить в ней отверстие топором, но и то приходится рубить ее два дня топором при постоянной работе. Само небо представляет собой гигантский луг, на котором пасутся быки и коровы бога, видимые смертным лишь при радуге». Нельзя, однако, не отметить следующее: Грен не указывал источники, из которых он черпал свою информацию. Между тем некоторые из приведенных им сведений не находят подтверждения в современных исследованиях, и это вызывает сомнения в их достоверности.

Обширный материал по религиозным верованиям коми в 1918—1926 годах собрал А. С. Сидоров. На страницах «Коми му» опубликованы две его статьи о промысловых культах и пережитках тотемизма у коми, содержащие записанные им предания, поверья, приметы, обряды, связанные с охотой. Сидоров писал: «Промысловые животные, увертываясь часто от самых хитроумных приспособлений охотника, становятся в его глазах носителями необычной силы и сверхъестественных способностей, так что удача охотника, по его мнению, является не столько плодом его собственного превосходства над зверем, сколько результатом добровольной жертвы со стороны последнего. Поэтому закоренелый охотник не позволит себе оскорбить хотя бы уже пойманного зверя. Он всегда обращается с ним в высшей степени серьезно и вежливо, никогда и никому не похвастается величиной и качеством добычи, до окончания охотничьего сезона он не продаст на сторону ни одной шкуры, не выразит недовольства, если вместо ожидавшегося ценного зверя в его ловушку попало малоценное животное. Когда собираются снимать со зверя шкуру, то предупредительно предлагают помочь ему снять его одежду. На охотничьем промысле отнюдь

не позволяется сквернословиться, быть сварливым...»

В 1927 году Общество изучения Коми края обратилось в Главнауку с просьбой оказать содействие в издании ряда книг. «Особенно ходатайствуем издать монографию т. Сидорова А. С. «Колдовство и знахарство», так как у нацменьшинств имеется большой спрос на эти книги и есть хорошие отзывы Яфетического института Академии наук». К просьбе ОИКК прислушались, и уже в 1928 году в Ленинграде вышла книга «Знахарство, колдовство и порча у народа коми», содержащая уникальные данные о различных суевериях, обрядах, народной медицине коми и др.

Интересные мысли о древних верованиях коми высказал В. П. Налимов, указавший, в частности, на сосуществование официального христианского вероучения и элементов древних верований, сохранявшееся у коми вплоть до XX столетия. Но в его взглядах прослеживается идеализация автором дохристианских верований. В. П. Налимов видел в них «лучшие завоевания человеческого духа, религию социальной справедливости, которая в остальных частях земного шара выродилась в грубые суеверия». Этим верованиям он прямо противопоставил христианство, оценивая введение последнего в Коми крае резко отрицательно.

Подводя общий итог этнографическим исследованиям двадцатых годов, следует сказать, что краеведы собирали материал по многим вопросам этнографии коми, в том числе по дохристианским верованиям (промысловым культам, космогонии и т. д.), мифологии, христианизации, промысловому хозяйству, материальной и духовной культуре, расселению, быту этноареальных групп и этнокультурным связям. Работы эти сохраняют свою ценность как этнографический источник, так как содержат важный фактический материал, хотя во многих из них есть ошибочные положения, объясняющиеся тогдашним уровнем знаний и политической позицией авторов.

Родники народного творчества

Из всех направлений краеведческой работы в Коми крае, пожалуй, именно собирание фольклора имело наиболее богатые традиции.

С созданием Общества изучения Коми края сбор фольклорного материала заметно активизировался. Этому способствовало составление и издание А. С. Сидоровым специальных программ и вопросников для краеведов, в соответствии с которыми рекомендовалось проводить сбор сведений о мифологических, сказочных образах, приметах и т. д. Организуются экспедиции, в местной печати появляются публикации фольклорных материалов, научно-популярные и научные статьи по фольклористике.

А. С. Сидоров отметил важность изучения примет: «Собирание сельскохозяйственных примет населения... заслуживает серьезного внимания коми краеведов... Коми народ, находясь в своей хозяйственной деятельности в постоянном соприкосновении с природой, выработал целый ряд наблюдений в природе, отражающихся или могущих отразиться на его хозяйстве. Многие из этих примет могут оказаться основанными на ложном понимании явлений природы и противоречащими научным данным, но некоторые, несомненно, имеют в своей основе удачно подмеченную закономерность, выраженную в общедоступных для наблюдения признаках».

Краевед Т. С. Подоров опубликовал 66 примет, в основном метеорологического содержания и обращенных к сельскохозяйственным занятиям, собранных им на Выми. Н. П. Чеусов опубликовал более 400 коми пословиц и 175 загадок.

Музыкальный фольклор изучал музыкант П. А. Анисимов. На страницах журналов «Коми му» и «Коми просвещенец» неоднократно появлялись его публикации, посвященные «музыкальной этнографии коми», «самоедскому песнетворчеству», в которых автор ставил вопросы об ис-

тории записи коми песен, о заводской песне и т. д. Им поднят и важный для фольклористов вопрос — о песнях эпического характера (как выразился он сам, о песне — эпической поэме). П. А. Анисимов поднял актуальную для того времени проблему: «Есть ли у коми народа самобытные песни?» На этот вопрос он ответил в целом утвердительно, хотя и обнаружил некоторое «подражание» ряду песенных традиций — финской, русской и даже украинской.

В 1926 году П. А. Анисимов и писатель-драматург В. А. Савин осуществили поездку на Вишеру, где собирали местный фольклор. Ими, как отмечают современные исследователи в «Истории коми литературы», «была подробно описана вишерская фольклорная традиция». Это был один из первых шагов в изучении региональных традиций фольклора. Виктор Савин подробно описал поездку и привел тексты ряда песен в «Коми му». Анисимов подготовил и издал сборник «Коми сьыланкывъяс» (Коми песни).

В 1927 году Анисимов предпринял еще одну экспедицию, на этот раз в Большеземельскую тундру, где изучал музыкальный фольклор ненцев. После поездки он выступил с докладом на одном из заседаний Общества изучения Коми края. В 1928 году для дальнейшей работы по изучению музыкального фольклора в составе ОИКК была создана специальная «музыкально-этнологическая секция», которую возглавил Анисимов.

Большое внимание Общество изучения Коми края уделяло собиранию коми преданий, легенд, сказок. И. Мошегов опубликовал в «Коми му» пересказ нескольких коми-пермяцких преданий о богатыре по имени Пера.

С. А. Попов опубликовал пересказ предания о легендарном богатыре Шипице, записанный им в селе Слобода (теперь — Эжвинский район Сыктывкара). В нем, в частности, говорится, что «великий, могучий Шипица отправился ...в Чов..., чтобы убить могучего разбойника Елику... Отправился Шипица под водой». По пути он трижды выходил

на сушу. «Третьим местом выхода послужило место около Слободы...— «Яг-ув»... В то время... жители Слободы жили на другом берегу Вычегды, к ним-то и попросился ночевать подводный странник. Жители Слободы впоследствии уже перебрались на теперешнее место, так как начали одолевать разливы и постепенное разрушение берега, заставлявшее все дальше и дальше отодвигать избушки».

На страницах краеведческих изданий появлялись и литературные обработки фольклорных произведений; фольклорные мотивы находили отражение в литературных произведениях. А. Н. Грен в «Записках» ОИКК опубликовал произведение «Иркаб. Драматические сцены из зырянского былинного эпоса», в которой переложил на свой лад предания о синдорском богатыре Йиркапе, использовав при этом и другие коми сказки и былички, повествующие об Ыджыд Вӧрса (Царе леших) и других персонажах. Известен отзыв на произведение А. Н. Грена, написанный В. А. Савиным: «Со стороны литературного оформления произведение Грена представляет довольно значительную ценность и можно считать его весьма удачным трудом...» Он отметил, что эта работа представляет и известный этнографический интерес. В. А. Савин сожалел, что «Иркаба» нет «в коми изложении».

В изданиях ОИКК появлялись не только работы по коми фольклору. Наряду с народным творчеством коми-зырян и коми-пермяков на страницах «Коми му» освещалась и культура удмуртов и ненцев. Так, видный удмуртский писатель и собиратель фольклора Кузебай Герд (судьба его, кстати, была столь же трагичной, как и коми краеведов) опубликовал статьи «О народной поэзии вотяков» и «Вотяцкая литература», включающие материалы о песенной и повествовательной удмуртской традиции. Статьи П. А. Анисимова «Эпос самоедов» и «Самоедское песнетворчество» показали, что ненецкая народная поэзия развита, содержательна, и что высказывавшийся ранее тезис о ее примитивности не соответствует действительности.

Эти публикации, а также статьи Г. А. Старцева о ненцах и особенно его монография «Самоеды (ненча)» доказывают наличие устойчивого и доброжелательного интереса коми краеведов к культуре соседних народов и подчеркивают несостоятельность раздававшихся в тридцатые годы обвинений в стремлении Общества изучения Коми края к национальной самоограниченности, в желании замкнуться только на изучении коми народа вне его историко-культурных связей с соседними народами.

«Язык — душа народа»

Огромное внимание коми краеведы уделяли изучению коми языка, являвшегося, по образному выражению К. Ф. Жакова, «душой народа».

Неотъемлемой чертой развития языкознания того периода являлись острые дискуссии, в частности, по проблемам формирования литературного коми языка: диалектная база, употребление диалектных слов, об использовании русских заимствований, теория «ва-коми языка», о смене алфавита. Сказывалось почти полное отсутствие общественно-политической и научной терминологии.

Деятельность коми лингвистов далеко не исчерпывалась участием в названных дискуссиях. В изданиях ОИКК публиковалось немало языковедческих работ. Их тематика была чрезвычайно широка. Можно выделить три основные группы публикаций: 1) работы строго научного характера, посвященные разработке фундаментальных вопросов коми языка; 2) рецензии и обзоры выходившей в то время языковедческой литературы; 3) статьи историко-лингвистического характера, посвященные конкретным языковым вопросам, часто прикладного характера.

Большое значение для последующих языковедческих исследований имела статья в то время молодого коми

ученого-лингвиста, поэта В. И. Лыткина «Краткий обзор диалектов коми языка». Она стала одной из первых обобщающих работ по коми диалектологии, где определены самые основные фонетические и морфологические критерии классификации диалектов коми языка. Характерно, что в 20-х годах в большинстве случаев под коми языком понимали и коми-зырянский, и коми-пермяцкий, по современной классификации, языки. В. И. Лыткин выделил 14 диалектов коми языка. Надо отметить, что во время написания этой статьи был собран еще довольно скудный материал по отдельным диалектам, что отмечает и сам автор. Однако основные выводы статьи (а в ней содержатся все основные принципы классификации коми диалектов) сохранили свою ценность и получили развитие в дальнейших работах В. И. Лыткина по коми диалектологии: «Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам», «Коми-язьвинский диалект» и др. Если относительно классификации коми-пермяцких диалектов сегодня нет общепризнанного мнения, то по разделению коми-зырянских диалектов выводы В. И. Лыткина остаются в силе у большинства финно-угроведов и ныне. Из других работ В. И. Лыткина тех времен необходимо отметить написанные им учебники «Коми грамматика» (I и II части, изданные в 1925 и 1929 гг.), «Материалы по коми грамматике (обеих наречий)» (1929 г.), статьи в сборниках Комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка (1930 и 1931 гг.) и т. д.

Кроме работ по диалектологии, В. И. Лыткин в 20-е годы занимается и вопросами истории числительных. Некоторые итоги этой работы он представил в научно-популярной статье «Коми числительные». Числительные в коми языке наиболее показательно свидетельствуют языковое родство с финно-угорскими языками. В. И. Лыткин указывает, что числительные с 1 до 6 образовались еще в финно-угорскую эпоху; 7 (сизим) и 10 (дас) заимствованы из иранских языков, выделяет архаичные числительные **мын**

и **мыс**, обозначавшие 10. В то же время молодой коми лингвист начал углубленно заниматься исторической фонетикой коми языка.

В области изучения звукового состава коми языка бросается в глаза объемная статья проф. Ю. Л. Славянского «Графика и физиология звуков современного зырянского языка». Здесь автор описал артикулярно-звуковые характеристики звуков коми языка, опираясь на собственные наблюдения над речью коми, проживавших в Усть-Сысольске. Интересно, что уже в этой работе ставится вопрос о звуках ф, х, ц, щ, встречающихся только в заимствованных русских словах.

Статью по синтаксису коми языка «Природа синтаксической связи между определяющим и определяемым в коми языке» опубликовал А. С. Сидоров. Определительные конструкции типа **пу чер** «деревянный топор» автор считал возникшими из сочетаний с родовой связью, такой, какие первоначально якобы существовали в таких сочетаниях, как **Мишӧ Вань Семӧ.** Это, по мысли А. С. Сидорова, символизирует в языке «процесс разложения родового строя, родового мышления и этот процесс неизбежно связан с изменением значения индивидуальности, роли личности». Конкретный материал статьи и наблюдения автора интересны и по сей день, однако историческое объяснение развития определительных конструкций неверно.

В изданиях ОИКК с самого начала начали печататься обзоры научной литературы, рецензии, отклики, реплики рецензентов и авторов рецензируемых работ, что говорило о большой свободе для обмена мнений между учеными и краеведами.

Из опубликованных в 20-е годы в изданиях ОИКК лингвистических рецензий необходимо отметить работу А. С. Сидорова «Яфетическая теория и коми язык». Вопрос о влиянии новой теории Н. Я. Марра на язык, на развитие коми языкознания очень важен, и истоки этого влияния как раз относятся к 20-м годам. Так или иначе «марксист-

ская теория о языке» повлияла на все лингвистические исследования того времени (20—50-е годы).

Наибольшее количество статей посвящено научно-практическим вопросам в языкознании и освещению истории развития коми письменности, топонимии. Статья А. С. Сидорова «К постановке вопроса о принципах зырянского правописания» посвящена вопросам основ коми литературного языка. Автор предлагает развивать литературный язык на основе присыктывкарского диалекта, но с обязательным широким использованием языковых средств других диалектов коми языка. Этот вывод остается актуальным и для нынешнего развития коми литературного языка.

При освещении истории коми народа языковые данные играли важнейшую роль в работах лингвистов, краеведов, историков. Уже в 20-х годах язык четко осознавался как важнейший памятник истории.

Уже в то время научная и краеведческая общественность понимала большое значение языковых фактов для освещения древнейшей истории коми народа, его былого проживания и расселения в доисторические времена. В. Петровский, В. А. Ильинский, А. М. Мартюшев и другие обратили внимание на топонимику. Названия рек, озер, населенных пунктов можно и нужно использовать при изучении указанных вопросов, считали они, поскольку топонимы могут подсказать нам, какие народы раньше жили на той или иной территории. Не все в их работах верно с позиций сегодняшнего дня, но заслуга краеведов в том, что они начали исследовать эту проблему.

С историко-лингвистической точки зрения заслуживает внимания статья Н. А. Цыпанова «О сходстве коми слов со словами индоевропейских языков». Автор приводит лексический материал, имеющий близкое звучание и семантику в коми и индо-европейских языках, и предлагает коми лингвистам объяснить такое сходство. Сам же автор не объясняет схождения заимствованием, взаимным влиянием языков и групп языков друг на друга. Присоединяясь

к последователям яфетической теории Н. Я. Марра, он объясняет все приведенные примеры отдаленным древним родством «финских» и индо-европейских языков.

Однако нельзя отказать Н. А. Цыпанову в языковой наблюдательности и постановке вопросов, действительно очень интересных и с позиций современного языкознания. Одна часть приведенных слов является отономатопоэтическим пластом: **гым, гром, кӧкны — куковать** и т. д., который имеет сходства во многих группах языков. Несмотря на отрицание автором статьи пути заимствования, многие слова в коми языке считаются древними индо-европейскими (индо-иранскими) заимствованиями, например, коми **зон** «парень», сравните немецкое Son «сын», русское сын, английское son; коми **кук** «теленок», немецкое Kuh «корова».

Н. А. Цыпанов констатирует и большое сходство между коми и индо-европейскими языками в области личных местоимений, например, коми **ми** «мы», русское **мы;** коми **тэ** «ты», русское **ты,** немецкое du; коми **менам** «мой», немецкое mein и т. д. Этот и другой обширный материал с давних пор интересует лингвистов.

И наконец, несколько статей, опубликованных в 20-е годы в «Коми му» и «Записках...», прямо направлены на решение конкретных вопросов языковой практики того времени. В работе Н. А. Шахова «Зырянизация» дан обзор ближайших задач для развития норм литературного языка и последовательного введения его в жизнь; осуществления его функционирования в разных сферах общественной жизни Коми автономной области. В качестве основных звеньев претворения в жизнь зырянизации автор считает подбор и обучение национального состава служащих, разработку основных норм коми литературного языка и развитие его потенций, развитие терминологической базы, внедрение национального языка в театр, кино, изучение и развитие народной музыки, постановку обучения в школах, на ликпунктах (пунктах по ликвидации неграмотности) и

введение коми языка в профсоюзную жизнь. В дискуссии о шрифте Н. А. Шахов последовательно придерживается молодцовского шрифта. В области терминологической работы он убежден в необходимости создания собственной коми терминологии.

В настоящее время интерес к работе Шахова особенный, т. к. все проблемы функционирования коми языка в общественной жизни республики не только не сохранились, но и еще более усугубились.

В поисках художественных форм

Коми советская литература формировалась в бурной обстановке, когда спонтанно возникали различные общественные объединения, ставящие целью способствовать ее развитию, и естественный процесс формирования литературы сопровождался спорами, поисками путей ее развития. Сами писатели, краеведы, выступая в местной печати (газеты «Зырянская жизнь», «Удж», «Коми сикт», «Югыд туй», журналы «Коми му», «Парма ёль»), пытались дать оценку литературному процессу, осмыслить тенденции его развития.

Среди заметок на литературные темы доминировал жанр небольшого биографического очерка, посвященного личности того или иного писателя. Так, в статье А. С. Сидорова «Тӧдлытӧм коми гижысь И. Куратов» (Неизвестный коми поэт И. Куратов — «Парма ёль», 1923, № 2) было представлено творчество первого коми поэта. В номерах журнала «Коми му» регулярно отводилась страница, посвященная кому-либо из писателей — публиковался краткий очерк жизни и творчества, а также некоторые произведения. Так, в № 7—10 1924 г. журнала «Коми му»

литературная страница обозревает творчество рано умершего поэта Ф. В. Попова (Вась Педӧра). Н. Шахов в статье «Вась Педӧрлӧн олӧмыс» (Жизнь Ф. В. Попова) рассказывает о жизненном и творческом пути поэта. (В № 1 1925 г. жур. «Коми му» был дан литературный портрет М. Н. Лебедева, № 6—7 1925 — Е. В. Колегова, № 5 1925 — В. Т. Чисталева). Такого рода статьи были в известной мере описательны, предлагая читателю информацию о жизни и творчестве писателей. Обобщающей работой этого типа стала книга В. И. Лыткина «Коми гижысьяс» (Коми писатели), изданная в 1926 году в Москве издательством Совнацмена Наркомпроса РСФСР. Она включает сведения биографического характера о коми писателях И. Куратове, В. Савине, В. Лыткине, В. Чисталеве и др., а также публикацию их некоторых произведений.

Наряду с описанием биографий писателей, внимание критики привлекают и непосредственно художественные произведения. Постепенно формируется жанр рецензии — критического отклика на публикацию произведения. Часто рецензии сводились к изложению сюжета произведений или к их узко идеологической интерпретации. Но, так или иначе, рецензии отражали развитие современного литературного процесса.

Публиковались и статьи, тяготеющие к обобщению тенденций развития всей литературы либо особенностей того или иного жанра. В статье «Коми поэзия артмӧм» (Рождение коми поэзии — «Парма ёль», 1923, № 2) В. И. Лыткин размышляет о развитии поэтических жанров коми литературы. Давая высокую оценку творчеству И. Куратова, автор отмечает своеобразие поэзии 20-х годов — произведений В. Савина, В. Чисталева, М. Лебедева, Е. Колегова. В статье «Коми драма лоӧм» (Возникновение коми драмы — «Парма ёль», 1923, № 2) В. И. Лыткин раздумывает о зарождении драматических жанров коми литературы.

В некоторых работах чувствуется стремление проследить историю развития коми литературы. Сохранился прос-

пект Лыткина «История коми литературы», в котором он выделяет народную литературу (имея в виду устное народное творчество) и искусственную литературу. (В 1923 году в Московском отделении Общества изучения коми края им был сделан доклад об истории развития коми литературы). В работах, стремящихся наиболее полно представить картину развития коми литературы, авторы пытаются выявить особенности творчества отдельных писателей. Так, в статье «Коми поэзия гижысьяслӧн вуджӧръясыс» (Образы коми поэтов — Парма ёль, 1923, № 2) Лыткин характеризует творческий почерк почти каждого из коми поэтов, подчеркивая их индивидуальные особенности.

Наряду со статьями, освещающими жизненный и творческий путь писателей, а также осмысливающими вопросы истории коми литературы, публиковались работы, размышляющие об общих вопросах развития литературы — о том, нужна ли вообще коми литература, сложилась ли к 20—30-м годам литература коми народа, и имеет ли она перспективы развития.

В 1924 году в № 7—10 журнала «Коми му» была помещена редакционная статья «в целях вызова обмена мнений по затронутому автором вопросу и дальнейшей его разработки», где ставился вопрос о том, сложилась ли коми литература. А. Н. Грен в статье «Существует ли у зырян литература?», опубликованной в 1927 году, утверждает, что все созданное коми писателями — еще не литература.

В конце 20-х — начале 30-х годов на страницах печати чаще стали появляться статьи, обвиняющие писателей в идеологических ошибках. Жёсткий диктат стал распространяться и на литературу, и на литературную критику. Были объявлены «идеологически невыдержанными, оппортунистическими «рассказ В. Чисталева «Трипан Вась» (1929), поэма В. Лыткина «Мунӧны» (Идут, 1927), пьеса В. Савина

«Рытъя» (Вечернее, 1930). Критика и литературоведение этого периода носили однозначно оценивающий характер.

Таким образом, в двадцатые-тридцатые годы параллельно с формированием жанров коми литературы шел процесс осмысления литературной жизни. Литература искала формы художественного выражения, и эти поиски проходили непросто.

Глава 2. ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОД, НАЧАВШИЙСЯ В ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОМ

Краеведение без истории!

16 мая 1927 года Общество изучения Коми края отпраздновало свое пятилетие. На торжественном заседании правления ОИКК была зачитана приветственная телеграмма от Академии наук, подписанная академиком С. Ф. Ольденбургом. Сообщение о юбилее общества появилось в «Известиях ЦБК». Местная печать, откликнувшаяся на пятилетие организованной краеведческой работы в Коми области, отметила как наиболее значительные достижения ОИКК создание областного краеведческого музея и метеорологической станции в Усть-Сысольске, проведение трех археологических и нескольких этнографических и фольклорных экспедиций, организацию журнала «Коми му» и т. д. Общество было в расцвете сил, и ничто, казалось, не предвещало того, что десятилетний юбилей праздновать уже не придется...

Говоря о судьбах краеведения, как в Коми области, так и в стране в целом, нельзя не согласиться с мыслью историка В. Ф. Козлова о тесной связи развития краеведческого движения с общим развитием государства, о том, что приближавшийся разгром краеведения — «лишь очень наглядное проявление общеполитического процесса». Поэтому, ведя речь о печальной участи краеведов, неизбежно надо будет касаться и того, что творилось в конце двадцатых — начале тридцатых годов в Советском Союзе и в Коми области в частности (тем более, что с охватившим тогда область угаром борьбы с «национал-шовинизмом»

и истерией повсеместного поиска «классового врага», поощрявшихся на самых высоких уровнях, наш читатель вряд ли знаком).

Трудно, да, пожалуй, и невозможно определить, когда развитие краеведения стало тормозиться, с какого времени свободу краеведческого движения начинает мало-помалу стеснять навязываемый сверху жесткий регламент. Вероятно, основы для этого закладывались еще на заре советского краеведения — вспомним, что уже тогда краеведческое движение находилось под неусыпным оком НКВД. А по мере борьбы с «антипартийными» группировками, искоренения свободомыслия в партии, сопровождавшихся травлей партийного меньшинства со стороны сталинистов, постепенного свертывания демократии в стране, формирования административно-командной системы управления всеми сферами жизни, в том числе и культурой, контроль — не только со стороны НКВД, но также и со стороны партийных и советских органов — становился все жестче, все тотальнее. Самодеятельность и инициативность, изначально присущие краеведению, демократическая организация краеведческих обществ начинали восприниматься как анахронизм, как досадная помеха на пути к всеобщей регламентации — особенно учитывая огромную притягательную силу этих организаций для самых широких слоев населения.

Одним из первых шагов к тому, чтобы уложить краеведение на прокрустово ложе «дозволенной» деятельности, стало искусственное противопоставление традиционного краеведения, охватывавшего все стороны прошлого и настоящего родного края, и так называемого «нового» краеведения, адепты которого утверждали, что в условиях социалистического строительства надо все силы бросить на изучение производства, на решение текущих задач хозяйственно-культурного (в основном хозяйственного) строительства, чтобы ускорить великие свершения в жизни, а все остальное — потом, потом...

Споры о приоритете того или иного направления в краеведении велись уже в первой половине двадцатых годов. Постепенно, с благословения руководителей государства, «становится возможным изучение только современного — того, что сейчас, в крайнем случае завтра, но уж ни в коем случае не послезавтра, должно принести явную и утилитарную пользу; историей мы займемся потом — когда восстановим, построим, воздвигнем...» («Знание — сила», 1988, № 11, с. 70).

Против такого подхода к краеведению решительно возражали многие видные исследователи. Известный ленинградский историк И. М. Гревс писал в журнале «Краеведение» в 1926 году (№ 4), что призыв к изучению производства, к общественно-полезному краеведению вполне справедлив, что такая работа нужна. Однако, предупреждал он, «надобно опасаться», как бы вновь открывающиеся стороны краеведения, важность которых «обостряется воодушевлением переживаемого момента, не вытеснили и не заслонили других, неотделимо важных, и не замертвили их, а дружно сочетались бы с ними, пополняя пробелы, но не затемняя картины целого и тем не искажая понимания всей совокупности предстоящих неотложных задач».

«Край,— отмечал И. М. Гревс,— это... живое целое... Краеведение... должно начертать полный и цельный **портрет** края... Нельзя при этом забывать или отметать ни единой черты, ибо они все постоянно взаимодействуют... Чтобы узнать человека, надобно не только вглядеться в его лицо, ...нарисовать портрет... Надо рассмотреть, как сложилась жизнь человека, построить его **биографию**. То же требуется и применительно к краю. Должно восстановить его **историю,** чтобы сознательно отнестись к современности. Когда мы изучаем дерево, мы не ограничиваемся его верхушкой.., а не сомневаемся в необходимости начать с корней. Почему же и как возможно отрезать в жизни людей прошлое от настоящего?..»

«Необходимость исторического познания подтверждается фактом неискоренимого интереса к прошлому в людях всех эпох, в личностях и массах, в образованных и малопросвещенных людях, взрослых и детях... Жизнь «без истории и без преданий» приобрела бы безнадежно плоский характер — без объема и перспективы». «Нынешнее охлаждение к истории (можно надеяться, временное), легкомысленные суждения о ее ненужности или второстепенности могут помешать делу»,— заключал историк.

Увы, надеждам его не суждено было оправдаться — неумолимое развитие событий вело к появлению лозунга, прочно утвердившегося в тридцатые годы: «С историей мы историю не сделаем!» Действительно, «можно ли разрушить старый мир «до основанья», сберегая его ценности? Краеведы же как раз изучали культуру, идеологию, вероисповедания, живую историю, они ей просто не давали умирать!.. Такое старое, классическое краеведение начинает стоять как кость в горле»,— пишет В. Ф. Козлов. «Мир хижинам, война дворцам!»— и вот под прикрытием этого освященного романтикой революции лозунга рушатся памятники старины, которым и в самом деле объявляется война. Еще на рубеже 1926—1927 годов дискуссия о памятниках старины шла вполне демократично, на равных, но потом к голосу ученых перестают прислушиваться. Тот же И. М. Гревс в 1929 году напечатал несколько статей о необходимости охраны памятников истории и культуры, но какой был сделан из них вывод? «Ленинградский краевед историк Гревс идеализирует буржуазно-помещичий строй, проводя эту идеологию под флагом сохранения памятников старины». Но мы забежали чуть-чуть вперед...

Стремление поставить все на службу велениям повседневности, реалиям текущего хозяйственного и культурного строительства проявлялись и в Коми области. В октябре 1927 года произошла реорганизация журнала «Коми му». Его выпуск был поставлен под непосредственный контроль обкома ВКП(б). Отныне это был «общественно-

экономический журнал», издававшийся обкомом, облисполкомом и облбюро краеведения. Сменилась редколлегия журнала: в нее вошли редактор А. С. Иевлев (в декабре 1927 года его сменила М. И. Йоль), С. Л. Ярков и М. П. Минин. Новая редколлегия заявляла: «Налаживая регулярное освещение состояния основных хозяйственных областей, наш журнал будет стремиться стать боевым органом партийно-советской общественности, выявляющим и организующим общественное мнение по вопросам хозяйственно-экономического и культурного строительства области. Оставаясь по преимуществу руководящим экономическим органом, «Коми му» будет разрабатывать и проблемные вопросы культурного строительства области и краеведения, стараясь давать место и научным вопросам, связанным с экономикой и культурой области» («Коми му», № 11—12, 1927 г.).

В № 3 за 1927 год руководители журнала писали: «Основной задачей журнала... нами ставится обслуживание в первую очередь текущего хозяйственно-культурного строительства области. Раньше эта основная задача отводилась на второй план. Широкая партийно-советская общественность мало интересовалась журналом, считала его чересчур «научно-краеведческим»... До своей реорганизации... журнал обслуживал только узкий круг культурных работников и краеведов области. Естественно, что число подписчиков среди партийно-советского актива области было весьма ограниченным. (Примечательное замечание — стало быть, «партийно-советский актив» мало интересовался национальной культурой и историей коми народа.— авт.). Теперь мы хотим прийти на помощь этому активу в разрешении очередных культурных и хозяйственных проблем». Как, интересно, намеревался решать «культурные проблемы» актив, не интересующийся культурой? И удивительно ли тогда то подозрительное и даже неприязненное отношение этого самого «актива» тридцатых годов к коми писателям, ученым и другим деятелям культуры,

которое вылилось в изгнание из науки и литературы «беса национал-шовинизма»?

Из приведенных заявлений редакции ясно видна тенденция превратить «Коми му» в подобие издававшегося в 1922—1923 годах «Вестника Коми ОК РКП(б)». Этому способствовала и ликвидация еще в 1926 году литературного отдела «Коми му» в связи с выходом нового литературного журнала «Ордым». Тем не менее редколлегия подчеркивала, что она не намерена отказываться от публикаций краеведческого материала и призывала «коми научно-краеведческие силы» теснее связаться с журналом. Позиция довольно противоречивая: с одной стороны, журнал не должен быть «чересчур научно-краеведческим», с другой — призыв «теснее связаться»... Но, как бы то ни было, облбюро краеведения оставалось еще издателем «Коми му», и краеведческие материалы пока не исчезли со страниц журнала. Однако они стали тщательнее отбираться (возможно, поэтому в «Коми му» больше не появлялись статьи И. Мосшега).

Призывы к изменениям в деятельности коми краеведов раздавались и в рядах самого общества. Так, сотрудник педтехникума М. П. Богомолов писал в «Югыд туй» 12 января 1928 года о «симптомах замирания краеведческой работы» в области. Справедливо указывая на «скудное денежное состояние» ОИКК, «которое зачастую подрывает многие благие начинания руководящего органа» общества, М. П. Богомолов видел выход в том, чтобы «добиться полной увязки с облпланом и экономсовещанием, как органами, проектирующими основы нашего хозяйственно-культурного строительства». По сути дела, это был призыв к отказу от самостоятельности краеведческого движения, к эволюции в сторону производственного краеведения, находящегося под контролем хозяйственных органов.

Остро критически выступил на страницах «Югыд туй» 2 февраля 1928 года А. С. Забоев, предложивший, в част-

ности, «деятельность общества приспособить и увязать со всем хозяйственным и культурным строительством области», «изменить структуру общества» и т. д. Справедливости ради надо сказать, что А. С. Забоев, автор ряда статей по истории коми народа, не призывал напрочь отказаться от гуманитарных исследований и делать только то, что надо облплану и другим экономическим органам. В числе комиссий или бюро по «важнейшим отраслям краеведения», которые он предлагал создать в ОИКК, А. С. Забоев назвал не только «бюро по сельскому хозяйству», «бюро по изучению энергетических ресурсов» и т. п., но и «бюро по этнографии, антропологии и истории». Такая структура общества,— считал он,— ...может быть при желании и зародышем будущего... коми научно-исследовательского института».

Руководство Общества изучения Коми края, несмотря на произошедшие в нем изменения (в марте 1928 года Д. А. Батиев ушел с поста председателя, оставшись, однако, членом правления и одним из самых влиятельных членов ОИКК; председателем общества стал Н. А. Соснин, ответственным секретарем, а вскоре и фактическим руководителем общества — А. М. Мартюшев. А. С. Сидоров в это время жил в Ленинграде, А. Н. Грен уехал в Пермь), не собиралось изменять своим принципам и переходить на рельсы чисто производственного краеведения, привязывая свою деятельность непременно к практическим нуждам области. 9 марта 1928 года создается историческая секция ОИКК, цель которой — «изучение и обнародование истории коми народа». В том же году при обществе возникла Комиссия по собиранию коми словаря и изучению диалектов коми языка. Ее организатор и руководитель В. И. Лыткин писал в «Югыд туй» 4 марта 1928 года, что «собирание коми словаря — это самая главная... задача» краеведов, так как язык — «главный фактор» национальной культуры коми. Краеведы планировали издание «Сборника исторических документов» о Коми крае, обращались

в Главнауку РСФСР с просьбой оказать содействие в издании сочинений К. Ф. Жакова (около 70 печатных листов), так как «сочинения Жакова для коми народа имеют громадное значение: в его сочинениях, как в зеркале, отразился быт коми народа».

Не остались без внимания и другие направления краеведческой работы. 31 марта 1928 года приступил к работе возникший при ОИКК кружок любителей мироведения (руководитель — П. Синявский), объединявший желающих заниматься метеорологическими, гидрологическими, фенологическими и астрономическими наблюдениями. Члены кружка собирались вести «наблюдения над северным сиянием», построить телескоп и т. д. «Ставя перед собой широкие задачи, ...весьма необходимые для изучения и развития родного края, кружок не замыкается внутри г. Устьсысольска и призывает всех любителей мироведения, ...раскинутых по области, объединиться вокруг кружка»,— сообщал журнал «Коми му».

Видя, что возможности публикации краеведческих материалов в «Коми му» сокращаются, ОИКК решило издавать свой собственный печатный орган — «Записки Общества изучения Коми края», первый выпуск которых вышел в свет в 1928 году тиражом 700 экземпляров. Ответственным редактором «Записок» стал А. Ф. Богданов, членами редколлегии — Д. А. Батиев, А. М. Мартюшев и Н. А. Соснин. «Записки», как было объявлено, должны были выходить «по мере накопления материала».

Самые разные вопросы обсуждались на заседаниях ОИКК. Например, в 1928 году Д. А. Батиев сделал доклад об «истории автономии» коми народа, А. А. Чеусов — «о научных достижениях области и перспективах», В. А. Исаков — о «перспективах льноводства в Коми области», Ф. Тараканов — о «культурно-хозяйственном состоянии Камского края», П. А. Анисимов — о «самоедском песнетворчестве» и т. д. 2 июля 1928 года общество созвало собрание по выбору коми областной комиссии по охране

природы, памятников искусства, быта и старины. ОИКК призывало к сотрудничеству в изучении и развитии коми культуры другие организации. Так, 7 сентября 1928 года Д. А. Батиев, приветствуя конференцию Коми ассоциации пролетарских писателей от имени общества, сказал: «Мы подаем руку КАППу для совместной работы».

Выступая на расширенном заседании национальной секции Центрального бюро краеведения 3 ноября 1928 года, Батиев сообщил, что в ОИКК насчитывается около 250 человек и что общество в настоящее время состоит из следующих подразделений: историко-этнографическая секция (с музыковедческой подсекцией), секция (кружок) мироведения, словарная комиссия, антропологическая секция, естественно-историческая секция, экономическая секция. По-прежнему действовали отделения ОИКК в Москве, Ленинграде, Перми и Вятке, а внутри области — в Гарье, Межадоре, Летке, Нювчиме, Ибе, Мордино, Нёбдино, Подъельске, Пезмоге, Айкино, Ижме, Глотово, Коквицах, Буткане, Серегово и Ульяново. Два последних были наиболее активны, в них насчитывалось до 40 человек в каждом. В самом Усть-Сысольске, судя по сохранившемуся в Центральном государственном архиве Коми АССР списку членов, насчитывалось 55 человек, не считая учащихся педтехникума.

Президиум национальной секции ЦБК принял резолюцию по докладу Д. А. Батиева, в которой, в частности, говорилось: «...отметить большую организационную работу, проделанную Обществом изучения Коми области (так в тексте — авт.) и местным бюро краеведения, правильность постановки работы и удовлетворительность результатов». Между тем, достигать «удовлетворительных результатов» и особенно публиковать их становилось все труднее...

Начало борьбы с «идеализацией национальной старины»

Складывавшаяся в стране обстановка нетерпимости к инакомыслию тяжело отозвалась на краеведении. Над головами краеведов сгущались тучи. На состоявшемся в 1928 году совещании по вопросам агитации, пропаганды и культурного строительства при ЦК ВКП(б) было сказано, что «в национально-культурном строительстве... проявляются попытки направить развитие национальной культуры по буржуазно-демократическому пути (ориентации на «культурный» запад, отрицание руководящей роли пролетариата в развитии национальной культуры, идеализация национальной «старины» и т. д.)». Было дано указание провести соответствующую разъяснительную работу и направить развитие национальной культуры туда, куда надо партии... После этого совещания отношение властей к ученым, краеведам, литераторам и другим деятелям культуры, особенно в национальных районах, стало куда более прохладным и подозрительным.

Ухудшало нравственную атмосферу общества и «шахтинское дело» 1928 года (первый из фальсифицированных репрессивными органами политических процессов конца двадцатых — тридцатых годов), о котором кричали заголовки всех газет страны. Не оставался в стороне и «Югыд туй»: «Контрреволюционная организация финансировалась заграничным белогвардейским центром», «Шахтинские контрреволюционеры перед судом», «Единодушные требования трудящихся Советского Союза — сурово наказать шахтинских вредителей» и т. п. «Шахтинское дело» непосредственно не затронуло краеведов. Но оно посеяло сомнения в лояльности старых специалистов — не только технических, но и гуманитариев и всех остальных (а среди краеведов их было немало, особенно в руководстве движения) — Советской власти и правящей партии, породило миф о возможности длительного существования созданных ими подпольных организаций, на протяжении всех лет

существования Советской власти только и думающих, как бы навредить строительству социализма в экономике, культуре, где угодно. Истеричные требования «повышать революционную бдительность» не могли не приводить к надуманным обвинениям в «неклассовом подходе», «национал-шовинизме» и прочих смертных грехах по любому поводу — «знаем мы вас, инженеров (или профессоров, или еще кого-нибудь)»...

Решившие проявить бдительность областные власти взялись за искоренение «идеализации национальной старины» в органах печати и затеяли очередные перетряски редколлегии «Коми му». Осенью 1928 года М. И. Йоль сняли с поста редактора (спустя пару лет ее обвинят в «правом оппортунизме, снимут с работы в облисполкоме...). Вместо нее был назначен М. П. Минин, в редколлегию вошли И. Г. Коюшев и М. И. Попов. Этим, однако, дело не ограничилось, и в январе 1929 года журнал был опять реорганизован: областное бюро краеведения исключили из числа издателей «Коми му», и последний стал «двухнедельным политико-экономическим журналом Коми ОК ВКП(б) и облисполкома». Несмотря на то, что журнал перестал быть «краеведческим», его редактор М. П. Минин продолжал публиковать отдельные материалы по краеведению — но уже в очень небольшом количестве (главным образом по языкознанию). Руководители ОИКК в связи с этим писали в 1929 году, что если в первые годы издания «Коми му» «краеведческие нужды в той или иной степени удовлетворялись», то с течением времени «направление и содержание журнала постепенно видоизменялось, приняв в последнее время исключительно политико-экономический характер».

Надвигалась гроза и на самих краеведов — поскольку они изучали «национальную старину», то, стало быть, именно они ее и «идеализировали», по логике тех лет. Деятельность Общества изучения Коми края была тем более «подозрительна», что в его рядах состояли не только

местные жители, но и административно высланные в Коми край «чуждые социализму элементы»: И. А. Черемных, Ю. Н. Говоров, С. М. Огранович, В. И. Вульферт. За какие «преступления» их сослали в Коми область — это, конечно, никакого значения в данном случае не имело...

В 1929 году краеведческое движение в стране явственно стало клониться к закату. Этому способствовало обострение отношений между руководством государства и Академией наук, вызванное провалом трех кандидатов-коммунистов на выборах в АН СССР в январе 1929 года. Как по команде, в печати появились требования «реорганизовать Академию наук», провести там «тщательную политическую проверку», указания на «контрреволюционное прошлое» академиков. Все это непосредственно относилось к краеведческому движению — ведь во главе Центрального бюро краеведения стояли те самые академики с «контрреволюционным прошлым» — С. Ф. Ольденбург и другие. Массированная кампания угроз возымела свой результат: со второго захода кандидаты прошли в Академию наук, и обличения тут же прекратились (но, как выяснилось потом, ненадолго).

Между тем поиск «врагов социализма» в стране набирал размах. Была провозглашена леденящая душу теория «обострения классовой борьбы по мере строительства социализма». Началось вылившееся в репрессии против многомиллионного крестьянства «наступление на кулака». В партии разгорелась борьба сталинистов с «правыми». В апреле 1929 года на XVI партконференции был осужден так называемый «правый уклон». Н. А. Люстров, сменивший в марте Г. А. Козлова в кресле первого секретаря Коми обкома ВКП(б), поспешил включиться в борьбу с местными «уклонистами» (как известно, новая метла чисто метет). В августе областная партконференция «с удовлетворением отметила, что работа обкома была направлена на решительную борьбу против правого уклона и остатков троцкизма.., потребовала и впредь вести не-

примиримую борьбу со всеми антипартийными явлениями», извещает читателя второе издание «Очерков истории Коми областной организации КПСС» (1987 год).

Обстановка в области накалялась. Чтобы бороться с «проводниками кулацкой идеологии», надо было их найти. Разоблачительную деятельность местных органов власти подстегивали вышестоящие. В архангельской газете «Правда Севера» (1929, № 61) появилась статья А. Минского «Печать, потерявшая лицо», критиковавшая печать Коми области. Бюро Коми ОК ВКП(б) оперативно отреагировало на критику, прозвучавшую в органе вышестоящей инстанции — Севкрайкома ВКП(б) (Коми область входила тогда в состав Северного края), и приняло резолюцию о журнале «Коми му» и газете «Югыд туй».

Резолюция провозглашала, что «журнал «Коми му» не сумел усвоить направления боевого политико-экономического партийного органа...» «В целях устранения недостатков и решительного оздоровления журнала... Бюро обкома ВКП(б) считает необходимым: 1) решительно выправить направление журнала..., 2) признать нецелесообразным и предложить редакции отказаться от помещения в «Коми му» узко-краеведческого и специально-научного материала, не имеющего широко-общественного значения». При этом бюро обкома сделало широкий жест и предложило облисполкому установить «более регулярный» выход «Записок» ОИКК, где бы и публиковался краеведческий материал, для которого захлопывались двери «Коми му». (На это рассчитывали и руководители ОИКК, планировавшие выпускать по 3—4 номера «Записок» в год. Но не тут-то было...)

Примечателен такой пункт резолюции: заявив, что «интеллигентский язык... делал журнал малодоступным даже партийному активу», бюро обкома постановило: «3) поручить редакции журнала упростить язык до степени понятности среднему сельскому активисту-коммунисту». Трудно сказать, стали ли написанные «шершавым языком плаката»

статьи в последних номерах журнала доступными пониманию «среднего активиста-коммуниста», но в том, что культурный уровень таких активистов был более чем средним, сомневаться, видимо, не приходится — ничего «заумного» «Коми му» не печатал.

По решению бюро, с 1 октября 1929 года «Коми му» стал органом только обкома ВКП(б), его редактором стал А. С. Иевлев. С этого времени краеведческий материал напрочь исчезает со страниц журнала (исключение составляют небольшие рецензии Г. А. Старцева и статья В. И. Лыткина, посвященная насущному вопросу культурного строительства того времени — латинизации алфавита). Два выпуска «Записок» ОИКК, вышедших в 1929 году, конечно, не могли удовлетворить нужды краеведов. «Отлучение» Общества изучения Коми края от «Коми му» было первым тяжелым ударом по краеведческому движению в Коми области.

100 тысяч «контрреволюционеров» во главе с ЦБК

Тем временем в центральной прессе вновь появились яростные нападки на АН СССР. Началась чистка Академии наук от «контрреволюционных элементов, к которым отнесли почему-то в первую очередь историков-архивистов (наверное потому, что они изучали древние документы, копошились в архивной пыли и совсем оторвались от текущих потребностей социалистического строительства). Их начали арестовывать, прихватывая, впрочем, и других сотрудников Академии наук. В конце 1929 года, например, был арестован ленинградский историк Александр Игнатьевич Андреев, ученый секретарь Археографической комиссии АН СССР, оказавший большую помощь Обществу изучения Коми края в выявлении документов об истории Коми края. По просьбе ОИКК он составил записку об интересовавших общество архивных документах, хранящихся

в Ленинграде. Записка датирована 10 сентября 1929 года. Вероятно, это была одна из последних работ А. И. Андреева, проделанных им до ареста. (А. И. Андреев был сослан в Красноярский край, вернулся из ссылки в 1935 году, дожил до 1959 года.)

Арестами среди историков-архивистов события не завершились. Органы НКВД, вдохновленные успехом «шахтинского дела», решили организовать новый процесс над вредителями — на сей раз в культурной сфере — и лихорадочно готовили «дело Академии наук» («дело историков», «дело Платонова — Тарле»— его называли по-разному). В основу дела лег чей-то донос о том, что видные ученые, встречаясь на квартире академика С. Ф. Платонова, высказывали критические замечания в адрес политики сталинского руководства. Появилась возможность «раскрыть» очередную «подпольную организацию». Арестовали С. Ф. Платонова и его ближайших сотрудников. Отправили за решетку видного историка Е. В. Тарле (когда-то до революции он работал вместе с К. Ф. Жаковым в петербургском психоневрологическом институте, и царская полиция занесла их в список преподавателей, которые особо выделялись своими «левыми взглядами». Спустя полтора десятилетия у царской охранки переняли своеобразную эстафету «компетентные органы» Советской России...).

Чтобы придать вес мифической организации, находчивые постановщики политических спектаклей из НКВД решили объявить контрреволюционерами... всех участников краеведческих обществ страны! Поскольку многие видные ученые, бывавшие у С. Ф. Платонова, состояли в руководстве Центрального бюро краеведения, то собрания на квартире академика были провозглашены «тайными совещаниями президиума ЦБК». По составленной в НКВД схеме, во главе «контрреволюционеров» стояли академики и близкие им люди из ЦБК, а местные краеведческие органы являлись якобы ячейками раскинувшейся по всей

стране «подпольной организации». В краеведческих обществах состояло тогда около ста тысяч человек...

В соответствии с «данными» НКВД академики и прочие краеведы будто бы шпионили в пользу Германии, получали деньги на свою «контрреволюционную деятельность» от германской буржуазии и вдобавок от Папы Римского, намеревались даже поднять вооруженное восстание, которым почему-то должен был руководить филолог, специалист по творчеству А. С. Пушкина Н. В. Измайлов. После захвата власти коварные академики-краеведы хотели создать правительство во главе с С. Ф. Платоновым, а Е. В. Тарле назначить министром иностранных дел. Было и много других обвинений. Так, краеведы, проводившие экскурсии в музеях, размещавшихся, как на грех, в бывших дворцах, оказывается, вели монархическую пропаганду и подготовляли тем самым восстановление царизма.

Один из сотрудников ЦБК Н. Анциферов рассказывал, что следователь убеждал его признаться, в частности, в том, что академики-подпольщики обсуждали, что делать краеведческим организациям в случае свержения на местах Советской власти, предлагал подтвердить подлинность сфабрикованного умельцами из НКВД «протокола» одного из «собраний». «В «протоколе» было записано, что я предложил, чтобы во избежание анархии краеведческие организации брали власть в свои руки»,— вспоминал Н. Анциферов («Звезда», 1989, № 4).

В 1930 году были арестованы видный историк С. В. Бахрушин (ему принадлежат, помимо других, ряд работ по истории Коми края), астроном, метеоролог, историк, проводивший большую работу в ЦБК и в Русском обществе любителей мироведения Д. О. Святский, упоминавшийся уже историк И. М. Гревс и другие. НКВД собирало «компромат» на председателя ЦБК С. Ф. Ольденбурга, Н. Я. Марра, В. П. Семенова-Тянь-Шаньского, А. Е. Ферсмана и других руководителей краеведческого движения, составляло списки подлежавших аресту. Маховик репрессивных

органов работал вовсю, готовя новый процесс. (Правда, на сей раз его ждала неудача, так как С. Ф. Платонов, главная фигура обвинения, решительно отказался давать ложные показания, а в этом случае процесс состояться не мог. Тем не менее все арестованные отправились кто в ссылку, кто в лагеря. С. Ф. Платонов был сослан в Самару, где и умер, Е. В. Тарле — в Алма-Ату, С. В. Бахрушин — в Семипалатинск... Но мы опережаем события.)

В начале 1930 года был закрыт журнал «Краеведение», а вместо «Известий ЦБК» стал издаваться новый журнал «Советское краеведение», со страниц которого напрочь исчезли старые, известные имена ученых. Впрочем, они иногда все же появлялись там, но уже только в качестве объектов для критики. Было громогласно объявлено, что отныне наступил «новый этап в краеведении, и на повестке дня теперь сращивание краеведения с социалистическим строительством, постановка проблем по обслуживанию последнего со стороны краеведения». А «старое» краеведение было, оказывается, «пережитком буржуазного строя» («Советское краеведение», 1930, № 1—2). Из этого и следовало исходить всем краеведческим обществам на местах.

По стечению обстоятельств одновременно с переименованием и ликвидацией центральных краеведческих журналов те же события происходили в Коми области. То ли областное руководство осталось недовольным «перестройкой» работы «Коми му», то ли само название слишком уж напоминало о краеведческом прошлом журнала, но в начале 1930 года он лишился даже своего старого имени и стал именоваться «Ленин туйöд» (По ленинскому пути). Редактором стал Н. А. Шахов — публицист, поэт, один из активных деятелей ОИКК (входил в состав его руководства). Но, несмотря на это, в журнале никаких материалов по краеведению уже не появлялось: обком дал на этот счет самые недвусмысленные указания. К тому же Н. А. Шахов недолго пробыл редактором...

В 1930 году в области резко усилилась «борьба с национал-шовинизмом». Некоторые руководители области (И. Г. Коюшев, председатель облисполкома, и другие) усомнились в целесообразности вхождения Коми области в состав Северного края. Тотчас последовал окрик из Севкрайкома ВКП(б), секретарь которого Ф. Ильчуков призвал направить «удар» «против местного, коми национал-шовинизма, опасность которого... многими еще недооценивается...» 14 февраля 1930 года бюро Коми обкома ВКП(б) и президиум ОКК приняли решение, в котором отмечалась, в частности, плохая пропаганда редакцией «Коми му» — «Ленин туйöд» национальной политики партии.

В феврале-марте НКВД провело дополнительные аресты краеведов, на этот раз не только в центре, но и в местных краеведческих организациях, «подбирая кадры» для готовившегося процесса. К счастью, до Коми области «компетентные органы» пока не добрались, а неудача с показаниями С. Ф. Платонова заставила подручных Ягоды свернуть дело. Коми краеведам на сей раз повезло — а ведь в число арестованных вполне могли попасть в первую очередь Д. А. Батиев, А. С. Сидоров, С. С. Трофимов, Г. А. Старцев и другие исследователи, имевшие непосредственные связи с ЦБК — «логовом контрреволюции».

Самое непосредственное влияние на формирование обстановки страха и взаимного недоверия оказало принятое в начале 1930 года постановление ЦК ВКП(б) «О темпах коллективизации...», в котором, в частности, содержался призыв к местным парторганизациям вести «решительную борьбу» (эти слова, кочующие из документа в документ, набивают оскомину) против оппортунистических элементов, пытающихся тормозить колхозное строительство. Это науськивание на поиск «врагов социализма» находило отклик на местах.

На объединенном пленуме Коми ОК ВКП(б) и ОКК 15—16 марта 1930 года секретарь обкома Н. А. Люстров

заклеймил «шовинистов» и «кулачество». В постановлении говорилось: «Местный национал-шовинизм в момент обострения классовой борьбы является отображением сопротивления кулачества развернутому наступлению рабочего класса, выкорчевыванию корней капитализма». «Нацшовинизм» был провозглашен «главной политической опасностью для областной парторганизации». Что особенно примечательно, «бороться» надо было не только с «нацшовинизмом», но и «примиренчеством к нему, представляющим главную политическую опасность». В соответствии с этим каждый, кто не обличал других или, не дай бог, предлагал не кричать, а разбираться с обвинениями, мог быть объявлен «примиренцем», а значит — врагом... Обличение возводилось в норму жизни.

В этих условиях Н. А. Шахов, принадлежавший к числу руководителей ОИКК, оказался неподходящим для редакторского места. Его обвинили в публикации националистических материалов в «Югыд туй» (Шахов одновременно возглавлял и газету), вывели из бюро обкома и сняли с работы. В вышедшем уже без Н. А. Шахова очередном номере (№ 5—6) журнала появилась статья Ф. Тараканова «Из национал-шовинистического болота на ленинский путь», автор которой (репрессированный, кстати, в конце тридцатых за «национал-шовинизм») вылил ушат грязи на Д. Я. Попова и других «махровых националистов»— бывших эсеров, земских деятелей и т. п., активно участвовавших в установлении Советской власти, но имевших, к несчастью, такие вот «пятна» в биографиях». К числу этой «белогвардейской националистической сволочи», как выразился Ф. Тараканов, принадлежали многие видные деятели ОИКК — А. М. Мартюшев, А. А. Чеусов и другие. Правда, их фамилии в статье не назывались, но было ясно, о ком идет речь.

Скоро появились и фамилии. В кампанию по обличению «нацшовинистов» включился редактор Коми издательства И. И. Оботуров, разразившийся в апреле-мае серией ста-

тей в журналах («Вытащим коми художественную литературу из болота национал-шовинизма» и т. п.), где один из первых заклеймил как «отцов коми национал-шовинизма» Г. С. Лыткина и К. Ф. Жакова, о которых еще недавно так тепло отзывались краеведы, и заодно уличил в «неблагонадежности» В. А. Савина и В. И. Лыткина — оба они состояли в Обществе изучения Коми края, а В. И. Лыткин являлся тогда одним из ведущих деятелей общества. Доставалось, конечно, не только деятелям культуры: «Ленин туйӧд» сообщал о раскрытии «поповско-кулацко-торгашеско-белобандитского гнезда» в Троицко-Печорске. Словом, «врагов» искали везде, среди всех слоев населения, по всей области. Но, несмотря на это, «наверху» остались недовольны усилиями Н. А. Люстрова, и в мае 1930 года он был снят. Позднее, 16 февраля 1931 года, «Правда» писала об этом: «Совсем еще недавно (меньше года назад) руководство Коми области проводило национал-шовинистическую политику. Всем еще памятны попытки национал-шовинистов противопоставить область краевому партийному руководству...»

Последний год общества

Восьмилетний юбилей Общество изучения Коми края встретило в мрачной обстановке. Не было ни телеграмм из ЦБК (те, кто их отправлял, сами вот-вот должны были отправиться в места, которые принято называть «не столь отдаленными»), ни сообщений в местной прессе, боявшейся теперь лишний раз упомянуть о краеведах, над которыми завис карающий меч НКВД. Журнал «Советское краеведение» предупреждал: «Краеведение является массовым движением... Этот участок в большей степени засорен чуждыми социалистическому строительству элементами. Можем ли мы оголить этот участок классовой борь-

бы?.. Мы должны ополитизировать краеведение, целиком поставить его на рельсы служения историческим задачам диктатуры пролетариата. Чтобы успешно совершить такой поворот в краеведении, необходимо пропитать его партийными силами, дать решительный бой чуждым течениям в краеведении...»

Местные власти с утроенным рвением искореняли «нацшовинизм». Новый секретарь обкома Н. С. Колегов первым делом окончательно ликвидировал журнал «Ленин туйöд»— видимо, для того, чтобы уж больше ничто не напоминало о существовании «Коми му» с его «националистическими» публикациями по краеведению. Пропаганда ненужности и вредности изучения национальной культуры и, в частности, фольклора нашла свое отражение в опубликованной в журнале «Ордым» пьесе А. Костромина «Льок зэв мойдны» (Очень плохо сказывать сказки), в которой настойчиво проводилась мысль о том, что сказки портят подрастающее поколение.

Тем не менее Общество изучения Коми края упрямо не совершало «поворот» к «новому» краеведению и продолжало изучать самые разные проблемы. В изданных в 1930 году двух выпусках «Записок» ОИКК и первом «Сборнике Комиссии по собиранию коми словаря» содержались статьи не только о производительных силах Коми области, но и по коми языку, фольклору, истории, этнографии. Вероятно, не спешили отказываться от историко-филологических исследований и многие другие краеведческие общества — недаром «Советское краеведение» писало о «бешеном сопротивлении и саботаже реакционных элементов в краеведении», под которыми имелись в виду все, кто не придерживался ориентации на чисто производственное краеведение.

23 сентября 1930 года в Усть-Сысольском педтехникуме состоялось торжественное заседание Правления ОИКК, посвященное 150-летию присвоения Усть-Сысольску статуса города. Выступая там, А. А. Чеусов сказал, что «на-

род, стремящийся к экономическому прогрессу, должен прежде всего выявить свои культурные показатели... Будущие социалистические творцы должны вооружиться полным знанием человеческой жизни, духовной и материальной, а без этого все наши разговоры о переделке жизни народа — пустой звук». Эти слова отражали позиции всего руководства общества. На собрании решено было просить облисполком выделить деньги для издания исторических документов «о коми народе и крае». «Издание документов расширит круг интересующихся местным краеведением»,— подчеркивали руководители ОИКК. Даже в этих условиях они продолжали заботиться о развитии краеведческого движения...

Между тем ситуация, сложившаяся вокруг Общества изучения Коми края и краеведения в стране в целом, приводила к сокращению числа желающих изучать свой край. Руководители общества еще в 1929 году констатировали, что студенты, активно работавшие в вузовских филиалах ОИКК, вернувшись домой и поступив на службу, порой перестают вести краеведческую работу и не вступают в общество. Да это и не удивительно — начальство могло счесть подобные контакты нежелательными и уволить со службы подозрительного служащего. В 1930 году тенденция отлива из краеведческого движения в связи с общим ухудшением обстановки в краеведении проявилась еще сильнее. Так было по всей стране. Журнал «Советское краеведение» в октябре 1930 года сообщал, например, что «в Шуе члены краеведческого общества отсеялись. Осталось 7 человек. Репутация общества такова, что в него не вступают из боязни потерять службу. Председатель за контрреволюционные выступления арестован...»

Решающим ударом по старым кадрам краеведов стало постановление коллегии наркомата рабоче-крестьянской инспекции РСФСР об обследовании и чистке Центрального бюро краеведения, принятое 26 октября 1930 года. В постановлении, в частности, давался приказ «произвести про-

верку старых кадров краеведов, в значительной своей части непригодных для выполнения задач, стоящих перед советским краеведением, очистив местные организации от классово чуждых элементов». Перспектива оказаться в числе «классово чуждых» весьма отчетливо вырисовывалась едва ли не перед всеми активными деятелями ОИКК...

В конце 1930 — начале 1931 года как из рога изобилия посыпались новые политические процессы — видимо, НКВД хотело реабилитировать себя в глазах «хозяина» за провал «дела историков». По процессу так называемой «промпартии» были осуждены за «вредительское планирование развития отраслей народного хозяйства СССР» профессора Л. К. Рамзин, И. А. Калинников и многие другие специалисты. На процессе столь же мифической «Трудовой крестьянской партии» в борьбе против социализма, проповедовании «кулацкой теории развития сельского хозяйства» были обвинены видные экономисты Н. Д. Кондратьев, А. И. Чаянов и другие «эсерствующие интеллигенты и кулаки». По делу несуществовавшей в действительности «контрреволюционной организации меньшевиков» были осуждены за «вредительскую деятельность» многие социал-демократы-меньшевики, участвовавшие в свое время в борьбе с самодержавием. Эти процессы подстегнули поиск «врагов» в краеведческом движении — началась борьба с так называемой «феноменовщиной» (от фамилии старого краеведа М. Феноменова) в краеведении, которую руководители «нового» краеведения приравняли к «кондратьевщине» (от фамилии осужденного Н. Д. Кондратьева) в экономике.

Не прекращались аресты среди краеведов. В феврале 1931 года «Советское краеведение», информируя о состоявшемся X пленуме ЦБК, сообщило, что «в числе отсутствующих оказались члены ЦБК, арестованные за контрреволюционную и вредительскую деятельность». «В связи с вопросом борьбы с классово-враждебными уклонами и извращениями в краеведческой работе X пленум заострил

свое внимание на необходимости пересмотра и переоценки **всей выпущенной до сего времени краеведческой литературы»** (подчеркнуто нами — авт.). Пленум принял резолюцию — изъять старую краеведческую литературу. Тем самым окончательно ставился крест на былом краеведческом движении, на всех его достижениях; объявлялись ненужными и вредными все краеведческие работы.

И все же Общество изучения Коми края в 1931 году выпустило еще одну, последнюю свою работу — приуроченный к 10-летию Коми автономии второй «Сборник» Комиссии по составлению коми словаря. Этот сборник был отпечатан уже не в Сыктывкаре, как раньше, а в Москве, где жил тогда В. И. Лыткин (вероятно, в Коми области уже не было такой возможности). Издание этого сборника, состоявшего из лингвистического и фольклорного разделов, стало последней данью, отданной Обществом изучения Коми края «беспредметному универсализму» (так стали именовать стремление краеведов изучать свой край во всем его многообразии, в том числе народную культуру), которому вожди «нового» краеведения объявили войну.

Продолжались преследования «нацшовинистов» в Коми области. «Правда» 16 февраля 1931 года писала: «Новое большевистское руководство (Коми области — авт.) проделало огромную работу по разоблачению великодержавных и местных шовинистов. Но было бы огромной ошибкой думать, что с этими уклонами... уже покончено... За последнее время она (борьба против нацшовинизма — авт.) недопустимо ослаблена». Местная печать немедля подняла очередную кампанию — на сей раз против великодержавных шовинистов. Казалось бы, деятели ОИКК, «склонные», скорее, к «местному национализму», могли бы на время перевести дух — но не тут-то было. В качестве мишени для критики, олицетворения «великодержавного шовинизма» в Коми области был избран один из активных членов ОИКК А. А. Цембер. Уцепившись за одно из его выступлений в облотделе народного образования,

этого «агента классового врага» обвинили в «обелении» культурной политики царизма в отношении малых народов. «Полемика» с Цембером велась на таком вот базарном уровне: «Так, так, тезис «чрезвычайно громкий»— что и говорить! А вот обоснование подкачало-с, шовинист Цембер! Арапа заправлять — времена не те!» и т. п. («За новый Север», 14 марта 1931 года). В конце концов даже бюро обкома ВКП(б) вынуждено было отметить в своем постановлении по национальному вопросу «крикливо-перехлестывающий тон» областной прессы.

Ситуацию, сложившуюся тогда в краеведении, как нельзя лучше характеризуют вышедшие в 1931 году книжки «Классовый враг на историческом фронте» и «Против вредительства в краеведческой литературе». Авторы первой обвиняли во «вредительстве» арестованных по «делу историков» ученых, метали в них громы и молнии, призывали к бдительности и т. д. (Примечательно, что основные авторы этого опуса Г. С. Зайдель и М. М. Цвибак в 1937—1938 годах были репрессированы и погибли). Вторая книжка, изданная в Иваново-Вознесенске под редакцией Н. Рубинштейна и М. Зеленского, была посвящена «разоблачению контрреволюционной деятельности» старых краеведов, которые, как писал журнал «Советское краеведение», «умышленно ушли от революционных, близких нам тем, ушли из истории классовой борьбы, чтобы на узких темах истории уездов, районов и областей проложить путь для замаскированных антипартийных выступлений». К таковым смело можно было отнести А. М. Мартюшева, С. А. Попова и других деятелей ОИКК.

«Советское краеведение» с восторгом отозвалось о сборнике «Против вредительства...», назвав его «первой попыткой нанести краеведам-вредителям действительно крепкий удар»; «а вредителей надо бить крепко — они вполне этого заслужили». «Мы уверены, что только что вышедший сборник... является лишь первым из целой серии подобных, и вслед за разоблачением вредителей-

«историков»... будут также разоблачены вредители и всех иных специальностей. Только делать это следует не откладывая — «промедление смерти подобно». Особенно грозно звучали следующие слова: «Те краеведные организации, которые не откликнутся на призыв Иваново-Вознесенска такого же типа выступлениями — или слепые и не видят вокруг себя работы вредителей или же просто не желают ее разоблачать». Таким образом, краеведам не оставили выбора — или они немедля начнут доносить на своих товарищей, или же они сами — «вредители», покрывающие «вредительскую» деятельность других.

Но перед Обществом изучения Коми края проблема выбора к этому времени (статья в «Советском краеведении» опубликована в сентябре 1931 года) уже не стояла: руководители общества пришли к выводу, что в сложившихся условиях их организация функционировать не может. Требования отказаться от проведения историко-филологических исследований и заниматься только «производственным» краеведением, признать выпущенные ранее краеведческие труды ненужными и вредными, наконец, провести чистку среди членов общества, изгнав тех из них, за кем в прошлом были какие-нибудь действительные и мнимые грехи — все это в корне противоречило целям Общества изучения Коми края, сформулированным когда-то его создателями.

Не удивительно, что оказавшееся фактически в безвыходном положении краеведческое движение в области постепенно замирало. Об этом свидетельствует заметка Г. А. Старцева в газете «За новый Север», опубликованная в марте 1931 года. Он писал: «В центре уже считают, что в Коми области краеведческая работа совершенно заглохла... Необходимо наладить столь важное общественное дело». Георгий Афанасьевич либо заблуждался, либо лукавил — призыв его был пустым сотрясением воздуха, ибо «наладить» дело, которое старались загубить со всех сторон, было уже невозможно.

Обдумав сложившееся положение, лидеры ОИКК пришли к выводу, что общество не может более действовать. 21 мая 1931 года, спустя 5 дней после девятилетнего юбилея ОИКК, краеведы приняли постановление о ликвидации Общества изучения Коми края; краеведческая организация была распущена. Это решение было, несомненно, протестом коми краеведов против установившегося в краеведении поистине аракчеевского режима — и не случайно этот шаг вызвал резкую критику со стороны тогдашней «верхушки» краеведческого движения.

Во втором номере «Советского краеведения» за 1932 год появилась статья П. Озерова «За решительный перелом в краеведном движении в Коми области». В ней говорилось: «Руководители краеведной организации Коми области... не поняли... смысла постановлений X пленума ЦБК...» (того самого, который распорядился изымать всю краеведческую литературу двадцатых годов). «Руководители краеведной организации Коми области проявили... недооценку значения массового советского краеведения, ибо ...вместо мобилизации сил советского краеведения в Коми области мы имеем полнейший застой». Не обошлось и без политических обвинений: «Обострение классовой борьбы ...выразилось в выступлениях отдельных работников против вхождения в Северный край, в выступлении члена правления бывшего ОИКК Чеусова по докладу зам. наркома просвещения РСФСР т. Эпштейна, сводившееся по существу к оппортунистическому прикрытию недостатков и нездоровых сторон в работе ОИКК, в оппортунистическом ликвидаторстве и роспуске краеведной организации...» Не было, оказывается, сделано «своевременных» выводов «о необходимости... усиления классовой бдительности краеведов» в Коми области. Автор призывал: «Необходимо немедля организовать критический пересмотр всей имеющейся краеведной литературы бывшего Общества изучения Коми края».

Агония краеведения

Борьба с «вредительством» в краеведении не утихала. Зам. председателя Коммунистической академии СССР М. Савельев (Коммунистическая академия — созданное в 1918 году высшее учебное и научно-исследовательское учреждение, задачи которой заключались в «исследовании и разработке вопросов истории, теории и практики социализма», «подготовке научных деятелей социализма и ответственных работников социалистического строительства», «объединении и сплочении работников научного социализма») весной 1931 года утверждал: «Всем известно, что по мере того, как идеологическое вредительство изгонялось из отдельных теоретических фронтов, оно постепенно перекочевывало в наиболее отсталые отрасли нашей работы. И в этом отношении одним из наиболее отсталых участков, сильно засоренным всякого рода поповскими, архивно-дворянскими и земскими элементами, являлось именно краеведение». «Тут нужно бить по всему фронту»,— призвал он.

3 марта 1932 года Президиум Коммунистической академии СССР принял постановление по докладу Н. В. Крыленко о «положении на краеведном фронте». В постановлении, в частности, говорилось: «Должна быть объявлена беспощадная борьба не только остаткам старых краеведов, с их старыми приемами работы и методами исследования, но и примиренческому отношению к ним как к фактической поддержке этих элементов антисоветского краеведения».

И такая борьба велась в Коми области самым решительным образом. В опубликованном в 1932 году первом обобщающем труде по истории коми, написанном сотрудником открывшегося Коми государственного пединститута Н. И. Ульяновым, («Очерки истории народа коми-зырян») говорилось: «Прежние земские деятели, бывшие в эпоху гражданских войн главарями буржуазно-националистиче-

ского движения, всплыли опять на поверхность в качестве «теоретиков» и «идеологов», заполняя своими статьями местные органы печати. Особенно посчастливилось в этом отношении журналу «Коми му»... Стараниями этих лиц журнал с самого начала превратился в орган пропаганды националистических и кулацких идей...» «Букет кулацко-националистических тенденций... наивысшего цветения достиг в 1928—29 гг. К этому времени влияние «теоретиков» из «Коми му» сказывалось буквально во всех областях и на всех фронтах строительства края...»

За словом вскоре последовало и «дело». В 1932—1933 годах были арестованы и осуждены как «буржуазные националисты», «контрреволюционеры» и «агенты финских фашистов» В. И. Лыткин, Д. А. Батиев, А. М. Мартюшев, Н. А. Соснин, А. А. Чеусов, С. А. Попов и, вполне вероятно, еще кто-либо из членов бывшего ОИКК. Некоторые избежали ареста на этот раз (хотя их имена тоже склонялись в числе «националистов») — например, А. С. Сидоров и другие, но, как показало будущее, лишь временно.

В 1931 году по распоряжению ЦБК на местах были организованы новые бюро краеведения (в состав такого бюро ОИКК при самоликвидации делегатировало двух своих членов). Но после роспуска Общества изучения Коми края бюро краеведения в Коми области фактически бездействовало и, как укоризненно заметили в «Советском краеведении», не боролось за «марксистско-ленинскую методологию» в краеведении. Со временем «выяснилось», что во многих созданных тогда бюро «сумели до поры до времени укрываться чуждые элементы». После этого «открытия» в 1935 году бюро краеведения повсеместно, в том числе и в Коми области, распустили, а вместо них появились «оргбюро по созданию краеведческих добровольных обществ», во главе которых стояли председатели областных плановых комиссий (штрих, характеризующий превращение краеведения в придаток административно-хозяйственных органов).

Весной 1935 года было организовано оргбюро в Коми области. Активную роль в оргбюро играли, вероятно, А. И. Бабушкин и Г. А. Старцев. Последний попытался воссоздать в области краеведческую организацию под названием «Общество изучения Коми области». Устав ОИКО был утвержден облисполкомом 25 мая 1935 года. Общество должно было работать под руководством Коми научно-исследовательского института, «помогать работе музея и проводить широкие краеведческие наблюдения по области». 26 июня 1935 года Г. А. Старцев сообщал в газете «За новый Север», что «членами оргбюро общества изучения Коми области составлены вопросники для краеведов по изучению полезных ископаемых, колхозов, истории заводов, фабрик, истории гражданской войны». На первом месте в списке в соответствии с приоритетами того времени стояли полезные ископаемые, а об изучении этнографии, фольклора и дореволюционной истории вовсе не говорилось. Общество это, однако, умерло, едва родившись — в том же году Г. А. Старцев попал в опалу, его исключили из партии, а детище его, естественно, было обречено. Печать больше не упоминала об ОИКО.

В следующем 1936 году на страницах «Советского краеведения» появились две статьи А. И. Бабушкина. В статье, посвященной 15-летию Коми автономии — россыпь поклонов И. В. Сталину и Севкрайкому ВКП(б), перечень успехов в развитии экономики и культуры, и ни одного слова о краеведении. Вторая статья посвящена полезным ископаемым в бассейне Печоры — теме, ставшей по указаниям «сверху» главной для уцелевших краеведов. В тридцатые годы лидеры ЦБК провели широко разрекламированные массовые «походы» краеведов на поиски полезных ископаемых (что-то сходное со знаменитыми кампаниями по производству чугуна и истреблению воробьев в Китае). Походы эти с треском провалились — ожидавшиеся многочисленные открытия новых месторождений не были сделаны.

Один из руководителей краеведения А. А. Ширямов писал в «Советском краеведении» (1936, № 12): «Направляемые новым руководством, краеведческие организации начинают выполнять роль массовой базы для плановых и хозяйственных организаций при выполнении задач народнохозяйственного плана края или области... Основным содержанием работы для большинства организаций было изучение природных богатств края, поиски полезных ископаемых, в том числе... дорожностроительных материалов, изучение растительности и поиски дикорастущего и иного сырья для местной промышленности». От изучения народной культуры, истории, экономики, флоры, фауны и т. д. и т. п. до поиска дорожностроительных материалов — вот путь, который проделало краеведение в 1929—1936 годах, деградируя с каждым годом.

В то время, когда тысячи краеведов вместе с сотнями тысяч других безвинно осужденных оказывались в лагерях и ссылках и число репрессированных росло с каждым днем, руководители краеведческого движения, окончательно выродившегося в подсобную рабочую силу для областных хозяйственных органов, изо всех сил старались доказать свою лояльность установившемуся в СССР диктаторскому режиму. Журнал «Советское краеведение» активно включился в общий хор других печатных органов, извергавших на головы читателей ложь о родной стране. Чрезвычайно ярким примером является двенадцатый номер «Советского краеведения» за 1936 год. Раскрывая его, современный читатель не может не споткнуться взглядом на названии «Колымские рассказы». На ум сразу приходит Варлам Шаламов, перу которого принадлежат одноименные описания трагедии человека, попавшего в сталинские лагеря.

Но в «Советском краеведении», конечно, печатались совсем другие рассказы. Трудно удержаться от соблазна и не процитировать несколько фраз. «...С каждого парохода высыпает калейдоскоп людей. Это едут в Колыму новые

тысячи рабочих, агрономов, учителей, врачей, профессоров, бухгалтеров, химиков, лаборантов. Кто только не едет на Колыму! Страна (имеется в виду Колымский край — авт.) нуждается в кадрах. И каждый бывший на Колыме, имевший честь участвовать в великой большевистской стройке, с гордостью всегда вспомнит о молодой стране и ее столице...» (И. Гехтман «Город Магадан»).

А вот другой «колымский рассказ» — «Колыма сегодня»: «Много можно было бы рассказывать чудесных, как сказка, былей об этой расцветающей в условиях пролетарской власти стране, о ее возникающих со сказочной быстротой городах (вероятно, имелись в виду лагеря?— авт.)..., а главное, о людях, «настоящих людях», побеждающих все трудности строительства на крайнем севере... Они имеют право гордиться своей работой». Это написал упоминавшийся уже А. А. Ширямов — он, вступивший в РСДРП на исходе XIX столетия, участник революций и гражданской войны, один из руководителей борьбы за Советскую власть в Сибири, вполне мог бы и сам оказаться среди «стахановцев Колымы» (это его выражение), трудовой энтузиазм которых он так живописал...

Но все эти излияния лидеров советского краеведения тридцатых годов не смогли продлить его агонию. 1936 год стал для него последним, а номер «Советского краеведения» с «Колымскими рассказами» А. А. Ширямова и других — последним номером краеведческого журнала, с тех пор так и не возродившегося. Краеведческие общества разделили судьбу общества старых большевиков, общества бывших политкаторжан, объединения молодых историков и т. д., закрытых в середине тридцатых. (Прекратила существование и Коммунистическая академия.) В начале 1937 года краеведческое движение было «реорганизовано», а попросту — повсеместно упразднено в соответствии с мнением о ненужности существования особых краеведческих организаций. Это был логический конец процесса, шедшего в последние годы; по меткому выражению

С. О. Шмидта, тридцать седьмой год начался для краеведов в двадцать девятом. Аресты, последовавшие в 1937—1938 годах среди бывших участников краеведческой работы в Коми области (Коми АССР) — брали тех, кто избежал ареста в 1932—1933, и тех, кто уже отбыл один срок (в числе репрессированных в эти годы — А. С. Сидоров, А. А. Чеусов и другие),— окончательно поставили мрачную точку в истории коми краеведения.

Глава 3. ЛИНГВИСТ И ЭТНОГРАФ ЗЫРЯНСКОГО КРАЯ, ОСНОВАТЕЛЬ ОБЩЕСТВА ПО ЕГО ИЗУЧЕНИЮ

Такова предельно лаконичная информация о профессоре А. Н. Грене, содержащаяся в изданном в 1923 г. справочнике «Вологжане — краеведы», который составлен энтузиастами-исследователями Европейского Севера отцом и сыном Веселовскими. До сих пор об основателе Общества изучения Коми края А. Н. Грене встречались весьма отрывочные и разрозненные сведения, не позволявшие составить о нем самом и его деятельности достаточно полного представления. Дополнительное изучение материалов тех лет, и особенно архивных, позволяет, на наш взгляд, в какой-то мере восполнить этот пробел.

Алексей Николаевич Грен (1862—1932) родом с Кавказа. Получил высшее гуманитарное образование в Санкт-Петербургском университете. При этом прослушал курс лекций на двух факультетах одновременно. В 1885 г. он завершил обучение на факультете Восточных языков, а в 1886 г. на Естественно-историческом факультете. После чего, по его словам, «непродолжительное время состоял помощником консерватора Азиатского Музея, где привел в порядок Армянский, Грузинский, Еврейский отделы». В своей автобиографии Грен сообщает: «Как специалист по антологии звука, я был в 1886 году командирован Академией наук в Мингрелию для составления мингрельского алфавита, что и было мною выполнено. Затем я состоял инспектором народных училищ сначала Тифлисской губернии, а затем Терской области на Кавказе; во время своего пребывания на этой должности я составил сванетский алфавит, написал сравнительную грамматику картзельских наречий, помещенную в X выпуске «Сборника материалов

для списания местностей и племен Кавказа», и записал до 4000 народных произведений кавказских народов. С 1892 г. я состоял приват-доцентом истории Востока Харьковского университета (около полутора лет — А. П.), а затем Киевского, где читал историю Востока, историю Византии, антропологию и историю географических открытий. В Киеве я был также редактором журнала «Россия и Азия»... За статьи по кавказским вопросам я в бытность Плеве в 1904 г. был лишен права педагогической деятельности и прощен лишь во время празднования юбилея дома Романовых. В бытность свою в университете я написал «Историю Кавказа», помещенную в Университетских Киевских Известиях, «Историю династии Багратидов» и «Грузинские рыцарские романы», помещенные в 1904 г. в журнале Министерства народного просвещения, а после своего изгнания занимался исключительно публицистикой и в последние годы состоял редактором Бутлеровского «Вестника знаний», где много написано мною статей... Вместе с тем я был преподавателем истории во многих заведениях Петрограда и Москвы на целом ряде курсов, а на Черняевских курсах (с 1913 г. по 1918 г.— А. П.) читал историю, антропологию, историю педагогики и дидактику. В течение всего этого времени я несколько раз был за границей и на Востоке, в Берлинском и Лондонском университетах, в Парижской школе живых восточных языков, в Индии, Египте и Мессопотамии».

После революции Грен приехал в Вологду, где и был в сентябре 1918 г. избран советом Вологодского педагогического института на должность лектора по целому ряду гуманитарных дисциплин. О вологодском периоде своей научной деятельности Грен пишет: «Я читал Древнюю историю и специально Историю Востока, Среднюю историю, Историю Византии, Социологию, Античную литературу, Введение в языкознание, Сравнительную грамматику и Историю культуры, Археологию и Антропологию, совершил три экспедиции, две на Север и одну на Кавказ».

В декабре 1921 г. Грен подает заявление с просьбой об освобождении его от должности, мотивируя это его назначением профессором грузинского языка в Институте живых восточных языков в Москве. Заявление было удовлетворено. Однако в начале 1922 г. он внезапно появляется в Усть-Сысольске в качестве лектора Коми института народного образования. В отчете Обкомпроса от 15 апреля 1922 г. указывалось, что при институте «имеется научно-исследовательский подотдел для изучения языка и культуры Коми под временным руководством преподавателя ИНО Молодцова и бывшего профессора Киевского университета Грена». Летом того же года Обкомпрос выделил ему «субсидию в размере 40 млн. рублей и 10 пудов хлеба» «для перевозки из г. Вологды в Усть-Сысольск библиотеки в количестве 4000—5000 томов».

Вряд ли только случайным совпадением можно объяснить появление А. Н. Грена в Усть-Сысольске и образование в мае 1922 г. Общества изучения Коми края. Тем более, что именно он стал первым председателем его правления. На это указывает и факт признания его заслуг в качестве основателя ОИКК, отмеченный в справочнике «Вологжане-краеведы» (Вологда, 1923, с. 155).

Деятельность Грена в Коми АО получила известность в основном как финно-угроведа (лингвиста и этнографа). Как лингвист А. Н. Грен оставил довольно заметный след в культурной жизни того времени. С его именем связана одна из интереснейших страниц в истории языкового строительства в Коми АО периода 20-х годов.

В 1924 г. А. Н. Грен стал инициатором очередной дискуссии по проблемам алфавита. Он предложил принципиально новый подход, состоявший в том, что если до сих пор полемика по вопросам коми письменности велась исключительно в контексте ее усовершенствования на основе русской графической системы (разновидностью которой и был молодцовский алфавит), то Греном была выдвинута идея ее латинизации. В этом не было ничего уди-

вительного, ибо в 20-е годы создание письменности для языков целого ряда малочисленных народов СССР, не имевших или утративших ее до революции, пошло по пути латинской графики. Вескими для того времени доводами были, во-первых, весьма распространенные представления о том, что развитие письменности народов имеет тенденцию к унификации алфавитов, во-вторых, относительная дешевизна полиграфической базы в этих условиях.

Обоснование своих взглядов, предложив конкретный проект латинизированного алфавита, Грен изложил в статье «К вопросу о применении латинского алфавита к языкам Коми и Удмурт» («Коми му», 1924, № 3). Предложив рассмотреть вопрос с двух сторон — филологической и политической,— он при этом основной упор сделал на последней. Среди политических мотивов замены молодцовского алфавита латинизированным он выделил три. Первый: «Молодцовский алфавит является лишь одним из кардинальных средств для всепомоществования зырянам утратить свой национальный облик и обратиться в русских». Второй: финно-угорские народы «представят когда-либо одну из важнейших советских федераций в общей схеме восточно-европейских, скажем, Советских Республик», а латинизированный алфавит сыграет роль объединяющего фактора. Третий: «Кроме того, раз мир идет к мировому коммунизму, подобно международному языку должен быть создан и международный алфавит, а таким может быть лишь исключительно латинский». Через несколько месяцев на страницах журнала «Коми му» (1924, № 7—10) сам В. А. Молодцов достаточно убедительно возразил Грену в отклике на его статью.

Несколько позже, признав несовершенство своего проекта и не представив серьезных аргументов (лингвистических) против молодцовского алфавита, Грен по существу остался с единственным аргументом. Он, в частности, писал: «Нельзя сказать, чтобы алфавит Молодцова был плох... Конечно, и Молодцов не избежал ошибок, но их

у него сравнительно немного... Но все дело в том, что он — материал для обрусения и поэтому его необходимо оставить». Вокруг этого утверждения и разгорелись ожесточенные споры. В них оказалось вовлечено практически большинство специалистов в Коми АО и вне ее, кто в той или иной степени имел отношение к языковому строительству.

С начала 1925 года дискуссия стала приобретать все более острый характер. При этом она оказалась практически лишенной лингвистического, а, значит, конструктивного содержания. По существу она превратилась в щедрую раздачу политических ярлыков. В. И. Лыткин, учившийся в Москве, так оценил положение: «Грену А. Н. покамест не удалось сочинить сносную систему письма...» Мнение большинства участников дискуссии о так называемой «политической необходимости» смены алфавита, пожалуй, наиболее точно выразил И. М. Коданев: «Нельзя согласиться с Греном и принять латинский алфавит только потому, что раньше царское правительство, угнетая национальные меньшинства, пользовалось русским языком».

Об отношении А. Н. Грена к зырянизации можно судить хотя бы по рецензии, опубликованной им под псевдонимом Найриосенга в журнале «Коми му» (1925, № 6—7), на «Краткий самоучитель коми языка» М. А. Молодцовой (под ред. В. А. Молодцова). В рецензии, в частности, отмечалось: «Наконец, после долгого ожидания появился в Усть-Сысольске «Самоучитель зырянского языка» для русских, составленный при том такими знатоками зырянского языка, как Молодцовы... и за то следует быть нам благодарными, что появился какой-либо мост для вящего блага зырянизации... Следует приветствовать и то, что они своей самоотверженной работой двигают вперед культурное развитие своего народа».

Или взять отношение Грена к развитию коми национального театра. Выступая на страницах журнала «Коми му» (1925, № 1), он подверг резкой и заслуженной кри-

тике Областной политпросветкомитет за то, что тот содержит «в черном теле зырянский театр, заставив его ютиться как попало, так что ему буквально некуда голову преклонить...» * И далее, размышляя о создании благоприятных условий для развития национальной драматургии, он верно отмечает, что «только в таком случае та же зырянизация пойдет полным ходом».

Тем не менее, несмотря на накалившуюся обстановку и стремление Облисполкома разрядить ее посредством рекомендации разрешить все спорные вопросы «совместно с восточными угро-финскими народностями», 25 апреля 1925 г. на заседании Комиссии по зырянизации было вынесено решение: «Дискуссию считать незаконченной». Она переместилась со страниц печати в рамки ОИКК и ОБОНО. Было решено обсудить проблемы алфавита на I областной краеведческой конференции и на съезде работников просвещения. Однако в сложившейся обстановке Грен, видимо не рассчитывая на удачный для своего проекта исход, практически выключается из дискуссии. В журнале «Коми му» (1925, № 3—4) он пишет: «Одною из задач конференции намечен вопрос об алфавите. Между прочим, это уже второстепенная задача, и вряд ли этот вопрос будет разрешен на конференции». Конференция состоялась в июле 1925 г. С докладом «О коми шрифте» выступил И. М. Коданев. А. Н. Грен сделал два доклада: по музееведению и на тему «Шумеры и Кавказ в деле угро-финноведения». Мы не располагаем протоколами заседания конференции. Но судя по информации Д. А. Батиева, данной им на Коми лингвистической конференции (1929 г.), «в 1925 г. краеведческая конференция обсудила этот вопрос и постановила перейти на латинский шрифт».

* Созданная в 1921 г. под руководством В. А. Савина первая коми национальная самодеятельная театральная труппа «Сыкомтевчук»,— в 1924 г. фактически распалась, в том числе и по причине, указанной А. Н. Греном.

Окончательное решение предстояло вынести областному съезду работников просвещения, т. е. учителям, которые могли судить об алфавите наиболее объективно. Однако сам инициатор дискуссии к этому времени из Усть-Сысольска выехал. Видимо, одной из причин стала неудовлетворенность А. Н. Грена работой в педтехникуме. Тем не менее, для многих его отъезд стал неожиданностью, даже преподаватели техникума конкретно не знали, куда он уехал. На заседании педсовета в сентябре 1925 г. его заведующему А. Ф. Богданову ничего не оставалось, как констатировать: «Уход А. Н. Грена не знаю как охарактеризовать... Очевидно, его уход вызван более лучшим и обеспечивающим его предложением». Не исключено, что причиной явилась сама дискуссия, ибо ее главные оппоненты (В. А. Молодцов, А. Н. Грен, А. А. Чеусов) работали в техникуме. По крайней мере, одновременно с Греном и также внезапно уволился Чеусов, один из наиболее активных его сторонников в дискуссии. По словам того же Богданова, уход последнего был вызван тем, что, «выяснив условия учебного заведения», он не мог больше там работать, заявив: «если и не уеду, то во всяком случае в вашем педтехникуме не останусь».

Внезапный отъезд Грена стал полной неожиданностью и для всех участников дискуссии. Ее завершение состоялось в сентябре 1925 г. на II Всекоми съезде работников просвещения, но уже без него. В отсутствие Грена за немедленную латинизацию письменности никто не выступал. Лишь И. М. Коданев продолжал отстаивать свое предложение о переводе коми письменности полностью на русскую графику. Однако оно не нашло поддержки у участников съезда, абсолютное большинство которых являлись учителями национальных школ. Исходя из собственного повседневного опыта, несмотря на издержки молодцовского алфавита, они, тем не менее, подтвердили его жизнеспособность.

Правда, против молодцовского алфавита на съезде вы-

ступил такой авторитетный специалист в области лингвистики и этнографии, как профессор В. П. Налимов. Приведем выдержку из стенограммы съезда. В. П. Налимов: «Вопрос о шрифте... надо разбирать с точки зрения научной, педагогической, практической, политической и гигиенической, а поэтому нельзя создавать шрифт одному человеку и лицам, не знающим языковедения. ...Решить его надо, создав авторитетную комиссию, в состав которой должны войти: лингвисты-профессора, представители от угро-финских народностей и представители от коми учителей-практиков». Н. А. Шахов: «Налимов обвиняет нас... по существу в том, можем ли мы обсуждать этот вопрос, т. к. никто из нас не имеет ученых степеней. Если бы Молодцов не дерзнул, если никто из нас не дерзнул бы, то мы и до сих пор были бы без шрифта... Языковеды занимаются изучением языка, но когда они его изучат и поднесут нам шрифт, пройдет лет десять. Если нам ждать ученые труды, то придется ждать сложа руки, а жизнь не ждет». Л. С. Куратова-Сидорова *: «Профессор Налимов говорил, что, как это не ученый и смел выдумывать шрифт (о В. А. Молодцове — А. П.), но благодаря ему мы работаем в течение пяти лет и далеко продвинулись вперед».

Съезд с этими доводами согласился полностью. Дискуссии не получилось. Переоценивать же значение выступления профессора В. П. Налимова не следует еще и потому, что он, работая в это время в Москве и Тимирязевском институте, на съезде оказался случайно. В дни его работы он находился в Усть-Сысольске проездом в Колву в качестве консультанта Комитета Севера при Президиуме ВЦИК, сопровождая его ученого секретаря Д. Я.

* В сборнике документов «Культурное строительство в Коми АССР (1918—1937)» (Сыктывкар, 1979, с. 121—122) ошибочно указано, что доклад «Коми язык, его шрифт и литература» сделан А. С. Сидоровым, на самом деле его на съезде не было, с докладом выступила его жена Л. С. Куратова-Сидорова, преподаватель коми литературы в Усть-Сысольском педтехникуме.

Яновича по делам устройства культбазы для самоедов.

Оценивая итоги дискуссии, необходимо отметить, что идея латинизации письменности, впервые предложенная А. Н. Греном, являлась — и это показал опыт 30-х годов — ошибочной. Тем не менее, ее широкое демократическое обсуждение в печати, ОИКК, Комиссии по зырянизации, на указанных конференции и съезде позволило в тех условиях принять верное решение. И напротив, отсутствие такого обсуждения в начале 30-х гг. стало одной из причин, приведших к по существу волюнтаристскому решению о переходе коми письменности на латинизированный алфавит, что в свою очередь отрицательно сказалось на развитии всей национальной культуры.

Как видно, те несколько лет, которые А. Н. Грен провел в Усть-Сысольске, были посвящены им углубленному изучению целого ряда актуальных для того времени проблем коми языкознания и этнографии. При этом он был одним из первых среди специалистов, кто еще в начале 20-х годов осознал необходимость объединения разрозненных и стихийно проводимых в стране исследований в области финно-угроведения в самостоятельное и цельное научное направление. В качестве важнейшего условия для этого А. Н. Грен рассматривал необходимость открытия специальной кафедры (или факультета) при одном из центральных вузов для проведения систематических и планомерных исследований и подготовки научных кадров.

Готовя в 1924 г. обоснование по этому вопросу в Наркомпрос, он писал: «...существует такая семья языков, которая имеет за собой массы населения России, которая оказала огромное влияние на русский язык и русскую культуру, к которой принадлежат многие из наших соседей и между тем в наших университетах нигде не имеется посвященных ей кафедр. Это угро-финская семья языков... И эта семья языков, имея представителей-профессоров в Венгрии и Финляндии, совершенно не изучается... Мало того, после смерти академика Видемана нет ни одного

представителя финнологии в Российской Академии наук. Чем это объясняется? А тем, что такие старые финнологи, как Видеман, Алоквист, Кастрен, а в старое время Клапорт, давно уже лежат в могиле, а новых финнологов нет, т. к. этот предмет нигде у нас не читается кроме Усть-Сысольска, где по финнологии работают проф. Грен и местные специалисты Молодцов, Сидоров и Чеусов, да еще отчасти в Перми... Угрофиннология не читается ни в одном из русских университетов. Их, как оказывается, опередил Усть-Сысольск».

Неоднократно ставил Грен вопрос и об организации научных исследований в области коми языка и культуры, не ограничиваясь лишь рамками самодеятельного Общества изучения Коми края, а путем создания специального научного учреждения. После того как неудачной оказалась попытка создания Коми института народного образования (1921—1923 гг.) и ликвидации имевшегося при нем научно-исследовательского подотдела,— Грен настаивает на развертывании исследовательской работы при педтехникуме повышенного типа. Выступая на заседании педсовета техникума в апреле 1925 г. он, в частности, говорил: «Коми край мало обследован, поэтому краеведческого материала очень мало, и он не систематизирован... нужно подумать о создании краеведческого факультета или отделения, который собирал бы и разрабатывал филологический и естественно-исторический материал местного края». В сентябре 1925 г. Президиум ОИК и Правление ОИКК приняли решение о необходимости открытия Научно-исследовательского института. Однако, в силу ряда причин специальное научно-исследовательское учреждение (Коми НИИ) было создано лишь в 1934 г.

Такова история непродолжительного, но несомненно оставившего свой след пребывания в Усть-Сысольске профессора А. Н. Грена, основателя Общества изучения Коми края. Внезапным было его появление в Усть-Сысольске в 1922 г., так же внезапно он покинул край через три года.

Глава 4. СУДЬБА УЧЕНОГО

С именем видного ученого Алексея Семеновича Сидорова связана целая эпоха в развитии коми языкознания, этнографии, литературоведения и археологии. В его жизни как в зеркале отразилась нелегкая судьба коми научной интеллигенции, на долю которой выпали не толькс великие свершения первых послереволюционных десятилетий, но и тяжелейшие испытания «сталинского» периода.

А. С. Сидоров родился 28 сентября (10 октября) 1892 года в селе Палевицы. Его отец, рачительный хозяин, знавший и любивший землю, владеющий к тому же кузнечным мастерством, имел крепкое хозяйство, и его небольшой семье (была дочь, на 8 лет старше Алексея), казалось, не угрожали особые невзгоды. Но вскоре, в 1895 году, он умер, и забота о хозяйстве упала на плечи матери Алексея. Женщине было трудно одной справляться с делами. Спустя еще 6 лет в Палевицах вспыхнул страшный пожар. Сгорел и дом Сидоровых. Все пришлось обустраивать заново.

Алексей, с детских лет знакомый с физическим трудом, смог получить и образование, благо что в Палевицах имелись начальная школа и двухклассное училище. Учитель, заметивший его способности, предложил Алексею продолжить обучение и, зная трудное материальное положение семьи, снабдил его небольшой суммой денег, необходимой на первое время. В 1907 году Сидоров поступил в Тотемскую учительскую семинарию (в самом Коми крае таких учебных заведений до 1916 года не было). Во время учебы он проявил особенную склонность к языкознанию, но не ограничивался только им и увлеченно изучал другие предметы, занимался музыкой и живописью. В 1911 году

Сидоров закончил семинарию и получил право работать школьным учителем.

В течение последующих 4-х лет Сидоров преподавал в школе в деревне Кони (на Выми). Пытливый ум Сидорова не позволял ему равнодушно относиться к окружавшей действительности, ставившей перед ним так много острых вопросов. Сын труженика, выросший в крестьянской среде и знавший цену труду земледельца, он с болью видел вокруг себя полную тягот народную жизнь, да и не только видел — сам жил этой же жизнью. Чем он мог тогда еще помочь людям, кроме просвещения? Над этим же задумывались и многие коллеги Алексея Семеновича. Не случайно в среде немногочисленной дореволюционной коми интеллигенции именно учителя были настроены наиболее демократично. Учителями были уроженец Усть-Сысольска А. А. Цембер, организовавший изучение народной культуры коми, собиравший коми сказки и песни, открывший краеведческий музей, М. Н. Лебедев, писавший повести и рассказы, в которых показывал тяжелое положение коми крестьянина, А. А. Маегов, призывавший в своих стихах к решительному выступлению бедноты против господства богатеев...

Стремясь пополнить свои знания, Сидоров в 1915 г. поступил в Вологодский учительский институт и учился там три года. Начавшийся в 1917 году период бурных революционных преобразований захватил и Алексея Семеновича. Хотя, обучаясь в Вологде, он находился далеко от родных мест, но не терял с ними связи. На родине Сидоров, несмотря на свою молодость, пользовался уважением как умный и знающий человек. Не удивительно, что, когда после февральской революции, свергнувшей самодержавие, стали устанавливаться новые органы власти, жители Палевицкой волости выдвинули своим делегатом на Первый Яренский уездный съезд крестьянских депутатов (май 1917 г.) именно Алексея Семеновича (он в это время находился дома — в занятиях наступил перерыв).

В 1918 году, закончив институт, Сидоров вернулся на родину. В июне его избрали на четвертый уездный съезд крестьянских депутатов. На съезде он стал членом уездного исполкома, комиссаром народного образования Яренского уезда (в этот уезд входили тогда территории современных Усть-Вымского, Удорского, Княжпогостского и частично Сыктывдинского районов). Состав делегатов был чрезвычайно пестрым, заседания проходили бурно. Порой доходило до рукоприкладства. На одном из заседаний Д. А. Батиев подверг критике самогоноварение в Жешартской волости. После этого обидевшиеся делегаты-жешартцы подстерегли Батиева и крепко помяли ему бока... Первоначально руководство в исполкоме и на съездах принадлежало эсерам, и это обстоятельство впоследствии сыграло в судьбе Алексея Семеновича свою негативную роль...

Жизнь остро поставила на повестку дня проблему просвещения: Коми край чрезвычайно нуждался в образованных людях, способных возглавить социалистическое переустройство общества. Конечно, коми отнюдь не были такими невежественными, темными, отсталыми и забитыми, как иногда говорится на разных, порой весьма высоких уровнях. Среди коми были и видные ученые, и самобытные писатели и поэты, и крупные политические деятели. Но для вставших перед народом огромных задач создания новых национально-государственных, экономических и культурных отношений знающих людей катастрофически не хватало (тем более что не все из них приняли происходившие перемены).

Стремясь по мере сил содействовать просвещению масс и объединить для этого местную интеллигенцию, А. С. Сидоров стал одним из организаторов (председателем оргкомитета) создания на учительских курсах в Яренске 22 июня 1918 года союза «Коми котыр» (или «Союз содействия материальному и духовному развитию зырянского края»). Это было культурно-просветительское общество, планировавшее проведение научно-исследователь-

ских работ и, в частности, экспедиций для изучения природных богатств Коми края, устраивать библиотеки, музеи, выставки, читать лекции, организовать спектакли и народные праздники, пропагандировать знания через печать. Свою просветительскую работу коми-котырцы планировали вести на двух языках — коми и русском (это специально оговаривалось в Уставе союза). Единственным политическим аспектом, отраженным в Уставе, являлся пункт о необходимости создания автономной единицы для комизырян (причем о конкретных формах автономии ничего не говорилось). «Коми котыр» объединял в своих рядах небольшую группу людей с самыми разными взглядами.

В союзе были интеллигенты, стоявшие и на эсеровских и на социал-демократических позициях. (Из этого факта и наличия в Уставе пункта о коми автономии в начале 1930-х годов было сформировано дело о «Коми котыре» как «крупной буржуазно-националистической организации», стремившейся оторвать Коми край от Советской России.) Просуществовал «Коми котыр» недолго. В условиях разгоревшейся в Коми крае гражданской войны, особенно учитывая различия в политических взглядах участников союза, последний не смог осуществлять намеченные задачи и в том же 1918 году распался.

Местные органы власти принимали свои меры по развитию народного образования. В 1918 году в Усть-Выми открылась учительская семинария. Яренский уездный совет направил туда лучших преподавателей, среди них и А. С. Сидорова. Позднее семинария была переведена в Айкино, затем в Яренск, преобразована в педагогические курсы, на которых Сидоров работал до конца 1920 г. Его деятельность не ограничивалась преподавательской работой. К этому периоду относится начало научных исследований Алексея Семеновича, что было вызвано необходимостью постановки преподавания на краеведческой основе.

Одной из важнейших проблем, стоявших тогда перед

исследователями, было изучение коми языка. В 1917—1918 годах появились условия для разработки литературных норм, для расширения функций коми языка. Необходимо было осуществить переход к преподаванию в школах на родном языке (до революции использовать коми язык на уроках запрещалось, занятия шли только на русском, а им многие учащиеся владели слабо). Для этого следовало в кратчайшие сроки разработать основы литературного коми языка. В августе 1918 года в Усть-Выми состоялась учительская конференция, на которой после острых споров был принят ряд важных для развития коми языкознания положений. В этом есть и заслуга А. С. Сидорова.

Во время летних каникул Алексей Семенович побывал с экспедициями на Выми, нижней Вычегде, Вашке и Мезени, совместно с учащимися собирал там данные по различным диалектам коми языка, фольклор, этнографические материалы, проводил археологические раскопки. Собиравшийся фольклорный материал помещали в выходившем в Усть-Вымской учительской семинарии рукописном ученическом журнале «Асъя кыа» («Утренняя заря»). Сидоров считал необходимым открывать в Коми крае новые учебные, краеведческие, научные учреждения. В 1920 году он писал одному из своих коллег И. И. Разманову: «Нужно создать что-то светлое, чтобы коми народ действительно увидел свет. Гидра невежества поймана, теперь остается только задушить ее, не то она сама перейдет в наступление».

В декабре 1920 года А. С. Сидоров вошел в комиссию по организации Практического института народного образования (ПИНО) в Усть-Сысольске и переехал в этот город из Яренска. ПИНО (четырехлетнее учебное заведение, готовившее учителей до 7 класса) начал работу в январе 1921 года. Алексей Семенович стал первым председателем правления института, до августа 1921 года читал в нем лекции по коми этнографии, археологии, литературе, ме-

тодике краеведения и музейному делу, вел студенческий кружок. В том же году женился на Людмиле Степановне Куратовой, внучатой племяннице основоположника коми литературы Ивана Алексеевича Куратова. В сентябре Алексей Семенович поехал в научную командировку в Ленинград, где изучал археологию и этнографию на географическом факультете Археологического института. Через год он вернулся на работу в ПИНО, а 7 мая 1923 года был назначен его ректором. Но административная работа пришлась Алексею Семеновичу не по душе. Осенью 1923 года, когда ПИНО был реорганизован в педагогический техникум повышенного типа, Сидоров наотрез отказался занять какую-нибудь должность в руководстве, предпочтя более живую лекторскую работу.

Деятельность Алексея Семеновича не ограничивалась преподавательской работой в ПИНО и педтехникуме. Осознав необходимость объединения исследователей Коми края в единый коллектив, Сидоров выступил в роли одного из организаторов Общества изучения Коми края (он являлся членом-учредителем ОИКК), стал активнейшим участником научно-краеведческой работы и одним из руководителей общества (член правления, некоторое время ответственный секретарь). В июле 1925 года на первой областной краеведческой конференции Сидорова избрали в областное бюро краеведения, а в 1926 году его выдвинули от ОИКК членом-корреспондентом Центрального бюро краеведения в Москве. Кроме того, со времени организации журнала «Коми му» (в 1924 году) и до 1926 года Сидоров был членом его редколлегии (редактором краеведческого отдела), участвовал в организации областного краеведческого музея.

То время было временем становления коми советской науки: закладывались основы для развития языкознания, археологии, этнографии, литературоведения, фольклористики в Коми области. Нужны были исследования по самым разным проблемам. Это определило широту и разнообразие научных интересов Сидорова, тесно связанных с нуждами молодой коми науки. Он открыл и проводил раскопки ряда средневековых городищ на территории Коми области (материалы этих раскопок опубликованы им в журнале «Коми му» в 1924—1926 годах в серии статей под названием «Памятники древности в пределах Коми края»), изучал религиозные представления народа коми (в «Коми му» опубликованы его статьи «Следы тотемистических представлений в мировоззрении коми» и «Пережитки культа промысловых животных у охотников коми»), составил программы по историко-этнографическому изучению Коми края и особую программу по изучению похоронных обрядов коми.

В июне 1923 года в архиве своего тестя в селе Визинга Сидоров обнаружил рукописи И. А. Куратова и в том же году в журнале «Парма ёль» опубликовал два его стихотворения и небольшую статью о поэте, в которой привел собранные им биографические сведения и подчеркнул важность изучения творчества писателя. Это была первая в советской печати публикация произведений Куратова. В 1925 году Л. С. Куратова под руководством мужа собрала дополнительные сведения об И. А. Куратове, которые были помещены в сборнике «Коми гижысьяс» («Коми писатели»).

Огромное значение Алексей Семенович придавал проблемам коми языка, находившимся тогда в центре внимания. Шли горячие споры о перспективах развития коми языка, причем суждения высказывались самые разные. Так, А. А. Цембер писал в газете «Югыд туй» (23 апреля 1923 г.): «Я начинаю соглашаться с теми, которые говорят, что зырянский язык — мертворожденное дитя. Если это так, предоставим мертвеца мертвецам, а мы, живые, пойдем через русский язык к всемирному языку».

Большинство ученых отстаивало принципиально иную точку зрения. В. А. Молодцов, В. И. Лыткин, А. С. Сидоров и другие разъясняли ошибочность пренебрежитель-

ного отношения к родному языку, выступали за улучшение его преподавания, работали над созданием алфавита, формированием литературных норм и т. д. Сидоров призывал к использованию языковых богатств всех диалектов коми языка. Он приступил к изучению диалектов. Так, в 1924 г. Алексей Семенович побывал в научной командировке на Ижме и Печоре, изучал местные говоры, сопоставлял их с другими диалектами коми языка и пришел на основе этих данных к важным выводам о путях заселения бассейна Печоры (этому посвящена опубликованная в 1924 г. в «Коми му» статья А. С. Сидорова «Ижмо-Печорский край»). Примечателен и такой факт: когда студенты педтехникума попросили хотя бы часть лекционных курсов читать им по-коми, то первым, кто откликнулся на их просьбу, был Сидоров.

Учитывая широкие познания Сидорова, в январе 1925 года его включили в только что созданное методическое бюро при областном отделе народного образования. При участии Алексея Семеновича велась работа над составлением остро необходимых программ и учебных планов для школ и педтехникумов, для курсов переподготовки учителей и т. д. При такой загруженности работой у Сидорова оставалось не так много времени для досуга, но когда была возможность, Алексей Семенович рисовал, играл на скрипке. Он увлекался резьбой по дереву, любил охоту и рыбную ловлю. К нему часто наведывались друзья — поэт и драматург В. А. Савин, писатель и ученый П. Г. Доронин и другие.

В марте 1926 года Сидоров вновь отправился на стажировку в Ленинград. Более двух лет он изучал археологию и языкознание под непосредственным руководством академика Н. Я. Марра — видного языковеда, археолога, этнографа. В этот период Сидоров написал ряд работ по археологии, издал свое крупнейшее, до сих пор не утратившее ценности исследование по этнографии «Знахарство, колдовство и порча у народа коми» (1928

год), в котором приведены собранные им в 1918—1926 годах интереснейшие этнографические материалы. Согласно оценке ведущего специалиста по коми этнографии Л. Н. Жеребцова, «по богатству и оригинальности материала эта книга стоит на первом месте среди исследований традиционных форм духовной культуры коми».

Все большее место в научной деятельности А. С. Сидорова начинает занимать языкознание. В развитии советской лингвистики это был сложный и противоречивый период. Тогда все новое, революционное в науке, как и в обществе, неизменно вызывало симпатии многих из молодого поколения ученых. Поэтому не удивительно, что разработанное Николаем Яковлевичем Марром «новое учение о языке» (или «яфетическая теория»), в котором выдвигались, в частности, важнейшие и созвучные духу времени проблемы о связи языка и общества, языка и мышления, получило широкую поддержку исследователей.

Академик И. И. Мещанинов позднее (в 1947 году) вспоминал, что Н. Я. Марр сейчас же спешил поделиться своими свежими мыслями не только на научных докладах в тесном кругу специалистов, но даже в студенческой аудитории и в печати. Выводы эти иногда оказывались преждевременными, не подкреплялись дальнейшим анализом материала, накапливаемого и проработанного самим же Марром, и тогда он со всею присущею ему решительностью вносил необходимые исправления и уточнения, возражая нередко против своих же собственных выводов предыдущих работ. Это была живая кипучая лаборатория, в которую Марр неизменно привлекал все новых и новых адептов, преимущественно из числа более молодого поколения научных работников. Одним из таких «адептов», убежденно отстаивавшим положения «нового учения о языке» в острых спорах с последователями традиционной школы «младограмматиков», в двадцатые годы стал Сидоров.

На страницах журнала «Коми му» Сидоров опубликовал несколько реферативных статей по работам Марра, в которых он знакомил читателей с новым учением о языке. «Новая», «марристская», как ее стали называть, теория Марра отрицала все дореволюционное, «буржуазное» языкознание как отмирающее. Из всех постулатов марризма в принципе верным до настоящего времени осталось лишь положение о тесной связи мышления и языка, о социальной обусловленности языка. По теории Н. Я. Марра, язык — явление классовое, входит в надстройку и жестко детерминируется идеологией, экономическим развитием. Поэтому вместе со сменой общественно-исторических формаций должна, якобы, в корне перестраиваться вся структура языков. Такое положение не обосновывается никакими данными. Например, мы свободно можем читать и понимать язык И. А. Куратова, хотя и пережили с тех времен эпоху капитализма, живем при социализме. На самом деле язык и не классовое явление, а социальное.

Марризм по сути дела подорвал сравнительно-историческое изучение языковых семей в СССР (в том числе и финно-угорских), так как считал понятие **праязыка** идеалистическим. Всю сложность исторического развития языков марризм сводил к скрещиванию языков. Первоначально будто бы существовали лишь 4 племени **сал, бер, рош, йон,** от скрещивания названий их и произошло все многообразие лексики. В принципе эта теория была до примитивизма простой, вульгарно-материалистичной.

И, тем не менее, марризм увлек Сидорова, очевидно, своей яркой социальной направленностью, увязывающей все изменения в языках с развитием общества. Связь языка с мышлением у Сидорова была одним из основных постулатов. Исходя из нее, он и выдвинул (вслед за Марром) как объект № 1 синтаксис коми языка, наитеснейшим образом связанный с логикой. Установлено, что основной единице синтаксиса — предложению — на логическом уровне соответствует суждение. Марр призывал всемерно изучать «черепки»— многочисленные языки малых народов,создавать для них письменность. Сидоров всецело принимал этот тезис, стремился изучить коми язык, не применяя при этом готовых мерок более разработанных традиций изучения, скажем, индо-европейских языков. Коми язык для него был центрообразующим фактором. В двадцатые годы его могла привлечь и «революционная» символика яфетической теории, ее общечеловеческая, общеязыковая направленность. К тому же Сидоров недостаточно глубоко знал классическое теоретическое языкознание. Почти все энциклопедические знания он приобрел путем самообразования.

Знания Сидорова произвели впечатления на ленинградских ученых. Член-корреспондент АН СССР Д. В. Бубрих позднее вспоминал: «А. С. Сидорова я знаю с 1926 года. Уже тогда я обратил внимание на его большую эрудицию в вопросах общего языкознания, равно как его исключительную осведомленность в области коми археологии, истории, этнографии и языка. А. С. Сидоров сразу произвел на меня впечатление человека и научно инициативного. Последующее мое знакомство с А. С. Сидоровым укрепило первые впечатления».

В 1929 году Сидоров стал доцентом Ленинградского педагогического института им. Герцена. Он читал обучавшейся там группе коми студентов курс лекций по коми языку и методике преподавания коми и русского языков, руководил их производственной практикой. Одновременно Алексей Семенович продолжал научную работу, в частности, занимался изучением рукописей И. А. Куратова. По-прежнему уделяя большое внимание развитию науки в Коми области, он в 1930 году разработал проект положения о Коми краеведческом научно-исследовательском институте. Среди его предложений было и такое: подготовить биографический словарь-справочник об общественных деятелях, ученых, писателях Коми края. Эта чрез-

вычайно интересная идея не реализована до сих пор, большей частью по вненаучным причинам.

В 1932 году открылся Коми государственный педагогический институт. Для работы в нем были приглашены коми ученые, работавшие в других городах, в том числе и А. С. Сидоров. Он охотно откликнулся на приглашение и, приехав в Сыктывкар, стал преподавать в пединституте общее языкознание и практический курс коми языка, позднее возглавил одну из кафедр. Но, хотя пединститут открывал хорошие перспективы для подготовки специалистов, да и с ожидавшимся созданием научно-исследовательского института связывались большие надежды, на душе у Алексея Семеновича, вероятно, было невесело... Закрытие краеведческих изданий, вынужденный самороспуск Общества изучения Коми края, набиравшая обороты истеричная кампания против «буржуазной идеологии» и «нацшовинизма» в науке и литературе не могли не тревожить А. С. Сидорова.

В год приезда Алексея Семеновича в Сыктывкар вышла из печати книга сотрудника КГПИ Н. И. Ульянова «Очерки истории народа коми-зырян», в которой журнал «Коми му», членом редколлегии которого был в свое время Сидоров, был прямо объявлен «органом пропаганды националистических и кулацких идей», а ряд краеведов провозглашен «буржуазными националистами». Фамилии Сидорова и других крупнейших коми ученых там, правда, не назывались пока...

В 1933 году появилась книга В. М. Подорова, также сотрудника КГПИ, «Очерки по истории коми (зырян и пермяков)», в которой много места уделено обличению «буржуазно-националистического движения» в Коми области. В частности, резкой критике подвергался союз «Коми котыр», председателем оргкомитета которого был в свое время Сидоров. Тогда-то и возник миф о «Коми котыре» как «крупной буржуазно-националистической организации», стремившейся отвлекать трудящихся куль-

турно-просветительской работой от решения неотложных политических задач и собиравшейся оторвать Коми край от Советской России. Последнее обвинение с равным успехом можно было бы выдвинуть против Сталина (цитата которого относительно национализма приведена в книге Подорова), поскольку именно он как нарком по делам национальностей в 1922 году непосредственно участвовал в обсуждении и утверждении проекта о создании Автономной области Коми — той самой автономной единицы для коми-зырян, о необходимости создания которой говорилось в уставе «Коми котыра»...

Имя Сидорова в связи с «Коми котыром» и его «буржуазно-националистической» деятельностью в книге Подорова не упомянуто, но обвинения в его адрес в этих «Очерках» все же есть: в разделе, посвященном «разоблачению» К. Ф. Жакова («крупнейшего идеолога коми буржуазии и кулачества»), бдительный автор вспомнил про вечер памяти Жакова, состоявшийся после его смерти в Усть-Сысольске. Всех участников этого вечера, в числе которых был назван и Алексей Семенович, Подоров причислил к «интеллигенции националистического толка». Это было уже прямое обвинение в «неблагонадежности», адресованное непосредственно А. С. Сидорову.

Обвинениями дело не ограничивалось. Начались аресты хорошо знакомых Алексею Семеновичу людей: В. И. Лыткина, А. А. Чеусова и других... Алексей Семенович оставался на свободе. В 1934 году он перешел из КГПИ в открывшийся в этом году в Сыктывкаре Коми научно-исследовательский институт (при создании которого принимался во внимание и разработанный Сидоровым проект) на должность доцента по восточно-финским языкам, но работал там недолго. Очевидно, Сидорову просто невыносимо было жить в условиях раздуваемой кампании против «кулацкой идеологии» и «национал-шовинизма», видеть, как арестовывают его коллег, слушать высосанные из пальца чудовищные обвинения и сознавать, что

сам он на подозрении и тоже вот-вот попадет под пресс карательных органов — в особенности после того, как написанный им учебник по коми языку был объявлен с чьей-то легкой руки чуть ли не контрреволюционным...

В сентябре 1934 года А. С. Сидоров уехал в Ленинград и поступил на работу в Институт языка и мышления. В течение трех лет он написал ряд крупных трудов по литературоведению, археологии, языкознанию. В языкознании в это время уже безраздельно царила «яфетическая теория» Н. Я. Марра. Последователи Марра (сам Николай Яковлевич умер в 1934 году) находили в его учении все новые достоинства, вплоть до возможности «аргументирования проблемы построения социализма в одной стране на основе лингвистических исследований» (см. сборник «Язык и мышление», выпуск 5, 1935 год). Думается, Л. Д. Троцкий, отрицавший возможность построить социализм в одной стране, был наверняка наповал «сражен» такими аргументами...

Если в двадцатые годы эта теория была одной из многих, то после публичного одобрения ее в 1930 г. И. В. Сталиным она постепенно стала считаться единственно верной «революционной» теорией, а все противники ее стали преследоваться и подвергаться репрессиям. Так, еще в конце 20-х годов из СССР выехали Р. Якобсон и Н. Трубецкой, впоследствии создавшие языковые теории мирового значения и собственные школы за рубежом. Был расстрелян, например, один из крупнейших советских лингвистов, востоковед Е. Д. Поливанов. После смерти Н. Я. Марра в 1934 году его ученики создали в языковедческом мире невыносимые условия для теоретических оппонентов.

В одной брошюре, вышедшей в 1950 году, содержится такая нелицеприятная характеристика положения, сложившегося в советском языкознании в 1930—1940-е годы: «Даже самые робкие попытки критики так называемого «нового учения» в языкознании преследовались и

пресекались... Никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений. Но это общепризнанное правило... попиралось самым бесцеремонным образом. Создалась замкнутая группа непогрешимых руководителей, которая, обезопасив себя от всякой критики, стала самовольничать и бесчинствовать...» Не правда ли, ситуация в языкознании довольно точно копировала политическую обстановку в стране?

Но кто же этот страстный обличитель «аракчеевского режима, созданного в языкознании», сторонник «свободы критики» и ненавистник «непогрешимых руководителей»? Не кто иной как... Сталин, сам же когда-то благословивший подобное положение дел и поддерживавший «аракчеевский режим в языкознании» долгие годы после смерти Марра — «единственного и общепризнанного вождя в борьбе за марксистско-ленинское языкознание». Не следует, однако, думать, что Н. Я. Марр был таким же «вождем» языкознания, как, скажем, Т. Д. Лысенко — «вождем» передовой «советской марксистско-ленинской мичуринской биологии». В отличие от Лысенко с его четырехклассным образованием и более чем смутными представлениями о науке, Марр, невзирая на все его очевидные ошибки, был действительно крупным ученым. Это вынужден был отчасти признать в той же брошюре и Сталин: «У Н. Я. Марра есть отдельные, хорошие, талантливо написанные произведения...»

Естественно, что в лингвистических трудах Сидорова отразились некоторые ошибочные положения теории Марра. Влияние «яфетидологии» сказывалось, наверное, почти во всех научных работах по языкознанию того периода. Так, академик Д. С. Лихачев в одной из своих статей того периода писал: «Положение, из которого мы исходим, которое кладем в основу дальнейшего — учение Н. Я. Марра»... (Сборник «Язык и мышление», выпуск 3—4, 1935 год). Но, говоря о влиянии теории Марра на лингвистические воззрения Сидорова, стоит отметить, что

коми ученый никогда не был теоретиком марризма, а занимался конкретными исследованиями. Поэтому и почти все его труды до сегодняшнего дня сохраняют свою актуальность. В области синтаксиса А. С. Сидоров создал огромный труд «Синтаксис коми языка» в 2-х томах объемом свыше 1000 страниц. Этот труд не опубликован. Впервые в советском финно-угроведении А. С. Сидоров выявил закономерности твердого порядка слов в коми языке, опубликовал монографию по этой теме. Монография А. С. Сидорова «Порядок слов в предложении коми языка» опубликована в 1953 году и явилась в то время чуть ли не единственным прецедентом в исследовании порядка слов в финно-угроведении. Научное значение этой работы высоко и в настоящее время, т. к. является по сути дела единственным пока крупным опубликованным исследованием в области синтаксиса коми языка. В области истории коми языка он сделал очень много, хотя при объяснении многих фактов он придерживался стадиальной теории развития языков. В работе «Коми литературный язык эпохи раннего феодализма» Сидоров проанализировал древнекоми тексты XIV—XVII веков. Он обнаружил и ввел в научный оборот новые памятники древнепермской письменности, проработал огромное количество архивных материалов. В области исторической лексикологии Сидоров выявил древнекоми названия месяцев, до сих пор остававшиеся неизвестными в науке. Из всего сделанного им опубликована до настоящего времени лишь очень небольшая часть. Кстати, работу о древнекоми названиях месяцев подготовил к публикации в журнале «Советское финно-угроведение» В. И. Лыткин, что является примером непредвзятого делового подхода к научному наследию известного ученого. Это показательно еще и потому, что в области теории и методологии лингвистического анализа они долгое время были оппонентами: если Сидоров последовательно придерживался марровской концепции на язык, то Лыткин всегда

оставался на позициях традиционного сравнительно-исторического языкознания.

В области анализа терминологической работы некоторые суждения Сидорова поразительно актуальны и для сегодняшнего дня, ибо проблемы 40—50-х годов остаются неразрешенными в коми языкознании и до настоящего времени. Вот, к примеру, его оценка терминологической работы 50-х годов: «В терминологической работе чувствуется боязнь установления термина на основе родного языка, боязнь «неологизма», как искусственной выдумки. Между тем, всякий термин, передающий основные понятия данной науки на данной ступени ее развития, представляет своего рода неологизм, новообразование, в термины вкладывается то новое значение, которое устанавливается данной наукой и которого обычно не бывает в слове до его употребления в качестве термина. Принципиально отрицательное отношение к возможности составления научного термина на основе родного языка ведет к замораживанию развития его основного словарного фонда». Русофильство в области общественно-политической терминологии коми языка резко бросается в глаза и теперь, когда изо дня в день в газете «Коми му» читаем такие «коми» слова как **собрание, слушатель, пенсионнӧй надбавкаяс, продовольственнӧй программа, пятилетка, плюрализм** и т. д. Большинство подготовленных Сидоровым работ не утратило своей научной ценности и в наше время.

Пока Алексей Семенович напряженно работал в Ленинграде, в Коми области продолжала шириться эпидемия всеобщего обличительства: направо и налево раздавались обвинения в «нацшовинизме», «потере бдительности», «примиренчестве»... Едва ли не каждый ученый или писатель обязан был выступить с критикой арестованных «контрреволюционеров» и собственных «ошибок». В свое время такую статью был вынужден опубликовать в газете «За новый Север» и Алексей Семенович. Правда, помя-

нув — в соответствии с принятой тогда формой — В. И. Лыткина как «контрреволюционера» в языкознании, он посвятил статью своим научным разногласиям с Василием Ильичом, так что, несмотря на набор обязательной обличительной терминологии, его выступление в печати по тем временам выглядело едва ли не благопристойной научной дискуссией.

Совсем иной характер носила статья Старцева «Критиковать и собственные ошибки», в которой Григорий Афанасьевич, работавший вместе с Сидоровым в Обществе изучения Коми края, в Ленинградском пединституте, наконец, в КГПИ и Коми НИИ, писал, что Сидоров «лил воду на мельницу национал-шовинистам типа В. И. Лыткина», припоминал ему и В. А. Молодцову участие в союзе «Коми котыр», которым якобы руководили правые эсеры П. Сорокин и Н. Зиновьев, «прибывшие из Петрограда по заданию Керенского», костерил «орудовавшее» в Коми области Общество изучения Коми края... Чем объяснить это? Глубокой убежденностью в собственной правоте и неприятием всего того, что хоть отчасти не согласуется с учением «отца всех народов», или же понятной в складывавшейся атмосфере всеобщей подозрительности перестраховкой и стремлением с помощью громких обличений других отвести возможные обвинения от себя? Кто сейчас сможет ответить...

Но нельзя не отметить следующее. Если А. С. Сидоров критиковал уже осужденного В. И. Лыткина (так что тому ничего больше не грозило, «свое» он получил), то Старцев публиковал «компромат» на людей, находившихся еще на свободе, способствуя тем самым зачислению их в разряд «врагов народа». И второе: вполне возможно, что редакторы могли «подправлять» статьи, «усиливая» «критическую», обличительную часть публиковавшихся материалов. Но сохранившийся в архиве черновик статьи Старцева убедительно свидетельствует о том, что вся его статья — плод его личного «творчества». (Кстати,

в черновике она носила весьма характерное название — «Огонь по двурушникам-нацшовинистам».)

Шел 1937 год. Алексей Семенович продолжал разрабатывать проблемы лингвистики, подготовил к изданию и представил в Коми издательство (в 1936 году) собрание сочинений И. А. Куратова, был полон стремления работать, но... В ночь на 21 сентября его арестовали. Вот как запомнилось это событие дочери А. С. Сидорова Людмиле Алексеевне: «Я почему-то проснулась ночью... Моя комната была напротив отцовской. Я никогда не заглядывала туда, но тут мне почему-то вздумалось посмотреть в щелочку. Я немножко приоткрыла дверь и увидела, что отец стоит у стены в каком-то смятенном состоянии, а два военных, выше его ростом, вышвыривают книги из шкафов. Все летит на пол охапками... Я всегда думала, что книги надо класть аккуратно, и это взволновало меня. Я подумала: что это такое случилось, почему ночью так швыряют книги? Но в конце концов я решила, что просто что-нибудь ищут, и хотя было тревожно, но я была еще мала, не придала этому значения и легла спать. А утром, когда я встала, мне сказали, что отца забрали...»

Начались бесконечные хождения родных Алексея Семеновича по ленинградским тюрьмам в попытке узнать что-нибудь о его судьбе. Это оказалось нелегким делом. Чтобы получить хоть какую-то информацию, приходилось подолгу стоять в огромных очередях, состоящих из таких же жен, дочерей и других родственников арестованных — «железный нарком» Н. И. Ежов старался вовсю, и в тюрьмах было тесно от «врагов народа», попавших в «ежовые рукавицы»... В конце концов удалось узнать, что Алексея Семеновича отправили для расследования его «дела» в Сыктывкар... Очень долго от него не было никаких вестей, и только примерно в 1939 году откуда-то с севера Коми АССР пришло письмо...

Алексей Семенович находился под следствием более двух лет. Следователи старались, подыскивая материал

о его «контрреволюционной деятельности». Хотя Сидоров особо не рассказывал о том, что ему пришлось пережить (он не дожил до того времени, когда стало возможным говорить об этом открыто), нетрудно угадать себе основные обвинения в его адрес: участие в работе «кулацко-эсеровского» исполкома Яренского уездного совета, членство в «крупной буржуазно-националистической организации» «Коми котыр» и в «контрреволюционном» и «националистическом» Обществе изучения Коми края, сотрудничество в «кулацко-националистическом» органе «Коми му», близкие контакты с «националистами», «контрреволюционерами», «шпионами» и «фашистами» типа В. И. Лыткина, В. А. Молодцова, Д. А. Батиева...

Всего этого с лихвой хватило для того, чтобы осудить Алексея Семеновича по знаменитой 58-й статье, пункт 10 («контрреволюционная агитация и пропаганда»), как участника «контрреволюционного блока правых, троцкистов и национал-шовинистов»... Ему дали «всего» 3 года с учетом предварительного заключения — видно, на большее «доказательства» не тянули... В Коми государственном издательстве оперативно отреагировали на известие об обсуждении ученого: на страницах вышедших в 1939 году сочинений И. А. Куратова, изданных на основе подготовленной Сидоровым работы с небольшими изменениями, фамилия Алексея Семеновича даже не упоминается...

Осенью 1940 года Алексей Семенович вернулся к семье в Ленинград. По словам Людмилы Алексеевны, она не узнала отца — так сильно он изменился. Трехлетнее заключение наложило на него неизгладимый отпечаток. «До ареста он был крепким, моложавым, подтянутым мужчиной, с белозубой улыбкой, а вернулся,— рассказывала Людмила Алексеевна,— дряхлым стариком, седым, без единого зуба, говорит тихим шепотом. Мне кажется, что надо было очень много сил употреблять, чтобы сделать его таким...»

После освобождения А. С. Сидоров был лишен права

жить в Москве и Ленинграде. Вначале он устроился простым рабочим в пригороде Ленинграда, «на 101-м километре», а в 1941 году уехал на родину. Крупный, авторитетный ученый, автор многих научных трудов, А. С. Сидоров вынужден был некоторое время зарабатывать на жизнь на лесосплаве и на подсобных работах в разных экспедициях. В 1942 году его приняли в Коми научно-исследовательский институт, и Алексей Семенович вновь получил возможность заниматься наукой.

Жизнь показала, что его творческий потенциал, несмотря на тяжелые испытания, остался высоким, и Сидоров по-прежнему являлся одним из ведущих коми, да и не только коми ученых. Член-корреспондент АН СССР Д. В. Бубрих в 1944 году писал о Сидорове: «Я не знаю другого научного работника из советских специалистов по угро-финским языкам, который так много работал бы научно. То, что уже сделано А. С. Сидоровым, обнаруживает полную научную зрелость, глубочайшее знание материала (по осведомленности в вопросах прошлого Коми края и в вопросах коми языка А. С. Сидоров не имеет себе равных)...» В 1945 году Алексей Семенович защитил кандидатскую диссертацию, а через два года — докторскую диссертацию (обе они были посвящены проблемам языкознания).

В годы войны и в послевоенное время А. С. Сидоров занимался главным образом лингвистикой (темами синтаксиса и лексики). Он являлся организатором и непосредственным участником работы над составлением «Коми-русского словаря», ездил в командировки для сбора диалектного материала, изучал историю и пути развития коми литературного языка и т. д. Кроме того, Алексей Семенович публиковал работы по музыкальному фольклору, изучал религиозные представления древних коми...

Но и будучи признанным ученым, Сидоров до конца жизни продолжал чувствовать определенную моральную тяжесть клеймо «разоблаченного» и «наказанного по за-

слугам» «врага народа» было снято с него лишь через год после его смерти. Поэтому каждый раз для того, чтобы, например, выступить с докладом в Московском институте языкознания, ему приходилось идти в милицию и просить разрешение для временного проживания в Москве...

Однако, несмотря на то что он фактически оставался «под подозрением» и мог опасаться повторного ареста (такие случаи были), Сидоров не попытался создать себе ореол «благонадежности» с помощью характерного для тех времени славословия. Очень показательно в этом плане состоявшееся в Сыктывкаре в начале 1952 года совещание по вопросам языкознания, где Алексей Семенович выступил с двумя докладами. В небольшой брошюрке с тезисами выступлений то и дело упоминается работа И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»: «И. В. Сталин в своем гениальном труде...», «словарный состав языка, как учит И. В. Сталин...», «особое значение для развития коми языка имеет сталинское учение о классовых и территориальных диалектах», «сталинское учение об основном словарном фонде», «учение И. В. Сталина о грамматическом составе языка...» В одной из фраз эпитет «гениальный» повторяется трижды: «И. В. Сталин в своих гениальных произведениях по вопросам языкознания вскрыл..., дал гениальное по ясности, глубине и точности разрешение... и гениально обобщил...»

Нет оснований в чем-то упрекать авторов этих выступлений: большинство исследователей-гуманитариев еще в самом недавнем прошлом — да что там, и по сей день стараются пристегнуть к своим работам подходящую (а порой и не совсем подходящую) цитату из выступлений первых руководителей страны (почему-то считается, что статья или книга от этого непременно станет более значимой). Что уж говорить о 50-х годах, когда наука была не наука без ссылки на мысль главного корифея или его ближайших сподвижников, вплоть до Лаврентия Берии (тот тоже «написал» «исторический труд» о большевистских организациях в Закавказье, где тоже вроде бы что-то «обобщил»). Но вот в двух докладах Сидорова ни Сталин, ни его «основополагающая» работа не упоминались ни разу — для Алексея Семеновича «гениальных указаний» словно бы и не существовало. Пожалуй, по тем временам это был риск...

Через год после этого совещания Сидоров приехал в Москву. Чувствовал он себя неважно, однако работал в библиотеках, планировал переработать некоторые из своих прежних лингвистических трудов. В начале марта здоровье его ухудшилось. Свою роковую роль в этом сыграл случай. 5 марта 1953 года умер Сталин. Для многих людей, репрессированных подобно Сидорову, это означало возможность реабилитации, освобождения, можно сказать, возвращения к жизни. На судьбу Алексея Семеновича смерть Сталина неожиданно оказала прямо противоположное влияние.

Для приезда многочисленных делегаций на похороны Сталина потребовались места в гостиницах, и из них спешно стали выселять прежних жильцов. Ночью гостиничные власти в сопровождении милиции явились и в номер к Алексею Семеновичу. Для А. С. Сидорова, с его ослабленным здоровьем, жившего под угрозой повторного ареста, неожиданное ночное вторжение милиции, которое могло означать самое худшее, оказалось жестоким потрясением. Ему стало совсем плохо. Вначале Сидорова перевели на какую-то частную квартиру, потом поместили в больницу, но забота врачей уже не помогла ему. 21 марта 1953 года А. С. Сидоров скончался.

После него осталось много неопубликованных научных работ. Некоторые из них были изданы после его смерти, но большинство осталось в рукописях. Этнографические, археологические, литературоведческие и лингвистические исследования Алексея Семеновича Сидорова легли в основу современной коми гуманитарной науки, во многом определили ее сегодняшний уровень.

Глава 5. БИОГРАФИЯ БЕЗ РЕТУШИ

Год 1935-й. Выступая на Пленуме Сыктывкарского горкома ВКП(б), первый секретарь обкома А. А. Семичев между прочим заявляет: «... «ученого»... трудящиеся Коми области знают как поставщика всякого контрреволюционного хлама в его поэзии, прозе, публицистике и учебниках». Кого имел в виду секретарь? Конечно же, «махрового националиста» и «финского шпиона», имя которого в середине 30-х г. постоянно склоняли на страницах местных газет и журналов — Василия Ильича Лыткина...

Жизнь и творчество В. И. Лыткина — выдающегося ученого-финно-угроведа и одного из зачинателей коми советской литературы, казалось бы, хорошо известны. Но из его биографий странным образом постоянно ускользало несколько лет, вспоминать о которых было «не принято». Однако же они были, как было и трудное, но озаренное романтикой национального возрождения первое послереволюционное десятилетие, и полные трагизма и противоречий годы на рубеже 20—30-х, и многое другое. Впрочем, давайте обо всем по порядку...

В. И. Лыткин родился 27 декабря 1895 г. в Тентюково, в трех верстах от уездного города Усть-Сысольска. Через 2 года его отец, крестьянин-бедняк, погиб на лесозаготовках, и мать одна воспитывала трех сыновей. Лыткин закончил школу в Тентюково и Усть-Сысольское городское училище, затем в 1912 г. поступил в Тотемскую учительскую семинарию. Там он стал писать стихи. Закончив семинарию в 1916 г., Лыткин намеревался приступить к учительской работе, но...

Уже два года шла мировая война, нужны были новые солдаты взамен погибших. В июне 1916 г. его призвали

в армию. Рядовой пехотного полка, юнкер Чугуевского военного училища, младший офицер пехотного полка — таков его послужной список. После Октябрьской революции, в декабре 1917 г. Лыткина демобилизовали как педагога, и в январе 1918 г. он стал школьным учителем в Деревянске, а осенью того же года — в Усть-Сысольске. В местной печати появились первые публикации его стихов. Василий Ильич активно включился в культурно-просветительскую деятельность, в ноябре 1918 г. вошел в состав Комиссии по созданию коми литературы, а в декабре 1918 г.— в редколлегию одной из первых коми газет «Зырянская жизнь».

Бурные события гражданской войны властно вмешались в жизнь В. И. Лыткина. В январе 1919 г. он вступил в Красную Армию. Борьба с Колчаком, с белогвардейцами и интервентами на Северном фронте заполнили весь 1919-й и начало 1920-го года. С мая 1920 г. Лыткин находился на Польском фронте. Он участвовал во многих сражениях. Воинская судьба переменчива, и победный марш на Варшаву сменился разгромом и отступлением. Летом 1920 г. 6-я армия, в которой служил Лыткин, попала в окружение, и часть полков, чтобы не попасть в плен к полякам, вышла из Польши на германскую территорию — в Восточную Пруссию, где 24 августа была интернирована. Среди интернированных был и В. И. Лыткин. На родину он вернулся лишь через несколько месяцев.

Демобилизовавшись из армии в 1921 г. и приехав в Усть-Сысольск, он стал работать в Коми издательстве, организованном в 1920 г. В издательстве Лыткин вновь, как и в Комиссии по созданию коми литературы, сотрудничал с В. А. Молодцовым. Создатель коми алфавита, ведущий коми лингвист тех лет, Молодцов оказал немалое влияние на Лыткина, в частности, на возникновение у него интереса к проблемам языкознания. (Не случайно Г. А. Старцев, хорошо знавший их обоих, неоднократно называл Лыткина даже учеником Молодцова — хотя, вероят-

но, это все же преувеличение). Уважение, которое Лыткин питал к Молодцову, проявилось в его статье «Друг» народа коми», напечатанной в газете «Удж» 21 февраля 1921 г. В ней Василий Ильич писал о заслугах В. А. Молодцова в налаживании издательского дела в Коми крае, выступил в защиту «молодцовского» алфавита от нападок А. А. Цембера. Позднее отношения между Лыткиным и Молодцовым резко ухудшились, и конфликт между двумя учеными негативно отразился на судьбе их обоих.

В. И. Лыткину была свойственна широта научных интересов, он развивал плодотворные идеи по многим проблемам коми, а также финно-угорского языкознания. Уже в первые годы Советской власти возникла необходимость создания коми литературного языка, определения опорного диалекта и выработки языковых норм. Именно этому вопросу посвящена одна из первых публикаций Василия Ильича — «Зырянский литературный язык», напечатанная в газете «Удж» 6 марта 1921 г. под псевдонимом Визь. В статье разъяснялось понятие «литературный язык» для широких читательских масс, говорилось, что усть-сысольский говор принят за основу литературного языка, т. к. он занимает среднее положение между диалектами коми языка. В двух изданных в том же году небольших поэтических сборниках («Войтӧв шувгӧм» и «Гӧрд пӧлян») были опубликованы и стихи Лыткина. В 1922 г. он решил продолжить свое образование и отправился в Москву, где поступил на отделение русского языка филологического факультета первого Московского университета.

В. И. Лыткина не было в числе создателей Общества изучения Коми края, но он с энтузиазмом воспринял известие об его возникновении, вступил в ряды общества и стал одним из организаторов Московского отделения ОИКК. В это отделение, возникшее 14 апреля 1923 г., объединились, в основном, коми студенты, учившиеся в вузах Москвы. Первоначально их было 10, в сентябре 1923 г.— 18, в декабре — 37, а в апреле 1924 г.— 43 человека, кроме коми-зырян, составляющих большинство, среди членов Московского отделения ОИКК были коми-пермяки и русские.

Члены отделения обязаны были посещать каждое собрание, представить в течение года 1 доклад. Деятельностью отделения руководило правление из 5 человек. За первый год работы на собраниях было сделано 12 докладов по самым разным вопросам. С докладами выступали не только члены МО ОИКК, но и приезжавшие в Москву государственные, партийные, культурные работники из Коми области, а также преподаватели университета. Вот темы некоторых выступлений: «Территория и население Коми автономной области» (И. Г. Коюшев), «Расселение пракоми» (В. П. Налимов), «Экономика и быт оленеводов» (А. И. Бабушкин) и др. В. И. Лыткин выступил с докладом «Коми литература». В 1925 г. на собраниях МО ОИКК делали доклады А. А. Маегов, приезжавший из Ленинграда И. Е. Худяев, В. П. Налимов и, конечно, В. И. Лыткин.

Члены Московского отделения составили указатель литературы о Коми крае, в который вошли 1000 названий, и планировали издать социально-экономический атлас Коми области. Вероятно, по инициативе Лыткина при МО ОИКК была организована секция коми литературы и языка. В течение первого года существования отделения состоялось 6 заседаний этой секции. Одно из них было посвящено повести «т. Сажина, нигде еще не печатавшейся». (Скорее всего, это был И. Сажин, несколько лет спустя входивший в комиссию по чистке Коми ассоциации пролетарских писателей; Комиссия обвинит В. И. Лыткина в национализме...) Отделение выпускало рукописный журнал «Коми му» (за первый год работы вышло 3 номера). К сожалению, журналы эти пока не найдены. Сохранились ли они?..

Члены Московского отделения ОИКК принимали участие в работе Угро-финской комиссии, состояли в возникшем весной 1926 г. по инициативе эстонцев Объединении угро-финских краеведческих обществ. Одним словом, воз-

никшее при самом непосредственном участии Лыткина Московское отделение ОИКК стало одним из наиболее деятельных подразделений Общества изучения Коми края. Позднее, когда он на время отошел от участия в работе МО ОИКК в связи с длительной командировкой за рубеж, секция литературы и языка прекратила существование. В конце 1927 г. в отделении насчитывалось 37 человек, действовало 3 секции: промышленно-экономическая, сельскохозяйственная и историко-этнографическая. В правление МО ОИКК входили тогда А. А. Маегов, С. А. Попов, А. А. Айбабин и другие.

Во время учебы в университете Лыткин стал активно вести научную работу. В двух номерах коми литературного журнала «Парма ёль» (1922—1923) появились статьи, посвященные становлению коми поэзии и коми драматургии. В 1923 г. Лыткин выступил на конференции коми писателей в Усть-Сысольске с докладом о коми поэзии.

Поскольку В. И. Лыткин начал свою творческую деятельность в качестве школьного учителя, то ему были известны нужды и беды коми школы. Поэтому он активно включился в строительство новой советской школы на родном языке; одной из первоочередных задач было составление учебников по коми языку. Используя опыт педагогической работы, Лыткин подготовил пособие для учителей «Коми школаын велӧдысьяслы отсӧгтор», представлявшее собой сборник упражнений по коми языку. И в 1923 г. оно уже широко применялось в практике преподавания учителями Коми области.

После издания этого пособия Лыткин начал работать над грамматикой коми языка, которую он планировал выпустить в трех частях. Первая часть грамматики, которая вышла в 1925 г., предназначалась для учащихся первых годов обучения. Кроме того, В. И. Лыткин принимал деятельное участие в составлении хрестоматий для коми школ, изданных в 1922—1924 гг. («Выль туйӧд», «Асъя кыа»).

В самом первом номере журнала «Коми му» (март 1924) была опубликована научная статья Лыткина по лингвистике «Языковый состав населения нижней Вычегды в конце XIV века». В ней, исходя из современных лингвистических данных, он предположил, что нижнее течение Вычегды (а может быть, и вся Вычегда) до коми и русских было заселено финским племенем Емь. Предки коми, по его мнению, пришли на Вычегду с юга, а нижнее течение Вычегды одновременно заселялось и коми, и русскими. Племя Емь слилось с колонизаторами, оставив после себя ряд географических названий (Гам, Емва, Емваль). За этой статьей последовали другие: «Коми литературный язык и орфография» (1925), «Важысянь-ӧ коми гижӧдыс?» (1926) и т. д.

Изучив древние памятники коми письменности, Лыткин выявил особенности древнекоми языка, предположил, что этот язык ближе всего стоял к современному нижневычегодско-вымскому говору. Василий Ильич изучал происхождение коми числительных (он, в частности, пришел к выводу, что числительные 7, 10 и 100 были заимствованы из иранских языков), влияние русского языка на коми язык.

В 1926 г. была издана книга «Коми гижысьяс» (Коми писатели). В нее вошло и несколько работ, написанных Лыткиным. Он тепло отозвался о К. Ф. Жакове, назвал его одним из учителей и защитников коми народа, рекомендовал читать его произведения (в том числе автобиографическую повесть «Сквозь строй жизни»). Василий Ильич писал, что Жаков, даже живя за границей, сохранил живой интерес к судьбам коми культуры. (Позднее эта книга стала одним из главных обвинений против В. И. Лыткина.)

В. И. Лыткин не оставлял и поэзии. Он писал и публиковал под разными псевдонимами (Илля Вась, Видз, Ильвидз) стихотворения, в которых отразилась тема пробуждения Севера, народа коми («Зэв ыджыд керка ми...»—

Огромное здание мы..., 1924 и т. д.), сатирические стихи, пейзажную лирику.

В 1926 г. В. И. Лыткин поступил в аспирантуру Института восточных народов СССР (преобразованного вскоре в НИИ по изучению культуры и языков народов советского Востока). В том же году, на заседании Московского отделения общества ИКК Лыткин сделал доклад «Коми литература кыв историяысь». С этой же темой он выступил и на страницах газеты «Югыд туй» (Статья «О коми литературе»). Он сделал попытку определить этапы развития коми письменности, дал характеристику каждого периода. Лыткин отметил, что коми письменность появляется с введением христианства (в XIV в). Однако первым, кто принял научную систему письма, был Г. С. Лыткин. Он освободил зырянский литературный язык, за основу которого взял сысольский говор, от русских слов и оборотов, отыскивая недостающие слова в других говорах. Положительно оценивая деятельность Г. С. Лыткина, В. И. Лыткин подчеркнул, что до него все занимались только изучением коми языка и никто не был заинтересован в создании общего (т. е. литературного) языка, письменности для коми.

Научные работы В. И. Лыткина были новы, интересны. Но для того, чтобы получить более полное образование, необходимое для проведения более глубоких исследований, нужно было ехать за границу — советское финно-угроведение делало только первые шаги. Вскоре после поступления в аспирантуру Лыткин отправился в длительную командировку — в Финляндию, Венгрию, Германию, где учился у крупнейших исследователей И. Вихмана, Ю. Тойвонена, Й. Синнеи, З. Гомбоца и других. Естественно, эта поездка стала огромным событием в жизни ученого, тогда еще начинающего. Вот как сам Лыткин не без юмора описывал начало своего путешествия: «Сажусь в международный вагон прямого сообщения Ленинград-Гельсингфорс. Вагоновожатый, финляндец, подозрительно смотря

на мою заселенную английскую шубу, требует билет... Пристально осматривает его: «Да, сюда! Пожалуйте»...

На следующий день после приезда в Хельсинки Лыткин отправился к финскому ученому Калима с рекомендательным письмом от одного из профессоров Московского университета. Тот приветливо принял молодого зырянина, посоветовал, какие курсы в Хельсинкском университете следует посещать, в каких библиотеках работать, снабдил научной литературой, помог подыскать квартиру, познакомил с городом.

Гостем из Советской России заинтересовались. Лыткина посетил корреспондент одной из самых крупных газет Финляндии, интересовавшийся жизнью финских народов в СССР. Рассказ Василия Ильича и привезенная им литература на коми и других языках (как вспоминал он сам, его «вещи... почти исключительно состояли из книг и рукописей») удивили журналиста. «В конце интервью корреспондент спросил: Значит, зыряне не обрусеют?— Нет, отвечаю, лет через 10—15 у нас будет высшее учебное заведение на родном языке». (Коми пединститут появился уже через 6 лет.) В газетах появились статьи, посвященные В. И. Лыткину, положению финно-угорских народов в СССР. Благодаря опубликованным в газетах фотографиям его стали узнавать на улицах...

Лыткина представляли известному лингвисту Сетяля, занимавшему тогда пост министра иностранных дел Финляндии (эта встреча потом дорого обойдется Василию Ильичу!) и другим финским ученым.

На Лыткина произвела большое впечатление та тщательность, бережность, с которой в Финляндии изучали родной язык, как современный, так и древний, внимание финских ученых к историческим документам, сохранившим старинные слова, которые надлежало включить в словарь финского языка. Контраст с положением в Коми крае, где поначалу к документам «проклятого прошлого» относились с пренебрежением, был разительный. Позд-

нее, в июле 1928 г. Лыткин писал об этом: «Хмурое гельсингфорское небо напомнило мне горение архива Усть-сысольского земства, раскуривание волостных архивов, забвение многих и многих слов — утрату единственных наших исторических документов, утрату, виновником которой является наше невежество».

Из Финляндии В. И. Лыткин поехал в Германию, после учебы в последней — в Венгрию. Венгрия и Финляндия являлись тогда центрами финно-угорского сравнительно-исторического языкознания. Пересматривались результаты работ предшествовавшего периода... Здесь у Лыткина родилось много интересных и плодотворных лингвистических идей. Пребывание в Венгрии было особенно удачным для Василия Ильича. В 1927 г. он экстерном сдал экзамены за весь курс Будапештского университета. В том же году в Будапеште была издана на венгерском языке написанная Лыткиным за границей работа «С-овые суффиксы в пермских языках», за этот труд ученые Будапештского университета удостоили Лыткина ученой степени доктора философии (под философией понимались гуманитарные науки).

Тогда же, в 1927 г., В. И. Лыткин побывал в Латвии, посетил в Риге вдову скончавшегося за год до этого коми ученого К. Ф. Жакова, приобрел у нее ряд рукописей и книг Жакова. В частности, по просьбе Коми издательства Лыткин купил за 50 долларов рукопись неизданной поэмы Жакова «Биармия». (Общество изучения Коми края в те годы предпринимало усилия по сбору и публикации произведений Жакова.) В Эстонии Лыткин выступил с докладом о культурной жизни коми и других финских народов СССР.

Двухлетнее пребывание за рубежом, интенсивное изучение достижений современного финно-угорского языкознания позволили В. И. Лыткину сформировать ясное представление о состоянии этой науки, о стоявших перед исследователями проблемах. Выяснилось, что к числу наименее изученных принадлежали диалекты восточно-финских языков, к которым относится и коми язык. Лыткин решил приступить к исследованию коми-зырянского, коми-пермяцкого и удмуртского языков (группы пермских языков).

Он понимал важность сохранения и развития коми языка. В статье, написанной Василием Ильичом в Хельсинки под конец своей зарубежной командировки, он подчеркивал, что «очередная задача в деле изучения коми национальной культуры»— это «собирание коми слов». «Коми язык,— писал Лыткин,— это то, благодаря чему мы имеем автономию, ...имеем право называться коми народом... Коми язык в настоящее время является если не единственным, то во всяком случае главным фактором нашей национальной культуры».

По возвращении В. И. Лыткин преподавал в I-м МГУ, сотрудничал в НИИ национальностей Севера при ЦИК СССР. Лыткин интенсивно занялся организацией исследований коми языка. После стажировки за рубежом творческая активность Лыткина явно возросла. Расширился круг интересовавших его проблем, он серьезно включился в разработку различных вопросов коми литературного языка. Выступил с докладами по этой проблеме на конференции Коми ассоциации пролетарских писателей (1928 г.), на Коми лингвистической конференции Главнауки (1929 г.), в печати. Он предложил использовать при создании коми литературного языка богатства всех диалектов, опираясь при этом на говоры населения усть-сысольского района.

В своих выступлениях и публикациях Лыткин не раз подчеркивал, что одной из важнейших задач создания коми литературного языка является изучение диалектов. По его инициативе в 1928 г. при Московском отделении Общества изучении Коми края была организована Комиссия по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. В 1930 г. в Комиссии работали В. И. Лыткин (пред-

седатель), А. С. Сидоров, Г. А. Нечаев (секретарь комиссии), Н. А. Шахов, С. А. Попов и Е. А. Чеусова. Создание этой комиссии фактически положило начало научному изучению диалектов коми языка.

Основной своей задачей комиссия ставила изучить в ближайшее десятилетие диалекты коми языка (охватив коми, живущих в Коми области и Коми-Пермяцком округе, а также вне этих территорий) и издать академический словарь коми языка. В качестве первоочередной задачи было определено издание практического словаря коми языка и создание специального лингвофольклорного ежегодника, который бы освещал работу по изучению языка. В. И. Лыткиным была разработана методика сбора и обработки диалектного материала, определены районы, подлежащие изучению.

В течение 1928 г. членами комиссии были организованы диалектологические экспедиции по Коми области и Коми-Пермяцкому округу. Лыткиным была обследована обширная территория на Выми, Сысоле и Кобре.

Подробный отчет об экспедиции был сделан им на заседании Правления Московского филиала ОИКК и историко-этнографической секции. На основе этого отчета АН СССР было решено с 1929 г. начать 5-летние комплексные экспедиционные исследования в Коми области. Поэтому в 1929 г. комиссией вновь были организованы экспедиции в Коми область.

Комиссия через правление Московского отделения ОИКК обратилась в Коми облисполком с ходатайством об издании лингвистическо-фольклорного ежегодника, которое и было удовлетворено. В 1930—1931 гг. вышло два «Сборника Комиссии» под редакцией В. И. Лыткина. В опубликованных в этих сборниках статьях Лыткина дана характеристика отдельных диалектов коми языка и их общий обзор. Его «Краткий обзор диалектов коми языка» можно считать первой обобщающей работой по коми диалектологии.

Примечательна позиция Лыткина в отношении различий между коми-зырянским и коми-пермяцким языками. Когда общее собрание комиссии по изучению племенного состава населения СССР, отмечая, что коми-зыряне и коми-пермяки имеют существенные отличия в лингвистическом и этнографическом отношениях, решило считать неправильным объединение их под одним названием, Лыткин выступил в печати против этого решения. Он считал, что «нет особого пермяцкого языка, а имеется только пермяцкий диалект коми языка, или, вернее, пермяцкие диалекты, из которых многие стоят ближе к коми-зырянскому литературному языку, чем, например, какой-нибудь отдаленный зырянский диалект».

Можно сказать, что проблема взаимоотношений коми-зырянского и коми-пермяцкого языков до сих пор остается открытой. Одни считают их отдельными языками, другие — разными наречиями единого коми языка. Надо отметить, что Лыткин даже в своих последних обобщающих работах придерживался мнения о наличии единого коми языка и трех его наречий: коми-пермяцкого, коми-зырянского и коми-язьвинского. Охарактеризовать все публикации Василия Ильича крайне сложно: он публиковался в журналах «Культура и письменность Востока», «Просвещение национальностей», «Большевистская мысль», в Ученых записках НИИ народов Советского Востока, в «Докладах Академии наук СССР»... Некоторые публикации в чем-то повторяли уже издававшиеся его работы — это касалось научно-популярных статей Лыткина (он придавал большое значение популяризации знаний о коми языке).

Василий Ильич продолжал работать над составлением учебных пособий для школ. В 1929 г. вышла вторая часть «Коми грамматики» (для старших классов), «Материалы по коми грамматике (обоих наречий)», в 1932 г.— «Гижны велӧдчан» (сборник упражнений по правописанию и орфографии). Ученый планировал подготовить и издать третью

часть «Коми грамматики», но осуществить эту идею в тридцатые годы ему не удалось. Лишь в 50—60-е гг. он вернулся к этой работе.

В. И. Лыткин стал пользоваться значительным авторитетом как специалист по пермским языкам. На рубеже 20—30-х годов встал вопрос о замене молодцовского алфавита, которым пользовались в Коми области, на алфавит, составленный на латинской основе. Василий Ильич принял активное участие в этом преобразовании, хотя поначалу не был горячим сторонником латинизации. В 1925 г. Лыткин на страницах газеты «Югыд туй» убеждал: «Не надо приспособляться ни к русским, ни к латинянам в ущерб науке и практичности. Нужен научный и практический шрифт — не важно какой — хоть перелатинский».

Но взгляды его к концу 20-х годов претерпели эволюцию. Теперь Василий Ильич считал, что латинизация алфавитов (не только коми, но и русского и других) явится «крупным сознательным шагом к международному языку». 16 января 1931 г. проблема коми и удмуртского алфавита рассматривалась на пленуме центрального комитета Нового Алфавита (В. И. Лыткин сотрудничал в этом комитете), где было решено: «Поручить проф. Яковлеву, Иванову и Лыткину в однодневный срок составить обоснованную докладную записку о реформе коми-удмуртского алфавита в Совет национальностей Союза ССР». Переход на латинизированный алфавит в Коми области был осуществлен в начале 30-х годов,— впрочем, ненадолго...

В 1931 г. было принято решение об открытии в Сыктывкаре с 1 января 1932 г. педагогического института. Для работы в нем пригласили коми ученых и педагогов, работавших в Москве, Ленинграде, Вологде. В декабре 1931 г. первый директор института А. Ф. Богданов (один из деятелей самораспустившегося к тому времени Общества изучения Коми края) назначил заведующих кафедрами.

Заведующим кафедрой языка и литературы стал В. И. Лыткин, приехавший из Москвы. В конце 20-х — начале 30-х годов на страницах журналов «Ордым» и «Ударник», в сборниках было опубликовано немало новых стихов Илля-Вась, а также переведенных им на коми язык произведений А. С. Пушкина, В. В. Маяковского и др. В 1929 г. вышел и авторский сборник В. И. Лыткина «Кывбуръяс» (Стихи).

У Василия Ильича были обширные научные планы на 30-е годы. Он работал над историей коми литературы.

Лыткин намеревался исследовать все коми диалекты, планировал к началу 40-х годов собрать и подготовить к выпуску «Полный академический коми словарь». В 1930—1932 годах был составлен сравнительный словарь коми диалектов. В предисловии к нему Василий Ильич дал краткий обзор диалектов коми языка. Этот словарь уже был готов к печати, но... Что следует за этим «но», читатель, вероятно, догадывается...

Тучи над головой Василия Ильича стали сгущаться на рубеже 20—30-х годов. Началась борьба с «националистической» и «кулацкой» идеологией. Было объявлено, что литература и наука являются «полем битвы» между «пролетарской» и «буржуазной» культурами. После состоявшегося 15—16 марта 1930 г. объединенного пленума Коми ОК ВКП(б) и ОКК (он прошел под лозунгом «Усилить борьбу с национал-шовинизмом!») объявилось множество бдительных сторонников «классового подхода», которые принялись старательно выискивать недостатки и «ошибки» в произведениях коми литераторов.

В 1927 г. Лыткин написал поэму «Мунӧны» (Идут). (Современные исследователи — В. И. Мартынов и другие — высоко оценивают это произведение). Хорошо отозвался о поэме в 1929 г. литературный критик А. С. Забоев. Но вскоре все переменилось. В 1930 г. И. И. Оботуров подверг резкой критике В. И. Лыткина за «неклассовый подход» в поэме «Мунӧны». «Шедевром коми национали-

стической поэзии надо признать поэму Лыткина... «Мунӧны»,— писал он,— есть художественное извращение истории борьбы коми бедняка и середняка». «Лыткин поэмой «Мунӧны» зарекомендовал себя как проводник националистических идей».

И. И. Оботуров напомнил также о книге «Коми гижысьяс» и, в частности, об опубликованном там очерке Лыткина о Жакове. «Нам мало интересен теперь сам профессор Жаков,— писал Оботуров.— Нас интересует, почему Илля-Вась и другие коми писатели идеализировали таких мелкобуржуазных идеалистических апостолов, как Жаков... Они (В. И. Лыткин и др.— авт.)... объективно проводили... политику охвостьев коми торговой буржуазии и коми кулачества».

Критика в адрес Лыткина за «мелкобуржуазные» и «националистические» идеи раздавалась в 1930 г. на заседании правления КАПП, на III конференции Коми ассоциации пролетарских писателей. В октябре 1930 г. заседала комиссия по чистке КАПП. Вновь прозвучали те же обвинения. Комиссия постановила: «В КАПП Лыткин может остаться лишь в том случае, если он признает, что его стихи национал-шовинистические и мелкобуржуазные...» В. И. Лыткин вынужден был опубликовать в декабре 1930 г. статью, посвященную «литературным недостаткам» в «Мунӧны» и «Коми гижысьяс».

«Классовый», «материалистический» подход требовался и в лингвистике. Начались преследования «формалистов», борьба против «националистического уклона» в языкознании. К «формалистам-идеалистам» причислили и Лыткина.

Весной 1932 г. положение В. И. Лыткина улучшилось в связи с новыми веяниями в культурной политике. Решено было ликвидировать ассоциацию пролетарских писателей и образовать единый Союз писателей. В соответствии с этим КАПП была распущена, и нападки на Лыткина с этой стороны прекратились. Оргкомитет, созданный для

подготовки съезда писателей Коми области, совсем иначе относился к недавно обличавшимся В. Т. Чисталеву, В. И. Лыткину и другим. Секретарь оргкомитета И. Осипов охарактеризовал Илля-Вась как «большого мастера коми советской литературы». В том же году был издан новый сборник его стихов — «Выль шыяс» (Новые звуки). Но надежды на то, что невзгоды остались позади, к сожалению, не оправдались. «Компромат» на ученого и поэта малопомалу набрался, и в конце 1932 г. Василия Ильича арестовали вместе «с большой группой его единомышленников» (выражение В. А. Молодцова) — А. А. Чеусовым, Д. А. Батиевым и другими. После длившегося несколько месяцев «следствия» В. И. Лыткин был осужден на 5 лет (затем срок уменьшили до 3 лет) заключения в лагерях по знаменитой 58-й статье за «контрреволюционную деятельность». Пропаганда «национал-шовинистических идей» в художественных и публицистических произведениях, попытки осуществить с позиций «национализма» и «формализма-идеализма» «диверсию» против языкового и в целом культурного строительства в Коми области — об этих обвинениях в его адрес нетрудно догадаться. А поездка за рубеж стоила ученому того, что его признали... «финским шпионом». ...Отбывать срок Василия Ильича отправили на Дальний Восток — в Хабаровский край.

С арестом Лыткина комиссия по собиранию коми словаря, функционировавшая и после ликвидации ОИКК, прекратила свое существование. Некоторые ее члены (например, С. А. Попов) были арестованы вместе с Василием Ильичом. Черед других пришел несколько позже. С этого времени, как писал позднее сам Лыткин, «в изучении диалектов коми языка наступило затишье», продолжавшееся несколько долгих лет.

Труды Лыткина были объявлены ненужными, вредными и контрреволюционными. Подготовленный к изданию словарь диалектов так и не вышел в свет. Рукопись его была изъята из издательства и бесследно исчезла в нед-

рах «компетентных органов». Много книг и рукописей было конфисковано у Лыткина в Сыктывкаре. Вся его библиотека, оставшаяся в московской квартире, тоже пропала. Сам Василий Ильич позднее, в 1963 г., с горечью писал П. Г. Доронину: «Все, что у меня было о Жакове (о других писателях, о диалектах и т. д.), утрачено...» Жившие в московской квартире «посторонние люди жгли мои книги и рукописи вместо дров...»

Находились мужественные люди, которые после ареста Лыткина открыто высказывались в его пользу. В 1933 г. в журнале «Ударник» были опубликованы положительные отзывы о его творчестве. Но вскоре подобные отзывы стали рассматриваться как «потеря бдительности» или «вылазка классового врага». Так, А. И. Рочеву, зам. председателя радиокомитета, исключили из партии с формулировкой «за защиту Лыткина (Илля-Вась)».

Весной 1934 за 4 дня до открытия I конференции Коми советских писателей И. И. Оботуров выступил в газете «За новый Север» с программной статьей «За большевистскую партийность в литературе». Он писал: «Наиболее ярко в художественной литературе с националистическими идеями выступил Илья Вась (В. И. Лыткин)... Идеал Илья-Вась — восстановление легендарного государства, т. н. Биармии, объединение всех финских народов на базе капитализма. Эта идея, взятая от финских фашистов, мечтающих о фашистской великой Финляндии, проводилась Илья Васем... до последних лет...» Оботуров «уличил» И. Осипова и других в «защите националиста контрреволюционера Лыткина», в потере оргкомитетом Союза писателей и редколлегией «Ударника» «партийной бдительности...»

На состоявшейся в августе—сентябре 1934 г. в Сыктывкаре конференции коми-зырянских и коми-пермяцких лингвистов (с основным докладом там выступил И. И. Оботуров) Лыткина заклеймили как «верного интересам коми кулачества и буржуазии националистического элемента»,

а его исследования были названы Оботуровым «псевдонаучными», представляющими собой «скрытую борьбу против ленинской национальной политики... в вопросах языка».

Лыткин находился в заключении до 1935 г. О годах, проведенных им в лагере, нам ничего не известно. После освобождения он не смог сразу уехать с Дальнего Востока и остался работать в системе Дальлага экономистом до 1938 г. Там, вдали от родины, Лыткин продолжал писать стихи.

Только в 1938 г. Лыткин смог вернуться к научной и преподавательской деятельности. Ему было запрещено проживать в Москве, Ленинграде и Сыктывкаре. Василий Ильич избрал местом своего жительства вначале подмосковную Каширу, где преподавал в школе русский язык. В 1939 г. он уехал в Оренбург (тогда — Чкалов), стал доцентом тамошнего института. Возможно то, что В. И. Лыткин не вернулся сразу после своего освобождения в Коми область и вообще в Европейскую часть страны, спасло его от повторного ареста в 1937—38 годах (как это произошло с А. А. Чеусовым и Д. А. Батиевым).

Между прочим, тогда, в конце 30-х годов, были осуждены вместе по одному большому делу и товарищи, и обличители Василия Ильича (среди последних — И. И. Оботуров и М. П. Доронин). И вот журнал «Ударник» на страницах которого еще недавно Оботуров призывал к борьбе с националистом Лыткиным, сообщает, что разоблачены враги народа, которые «вели контрреволюционную антисоветскую работу». Теперь уже другие склоняют их имена: «...буржуазно-националистические контрреволюционные вредители Батиев, Коюшев, В. Лыткин (Илля Вась)..., И. Оботуров, Доронин М., ...В. Савин» и т. д. «И. Оботуров проводил латинизацию, которая принесла вред, по наущению контрреволюционера, фашиста, шпиона В. Лыткина». Удивительные происходили метаморфозы...

В Чкалове (Оренбурге) Лыткин начал изучать говоры местного населения, а также продолжил исследования, прерванные арестом. В 1943 г. Лыткин защитил кандидатскую диссертацию. Спустя всего 3 года Василию Ильичу присвоили ученую степень доктора филологических наук. Тогда же, в 1946 г., впервые после долгого (с 1932 г.) перерыва были опубликованы его новые научные работы.

С 1947 г. В. И. Лыткин стал профессором, заведующим кафедрой общего языкознания и русского языка Чкаловского пединститута, но вскоре уехал из города, где провел 9 лет жизни.

В 1948—1949 годах Лыткин заведовал кафедрой русского языка в Московском областном пединституте. Советские лингвисты высоко ценили его познания, признали его научный авторитет. Василия Ильича пригласили работать в Институт языка и мышления АН СССР. Но запрет на проживание в Москве оставался в силе, и Лыткину пришлось уехать в Рязань.

Там он работал 10 лет, с 1949 по 1959 годы руководил кафедрой русского языка в Рязанском государственном педагогическом институте. Живя в Рязани, Лыткин являлся также старшим научным сотрудником Института языка и мышления (с 1950 года).

Времена менялись. Василия Ильича перестали именовать «контрреволюционером» и «агентом финских фашистов». В 1950 г. марризм, в пренебрежении которым 20 лет назад упрекали Лыткина, внезапно был объявлен «неправильной», совсем не «марксистской» теорией. Но клеймо судимого за «контрреволюционную деятельность» и запреты на проживание в ряде городов продолжали давить на него до середины 50-х годов. Когда началась постепенная либерализация политического режима в стране, стали возвращаться из лагерей первые реабилитированные, В. И. Лыткин обратился с письмом к председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову. Он писал, что был осужден по клеветническим обвинениям, безосновательно, и настаивал на пересмотре своего дела. Это обращение сыграло свою роль, и в 1956 г. В. И. Лыткин был реабилитирован. Вновь стали публиковаться его стихи, не печатавшиеся 24 года... В 1959 г. Лыткин переехал в Москву, работал в секторе финно-угорских языков Института языкознания АН СССР (так стал называться бывший Институт языка и мышления). Дальнейшая его деятельность достаточно хорошо известна, и нет нужды подробно о ней рассказывать.

Труды Лыткина пользовались признанием не только в СССР, но и среди зарубежных ученых. Он являлся заграничным членом Финской Академии наук, почетным членом Финно-угорского общества, членом Международной транскрипционной комиссии по финно-угорским языкам. Скончался В. И. Лыткин 27 августа 1981 г., не дожив нескольких лет до того времени, когда стало возможным по-настоящему вспоминать о прошлом — без купюр и розовой краски. Похоронен он в Сыктывкаре.

В. И. Лыткин был одним из основоположников советского финно-угроведения, ученым с международной известностью, крупным литературоведом. Тем трагичнее воспринимаются те трудности, которые ему пришлось преодолевать.

Глава 6. ДМИТРИЙ БАТИЕВ, ИЗВЕСТНЫЙ И НЕИЗВЕСТНЫЙ

Имя этого человека обычно ассоциируется только с образованием автономной области Коми, причем в весьма негативном контексте («борьба против ленинской национальной политики» и т. п.). Между тем, Д. А. Батиев сыграл немалую положительную роль в создании Коми автономии. Кроме того, с его деятельностью во многом связаны успехи коми краеведения в двадцатые годы,— а об этом до недавнего времени вообще не упоминалось.

Дмитрий Александрович Батиев родился 2 ноября 1896 г. в с. Гам (деревня Кебырыб) в семье коми крестьянина-бедняка. Работал в хозяйстве родителей, получил начальное образование на родине, затем поехал в Костромскую губернию, где поступил в учительскую семинарию в г. Хренове. Там его застала февральская революция. Батиев активно включился в общественную деятельность, проявив свои организаторские способности: был председателем комитета учащихся в семинарии, затем — членом комитета всех средних учебных заведений Кинешемского уезда, участвовал в организации рабочего комитета на одной из фабрик.

Закончив семинарию, Батиев вернулся домой. В Коми крае формировались новые органы власти. Жители Жешартской волости в мае 1917 г. избрали двадцатилетнего Дмитрия Батиева своим представителем в уездном руководстве. Он участвовал в работе Временного Яренского уездного комитета, был делегатом I Яренского уездного съезда крестьянских депутатов, созванного 30 мая 1917 г., организовал ячейку левых эсеров в Гаме. С 1 сентября 1917 г. по 2 февраля 1918 г. Батиев преподавал в школах

Жешарта и Гама. Одновременно он возглавлял Жешартский волостной революционный комитет (позднее — исполком). Со 2 февраля Батиев стал работать в Яренске, в уездных органах власти. Его избрали делегатом от Жешартской волости на III уездный съезд крестьянских депутатов, состоявшийся в марте 1918 г. и провозгласивший себя верховной властью в уезде. Батиев вошел в избранный на съезде уездный исполнительный комитет. Он являлся членом президиума уисполкома, работал комиссаром труда и внутренних дел, в июне 1918 г. участвовал в IV уездном съезде крестьянских депутатов.

До сентября 1918 г. Батиев находился в Яренске, затем уехал в Петроград и поступил на юридический факультет университета, одновременно учился в Институте живого слова. По окончании первого курса он вернулся в Яренск, где с 1 июня по 1 декабря 1919 г. состоял членом президиума уисполкома, работал заведующим отделом управления, заместителем председателя уездного Совета народного хозяйства. Положение в Коми крае было тревожное. Началась борьба с белогвардейским отрядом С. О. Латкина. Батиев стал членом революционного военного комитета уезда, затем ушел красноармейцем на Яренский участок фронта.

С 1 декабря Батиев возобновил учебу на юрфаке Петроградского университета, но закончить университет ему не удалось. В начале марта 1920 г., по словам Батиева, он «заболел на почве голодовки и выехал домой». С 20 марта по 15 мая 1920 г. Дмитрий Александрович учительствовал в Айкинской школе, а затем снова вернулся к хорошо знакомой ему организаторской работе: был членом уездного исполкома, членом Президиума и председателем уездного Совнархоза, членом лесного комитета. В июне 1919 г. он вступил в РКП(б), был избран членом уездного комитета партии.

В сентябре 1920 г. состоялся I губернский съезд по просвещению зырян, в котором участвовал и Батиев. На

съезде обсуждались вопросы культурно-просветительской работы среди коми. Решено было возобновить деятельность Зырянского отдела в Наркомате по делам национальностей РСФСР (он был создан в ноябре 1918 г., но уже в январе 1919 перестал функционировать). Представителями в Зырянотдел были избраны Д. А. Батиев, А. А. Молодцова и Г. А. Старцев, причем Батиева выбрали единогласно. Несомненно, это было признанием его энергичности и организаторских способностей.

1 ноября 1920 г. Батиева командировали в Москву. Зырянотдел Наркомнаца вновь начал функционировать. 18 ноября коллегия Наркомнаца назначила Д. А. Батиева заведующим Зырянотделом. Двадцатичетырехлетний заведующий развернул активную работу. Зырянотдел способствовал открытию в Усть-Сысольске первого коми вуза — Института народного образования. Главные усилия были направлены на организацию Коми автономии. Батиев представил в Президиум ВЦИК и в Наркомнац доклады, обосновывавшие необходимость выделения коми народа в особую административно-территориальную единицу, добился поддержки этой идеи и принципиального согласия ВЦИК и Наркомнаца на автономию.

Батиев самым энергичным образом поддержал идею о созыве Всезырянского съезда коммунистов. Он немало способствовал тому, что ЦК РКП(б) дал согласие на созыв такого съезда. Не случайно позднее в специальной резолюции I Всезырянского съезда коммунистов говорилось: «Заслушав доклад о деятельности Зырянотдела Наркомнаца, конференция констатирует большие достижения в короткий срок для народа коми» (открытие института, возможность созыва съезда, согласие руководства РСФСР на образование автономии коми), «отмечает продуктивность, интенсивность и правильность работы коллегии Зырянотдела Наркомнаца и считает необходимым держаться такой же политики членам коллегии Зырянотдела, какую вели они до сего времени». Эта оценка достаточ-

Общий вид Усть-Сысольска в начале XX в.

П. Сорокин — ученик Черняевских курсов (1908)

А. С. Сидоров

П. Сорокин в группе эсеров — студентов и преподавателей. Второй слева стоит Н. Кондратьев

Крайний справа А. С. Сидоров

В. И. Лыткин

П. А. Сорокин (за рубежом)

А. А. Чеусов, В. П. Налимов (в центре)

К. Ф. Жаков

А. А. Чеусов с дочерью

Д. А. Батиев с женой

А. А. Чеусов среди участников съезда селькоров

Д. А. Батиев в заключении

Жена и дети Д. А. Батиева (его изображение заретушировано)

Д. А. Батиев с родными

Д. А. Батиев, М. П. Минин (сидят справа) и другие

Д. А. Батиев (сидит слева), братья Покровские, Л. А. Ваганов

Г. А. Старцев

Дом купцов Сухановых, переданный под Коми краеведческий музей

но ярко освещает большой вклад Батиева в создание Коми автономии.

Перед съездом руководимый Батиевым Зырянотдел обратился к партийным комитетам с письмом, где, в частности, говорилось: «...важным вопросом, который придется разрешить съезду, является вопрос о выделении в автономную административную единицу Зырянского края... Только коммунистическая партия... может сказать веское слово за полное освобождение от угнетения малых народов тьмой, невежеством, дав свободу, сообразно природным дарованиям и условиям жизни данного народа, строить коммунистическую жизнь, используя всю энергию данной нации».

Наступил 1921 год, ставший для Батиева, наверное, самым бурным годом его жизни, наполненным и радостными, и горькими событиями. В январе 1921 г. в Усть-Сысольске состоялся I Всезырянский съезд коммунистов. Д. А. Батиев был направлен на него делегатом от ЦК РКП(б). Именно он в качестве представителя ЦК 8 января открыл съезд. Этот день стал днем рождения областной парторганизации, и можно сказать, что Дмитрий Александрович стал ее крестным отцом.

9 января Батиев как заведующий Зырянотделом выступил с докладом об образовании Коми автономии. «Мы приступаем к новому строительству и поднятию экономического благосостояния страны,— сказал он.— Необходимо в данный момент поднять на должную высоту культурный и экономический уровень народа коми; для осуществления означенной задачи необходимо выделить его в отдельную самостоятельную административную единицу». Батиев предложил создать Автономную Советскую Социалистическую Республику Коми в составе РСФСР. Это должна была быть именно советская и социалистическая, а не буржуазная республика: Батиев особо подчеркнул, что «в буржуазном мире... при всяких буржуазных правительствах не может быть полной самостоятельности малых

народов от порабощения и эксплуатации». В автономную республику должны были войти Усть-Сысольский уезд, коми волости Яренского и других соседних уездов, коми-пермяцкие волости, Большеземельская и Малоземельская тундра, низовья Печоры, близлежащие острова Северного Ледовитого океана и низовья Оби с находившимися там коми селениями. (Делегаты съезда в конечном итоге отвергли лишь предложения о включении в республику островов и низовьев Оби, а с остальным согласились.)

Д. А. Батиев предлагал также создать в Коми республике национальную армию, которая должна была подчиняться Наркомвоенкомату и Реввоенсовету РСФСР. Съезд отклонил это предложение, хотя в нем было свое рациональное зерно.

Всезырянский съезд коммунистов поддержал идею Батиева о том, что «все заводы, рудники и богатства на поверхности и в недрах земли переходят в непосредственное ведение СНХ» (Совета народного хозяйства — авт.) Коми республики. «Вся жизнь сосредоточена в экономике,— подчеркнул Батиев,— и мы имеем полное право утилизации всех богатств». (Напрашивается аналогия с нынешним территориальным хозрасчетом, не правда ли?)

13 января состоялись выборы в руководящие административные и партийные органы будущей автономии. Д. А. Батиев был избран заместителем председателя ревкома и кандидатом в члены областного комитета РКП(б). Это был наивысший взлет в политической карьере Батиева. Но Дмитрий Александрович не был удовлетворен. Возможно, что несомненные успехи его деятельности в Зырянотделе Наркомнаца слегка вскружили голову молодому политику; может быть, Батиев счел, что именно он является тем человеком, который наилучшим образом сумеет успешно завершить дело создания Коми автономии, а потому в руководстве избранных органов власти должны быть только те люди, с которыми лично он мог

бы работать в хорошем контакте для пользы общего дела. И на первом же организационном заседании обкома партии 15 января 1921 г. Батиев заявил, что «он с настоящим составом областкома как представитель ЦК и Наркомнаца работать не может и даст характеристику ЦК партии, а последний будет отводить некоторых членов областкома» (Батиев, вероятно, имел в виду, в частности, В. И. Сорвачева, с которым ему пришлось немало дискутировать на съезде). Стоит сказать и о том, что на съезде Дмитрий Александрович тоже порой вел себя не самым лучшим образом: демонстративно уходил с заседаний, если отклонялись его предложения, и т. п.

В ответ на это обком РКП(б) принял решение: признать нежелательным дальнейшее пребывание Батиева представителем ЦК и Наркомнаца и просить ЦК РКП(б) и Наркомнац отозвать его с указанного поста. Однако позднее по предложению «яренских товарищей» (коми коммунистов, хорошо знавших Батиева по совместной работе в Яренском уезде) это решение было пересмотрено, и Батиев продолжал работать в Зырянотделе, занимаясь воплощением в жизнь решений Всезырянского съезда коммунистов относительно создания Коми автономии.

В конце апреля 1921 г. Административная комиссия при Президиуме ВЦИК и Совет национальностей Наркомнаца высказались за формирование Коми автономии. Но при этом И. В. Сталин, возглавлявший тогда Наркомнац РСФСР, счел, что автономную единицу для коми следует создать не в форме республики, а в форме области. Батиев на заседании Совнаца призывал «высказаться за выделение народа коми в автономную республику как согласно постановления зырян-коммунистов, так и по политическим соображениям, т. к. такая республика явится буфером, ограждающим РСФСР от нападения ее врагов с севера». Говоря о «буфере», Батиев имел перед собой пример Дальневосточной республики, созданной в 1920 г. именно как «буфер» между РСФСР и Японией.

Но другие члены Совнаца поддержали точку зрения И. В. Сталина. Лишь один Батиев так и не согласился с будущим «отцом народов» и, продолжая упорствовать, настоял на том, чтобы во ВЦИК было представлено и его **особое мнение**: он предложил провозгласить пока необходимость создания автономной единицы, а выбор ее формы (область или республика) «поручить съезду Советов народа коми». Но Президиум ВЦИК особое мнение Батиева во внимание не принял и 5 мая 1921 г. решил образовать Коми автономную область, точные границы которой должны были определиться несколько позднее.

12 мая Президиум ВЦИК утвердил состав представительства Коми автономной области при Наркомнаце: Д. А. Батиев (председатель), А. А. Молодцова (зам. председателя) и В. Х. Елфимов. На плечи представительства легла тяжелая ноша: надо было организовать поставки в Коми область медикаментов, одежды, продуктов и т. п.— всего, в чем так нуждалась молодая автономия. Батиев и его коллеги занимались подбором квалифицированных кадров для работы в области. В их задачи входило и уточнение границ автономной области.

Работа сталкивала Батиева с рядом известных советских и партийных деятелей: он был хорошо знаком с секретарем ВЦИК А. Енукидзе, его знали М. И. Калинин, И. В. Сталин, А. И. Рыков, Е. М. Ярославский и другие. Эти личные контакты, конечно, облегчали деятельность представительства. В 1921 г. произошли большие изменения в личной жизни Дмитрия Александровича: он женился на Е. П. Тебеньковой, учившейся во втором Московском институте дошкольного воспитания, а затем работавшей секретарем в Коми представительстве.

Занимаясь вопросами формирования территории Коми автономной области, Батиев побывал в Яренске и Устюге, где участвовал в решении вопроса о передаче коми волостей Яренского уезда в Коми область. Он должен был посетить еще Пермь и Вятку, но по какой-то причине не

поехал туда — возможно потому, что увлекся осуществлением ряда проектов, связанных с экономическим развитием области.

Побывав в Усть-Сысольске в мае-июне 1921 г., Батиев добился того, чтобы Коми представительству представили **половину** всех кредитов, предназначенных на организационные расходы области. Получив эти деньги, Батиев и его коллеги по представительству заключили несколько договоров на разработку лесных богатств области, на постройку в ней кирпичных заводов, закупили на Алтае пчел на 20 миллионов рублей (надо, разумеется, учитывать дешевизну денег тех лет) для развития пчеловодства. Договоры эти позднее были расторгнуты ревкомом как невыгодные, и потеря выплаченных задатков (250 миллионов рублей) ставилась в вину Батиеву, Молодцовой и Елфимову, что не совсем справедливо: договоры заключались с ведома и одобрения областных органов. Были у Батиева и другие идеи: он, например, хотел организовать издание журнала на французском языке, чтобы о Коми области могли читать за рубежом.

Снабжение области приходилось пробивать, действуя нередко за гранью закона. Согласно показаниям сотрудника Коми облздравотдела Н. Г. Савченко, «протекционные отпуски» различных товаров и продуктов, а также денег для области из Наркомпрода, Наркомфина, Центросоюза и некоторых других организаций и наркоматов «были связаны со взятками». На заседаниях коллегии Коми представительства об этом говорилось открыто, как о неизбежном зле: «Не давать, значит ничего не получать». Вероятно, так оно и было: бюрократов и нечестных людей и тогда хватало в государственном аппарате.

Для того, чтобы оперативнее наладить снабжение, Батиев установил контакты с какими-то дельцами, в частности, с Л. Н. Мадатовым, которые имели необходимые связи и осуществляли закупки нужных грузов для представительства. Батиев слабо контролировал их деятель-

ность, и к рукам этих дельцов, вполне возможно, прилипли кое-какие денежки. По словам Савченко, Мадатов хвастался, что «он очень хорошо у зырян зарабатывает». Позднее, когда стали выяснять, как проводились эти закупки, Мадатов скрылся...

Контроль за финансовыми делами был слабым местом Батиева. Фактически единолично распоряжаясь деньгами, он свои отношения с партнерами по торговым операциям строил в основном на доверии (и совершенно напрасно, как выяснилось), а не на правильно оформленных финансовых документах. Характерен такой эпизод: когда однажды потребовалось уточнить расходование денег, «Батиев выгреб из портфеля разного вида клочки бумаги», в том числе записки на обрывках газет. Это оказались «квитанции» на сумму до двух миллиардов рублей. Узнав, что они не годятся, он, не долго думая, заменил их одним общим документом, оформленным по всем правилам, «приняв всю сумму на себя, надеясь получить с подотчетных лиц отчеты» о расходовании денег. При этом Батиев даже не знал многих подписей на «квитанциях». Получилось, что все эти деньги повисли на нем самом, хотя сам Дмитрий Александрович на свои нужды не истратил из них ни копейки...

Кроме того, Батиев, хорошо знавший, что такое голодная студенческая жизнь, помогал учившимся в Москве коми студентам, выплачивал командированным в Москву из Коми области работникам несколько большие, чем полагалось, командировочные. Бывали и другие подобные же «растраты». Сам Батиев рассказал: «...была дана мною лично очень незначительная сумма потерявшемуся в поезде одному мальчику, потерявшему свою мать в дороге».

По сообщениям нескольких лиц, сотрудники представительства стали злоупотреблять алкогольными напитками. Батиев утверждал: «В большинстве случаев я не знал о выпитии, а узнавал после», не отрицая тем самым са-

мого факта пьянства. Последнее, впрочем, было присуще отнюдь не только сотрудникам Коми представительства — не случайно во многих решениях партийных и советских органов Коми края одним из пунктов рекомендовалось усилить борьбу с пьянством. Например, в резолюции II Усть-Сысольского уездного съезда РКП(б) говорилось: «Тех членов партии, которые появляются пьяные или будут дебошировать,— исключить из партии и предавать суду».

Недостатками в работе Коми представительства решил воспользоваться упоминавшийся уже Н. Г. Савченко — личность довольно темная. Дезертировавший из армии, Савченко подделал документы и устроился на довольно ответственную работу в Коми области: ему было поручено закупить медикаменты, доставленные в Москву из Германии. В отправленных им грузах обнаружились недостачи. Когда Савченко приказали вернуться в Усть-Сысольск для отчета (на этом, кстати, настаивал и Батиев, неоднократно вызывавший Савченко в представительство для отчета,— но тот не являлся), он скрылся, но перед этим сообщил в зырянскую ЧК, что в представительстве творятся всякие безобразия: пьянство, растраты, хищения. Смешав вместе действительные недостатки и выдуманные им преступления, Савченко хотел переложить ответственность за хищения на плечи Батиева и его коллег по представительству.

В сентябре 1921 г. Батиева вызвали в Усть-Сысольск для объяснений. Там Д. А. Батиев еще участвовал в работе руководящих органов области как их полноправный член. 25 сентября заседал Президиум облревкома, распределялись обязанности между его членами. В принятом постановлении говорилось, что «ближайшее руководство» «проведением в жизнь новой экономической политики РСФСР и укрепление и развитие ее основ в области» должно быть поручено Батиеву «на время его пребывания в городе Усть-Сысольске». 13 октября Батиев участ-

вовал в заседании Коми обкома РКП(б), посвященном партийному и советскому строительству в области. И вряд ли кто-то мог предположить, что свое двадцатипятилетие он встретит в ожидании ареста и суда...

Но в конце октября 1921 г. в Коми представительство прибыла ревизионная комиссия из Усть-Сысольска, обнаружившая полный хаос в документации («тут черт ногу сломит»,— писал один из ее членов). На этом фоне сообщения Савченко, в которых содержалось немало преувеличений и выдумки, сочли убедительными. И хотя дело о злоупотреблениях в представительстве (действительных и мнимых) еще не было заведено, но 15 ноября Батиева исключили из партии, 16 ноября сняли со всех постов, как бы заранее сочтя его виновным.

Не будем полностью оправдывать Дмитрия Александровича — он действительно нес ответственность за неудовлетворительную организацию отчетности, за слабую дисциплину среди работников представительства и т. п. Однако главной причиной стремительной опалы Батиева было, вероятно, недовольство других членов руководства области стилем его деятельности, желанием Дмитрия Александровича самостоятельно решать многие вопросы, требовавшие коллективного рассмотрения, неумением его считаться с мнениями других людей.

Секретарь обкома Я. Ф. Потапов позднее, в январе 1922 г., на II областной партконференции жаловался, что Д. А. Батиев добился того, что «областком оказался, за исключением немногих, простым орудием Батиева», что последний стал «над областкомом», и что вообще обком оказался не в Усть-Сысольске, а в Москве, где находился Батиев. Неясно, правда, почему же сам Потапов не воспрепятствовал этому, будучи руководителем областной парторганизации. Или, может быть, и он попал под влияние своего более молодого коллеги — энергичного, уверенного в себе Дмитрия Батиева, для которого дело создания Коми автономии стало главной целью его жизни?..

Но как бы то ни было, возросшее влияние Батиева, возможно, беспокоило других руководителей области. Во второй половине ноября Батиева отправили в Москву сдавать дела представительства. 29 ноября он был арестован сотрудниками экономического управления ВЧК и два с половиной месяца просидел на Лубянке, затем был выпущен на поруки. Следствие велось поверхностно, и Московский трибунал отправил дело в Коми область на доследование. И лишь в июле 1924 г. дело было прекращено в соответствии со специальным постановлением ВЦИК с учетом ряда амнистий. В постановлении Коми облсуда указывалось, что большая часть обвинений, выдвинутых против Д. А. Батиева, несправедлива (сохранялось лишь обвинение в неудовлетворительном ведении отчетности в финансовых и иных делах). Главными виновниками имевших место злоупотреблений были названы Н. Г. Савченко и Л. Н. Мадатов.

Во время следствия Батиев, конечно, не сидел сложа руки. После выхода из внутренней тюрьмы ВЧК он до мая 1922 г. работал в Совете национальностей Наркомнаца (а это свидетельствует о том, что руководство Наркомнаца и Секретариата ВЦИК, которые, кстати, и взяли его на поруки, сохранило доверие к Батиеву). В июне 1922 г. Дмитрий Александрович вернулся домой в Гам, где организовал районный союз деревообделочников, был избран его председателем, руководил сплавом и лесозаготовкой (в те годы это была, пожалуй, главная отрасль экономики Коми области). В июне 1923 г. на I съезде деревообделочников области Батиева выбрали председателем областного правления союза, членом президиума облпрофсовета. В конце того же года он ездил в Москву на пленум ЦК профсоюза деревообделочников, участвовал во Всесоюзном съезде деревообделочников. Тогда же, в ноябре 1923 г. на III Усть-Вымском уездном съезде Советов, Батиева избрали делегатом на областной съезд Советов. В 1922 г. у Батиевых родилась дочь Ия,

через 2 года — вторая дочь, получившая имя в честь Коми автономии — Автонома.

Вероятно летом 1923 г., после избрания Батиева председателем правления областного союза деревообделочников и членом облпрофсовета (июнь), он переехал из Гама в Усть-Сысольск. На названных постах он работал до октября 1924 г., затем находился в командировке в Вятской губернии, а с 16 ноября 1924 г. по 2 февраля 1925 г. являлся ответственным секретарем и членом Коми облплана. В 1926 г. он состоял членом коллегии защитников при облсуде.

С октября—ноября 1923 г. Батиев стал принимать самое активное участие в работе Общества изучения Коми края, быстро выдвинувшись в число его лидеров. Вместе с другими Дмитрий Александрович занимался разработкой структуры общества, программы его деятельности. 4 ноября 1923 г. на общем собрании ОИКК он был избран членом президиума общества и, вероятно, заместителем председателя ОИКК. Тогда же он предложил издавать краеведческий журнал, подобный тем, что издавались в соседних губерниях. Идею поддержали. Батиев занялся организационной стороной (разработкой сметы расходов и т. п.), и весной следующего 1924 г. вышел в свет первый номер журнала «Коми му». В апреле 1924 г. Д. А. Батиев вошел в редколлегию «Коми му» как редактор экономического отдела журнала.

23 июля 1924 г. Батиев стал кандидатом в члены РКП(б). От имени Общества изучения Коми края высокую оценку его общественной деятельности дали члены руководства общества Н. А. Шахов и А. А. Чеусов, подчеркнувшие, что Дмитрий Александрович много делает для развития краеведческого движения и «благодаря своей настойчивой работе... завоевал безусловное доверие и авторитет» в ОИКК. 1 июля 1924 г. Д. А. Батиева избрали председателем ОИКК. 2 февраля 1925 г. его назначили заведующим областным музеем. Во многом благодаря

энергии Батиева ОИКК стало активно действующей организацией, много сделавшей для изучения культуры и быта народа коми, истории, экономики и природных богатств Коми края.

Самого Батиева живо интересовали в первую очередь проблемы экономического развития автономной области. Не случайно в декабре 1924 г., отвечая на вопрос анкеты о «склонности к роду занятий», он написал: «Экономическая и национальная работа». Батиев подготовил для одного из собраний общества доклад «Экономические перспективы Коми края», активно участвовал в обсуждении докладов по экономическим вопросам, с которыми выступали в обществе Я. Ф. Потапов и другие. Батиев стремился найти такие пути развития, которые помогли бы обеспечить самофинансирование Коми области («Мы до сих пор живем на дотациях!— восклицал он.— Как это исправить?»). Природные богатства области, по его мнению, давали основания говорить о возможности этого. Д. А. Батиев отмечал необходимость установления прямых торговых связей Коми области с другими странами (в частности, торговать лесом), перспективность развития традиционных отраслей хозяйства местного населения (оленеводства на севере и др.).

В апреле 1924 г. Батиев возглавил один из двух основных отделов Общества изучения Коми края — экономический. В октябре ездил в Вятскую губернию собирать экономические материалы в районах, которые предполагалось включить в Коми область. Весной 1925 г. на I областной краеведческой конференции Батиев, являвшийся одним из руководителей секции производительных сил и экономики, сделал доклад «Производительные силы и экономика Коми области». Делегаты конференции избрали его членом областного бюро краеведения. Он стал заместителем председателя облбюро.

Батиев по-прежнему считал, что в национально-государственном строительстве сделан только первый шаг.

В статье «К трехлетию автономной области Коми», напечатанной в «Коми му», он писал, что коми после создания автономии «неизменно идут по пути подъема своей культуры и развития социалистического хозяйства». Но для полноценного развития, по его мнению, требовалось объединение зырян и пермяков в составе «отдельной» автономной республики, а также присоединение к ней территории в бассейне нижней Печоры: «...ибо только при соединении всего народа коми (пермяков и зырян, и Нижней Печоры) в форме автономной республики возможно культурно-экономическое возрождение этого народа в целом».

Свои взгляды Батиев обосновывал в специальной статье «К вопросу об объединении всего народа коми» («Коми му», 1924). Он настаивал на «присоединении вообще всех коми к образованной уже автономной их области» (Батиев имел в виду пермяков Кудымкарского края Пермской губернии и Зюздинского края Вятской губернии), пытался доказать наличие исторически сложившихся между ними экономических связей. Но тезис этот был малоубедительным, так как пути сообщения между названными краями и Коми областью находились в зачаточном состоянии. Батиев предлагал объединить пермяков Пермской и Вятской губерний в округ с центром в Кудымкаре с последующим включением в состав Коми области.

Такие взгляды высказывались не одним Батиевым. Их поддерживали многие руководители области, они декларировались рядом Коми областных съездов Советов. В редакционной статье журнала «Коми му» (в редколлегию входили Д. А. Батиев, А. А. Маегов, А. С. Сидоров, А. Я. Фомин, М. Н. Харапов), напечатанной в 1925 г. и имевшей программное значение, выдвигалось требование присоединить к области и зауральских коми. Как член редколлегии, Батиев разделял следующее мнение: национально-государственное строительство коми народа не закончено; Коми область не должна входить в состав об-

ширной Северо-Восточной области (позднее — Северный край), так как может утратить свою национальную самостоятельность; необходимо сохранить Коми автономную область и присоединить к ней Коми-Пермяцкий округ, нижнюю Печору и прилегающие острова Северного Ледовитого океана. Эти положения были подтверждены на первой областной краеведческой конференции.

Батиев занимался и другими проблемами. В мае 1924 г. Президиум ОИКК принял решение издать «Историю самоопределения народа коми». Для руководства этой работой решили создать комиссию из представителей облполитпросвета, ОИКК и издательства. От ОИКК в комиссию вошел Батиев. Чем закончилась работа над «Историей самоопределения»— не известно. Но есть сведения, что в середине двадцатых годов Батиев подготовил довольно объемистый труд (15 печатных листов) «История революции Коми области с документами». 20 марта 1921 г. Общество изучения Коми края обратилось в Главнауку РСФСР с просьбой оказать содействие в издании этой работы, уже полностью законченной. Возможно, что такое название получило в конечном итоге исследование, начатое в 1924 г. как «История самоопределения»; но вполне возможно также, что это разные работы.

Чрезвычайно активно Батиев занимался изучением природы и климата Коми области. Он являлся председателем Метеорологического совета Усть-Сысольска, много сделал для расширения сети метеорологических станций в области, работал в гидрологической секции ОИКК (это ему впоследствии пригодилось, когда он остался без работы и без средств к существованию...). Батиев пропагандировал наблюдения атмосферных явлений, призывая население участвовать в подобных наблюдениях и исследованиях (в частности, он предлагал — через газету «Югыд туй» 15 апреля 1926 г.— обратить внимание на молнии).

Как заведующий музеем, большое внимание он уде-

лял сбору музейных экспонатов, проводившемуся как в области, так и за ее пределами, и пополнению книгами созданной при музее научной библиотеки общества. Работа шла успешно, что отмечалось и руководящими органами. Батиев лично ездил в Москву, Архангельск и Вологду за экспонатами для музея, приобретал для художественного отдела картины местных художников, участвовал в заседаниях Президиума облисполкома, на которых решались вопросы о передаче музею различных предметов старины, изъятых из церквей в Усть-Куломском, Троицко-Печорском и других районах. Осенью 1926 г. он побывал на музейных курсах в Москве. В августе 1926 г. после отъезда из Усть-Сысольска редактировавшего исторический отдел «Коми му» А. С. Сидорова на Батиева была возложена еще и эта обязанность (правда, к тому времени он уже не являлся редактором экономического отдела журнала).

Батиев не остался в стороне и при создании объединения коми писателей. Организационное собрание коми литературных работников состоялось в Усть-Сысольске 12 марта 1926 г. Завязалась острая дискуссия. Дмитрий Александрович считал «необходимым организацию литературных работников, без чего силы у нас слабы. Необходимо составить план работ и в первую очередь поставить освещение коми жизни». Новая организация, говорил Батиев, не будет дублировать литературную секцию ОИКК: «На долю секции литературных работников будет падать собирание материала, изучение быта и прочее, а новая организация будет облекать в художественную форму собранные материалы». «Всем заниматься обо всем нельзя,— убеждал он,— а то у нас ничего не получится. Писатели вполне могут использовать сюжеты из материалов, собранных Обществом изучения Коми края».

Иную точку зрения высказал тогда А. А. Чеусов: «Позиция, взятая Батиевым, неправильна, Общество изучения Коми края не может давать материалы для организации

литературных работников... Нужен штаб, нужна планировка работы, но новая организация не нужна, лучше пусть останется секция литературных работников. Централизовать силы, а не распыляться». Споря друг с другом, Батиев и Чеусов были едины в критическом отношении к понятию «пролетарская литература», «пролетарский писатель». Но остальные участники собрания придерживались иной точки зрения, и решено было создать Коми ассоциацию пролетарских писателей.

Д. А. Батиев прилагал немало усилий для того, чтобы научно-исследовательская деятельность ОИКК была возможно более разносторонней, но далеко не все ему удавалось. Так, в январе 1927 г., докладывая о результатах деятельности общества за минувший год, Батиев сообщил, что планировалось организовать работу целого ряда секций ОИКК: географической, почвоведения, геофизической, ботанической, зоологической, литературно-художественной, антропологии и этнологии, археологии и истории, обычного права коми, медицины, библиотеко-библиографической, «пропаганды краеведческих идей», сельскохозяйственной, кооперативной, охоты и рыбных промыслов, торговли и промышленности, оленеводства, лесного хозяйства и колонизации.

«Однако,— заявил Батиев,— осуществить секционную работу вследствие абсолютной пассивности членов... не удалось». «Это и понятно,— продолжал он.— Когда мы заинтересовать работников ни в коей мере не в состоянии, никто работать не будет». Дмитрий Александрович был, пожалуй, чересчур критичен: для того, чтобы охватить все планировавшиеся направления краеведческой работы в достаточной мере, нужно было бы, наверное, чтобы каждый из членов ОИКК обладал такой же неуемной энергией и таким же стремлением браться сразу за несколько дел, как сам Батиев. В то же время, хотя на заседаниях общества и его секций зачитывалось действительно немного докладов, краеведы активно работали

над сбором материалов по истории, этнографии, фольклору и т. д., публиковали работы в местных журналах и газетах. Не случайно на заседаниях руководства ОИКК в конце 1926 — начале 1927 гг. обсуждался вопрос об издании научных «Трудов Общества изучения Коми края» (позднее они стали выходить под названием «Записки» ОИКК).

27 февраля 1927 г. Батиев стал членом Центрального бюро краеведения, руководившего краеведческим движением страны (членом ЦБК он являлся до 16 марта 1930 г). В целом дела общества и музея шли неплохо, несмотря на хронический недостаток средств (денег обществу выделялось немного). Батиев вполне справлялся с работой организатора краеведческого движения области, но в начале марта 1928 г. ему пришлось оставить и пост председателя ОИКК, и должность заведующего музеем. Причина была до боли знакома: небрежность в ведении финансовой отчетности.

Д. А. Батиев постоянно затягивал представление отчетности в облфинотдел, так что последний пожаловался в облисполком. Проведенная проверка показала, что — как и в 1921 г.— отсутствуют расписки на часть израсходованных денег. Общество задолжало издательству, лесозаводу... Дело опять дошло до суда. Батиева обязали выплатить долги из своего кармана. 1 марта 1928 г. его отстранили от заведования музеем (эту должность заняла А. А. Молодцова), а через 3 дня Д. А. Батиева сменил на посту председателя ОИКК Н. А. Соснин. Тогда же, в марте, ЦКК ВКП(б) подтвердила решение ОКК Коми обкома от 10 октября 1927 г. об исключении его из партии. Батиев, однако, остался членом ЦБК, облбюро краеведения. Именно ему президиум ОИКК поручил выступить от имени общества на торжественном заседании облисполкома, посвященном 7-й годовщине Коми автономии. Позднее, на открытии конференции Коми ассоциации пролетарских писателей 7 сентября 1928 г., с приветствием от

ОИКК также выступил Батиев. Решено было создать издательскую секцию для подготовки к публикации имеющихся в ОИКК материалов. В ее состав вошел и Батиев. Он являлся также членом редколлегии «Записок» ОИКК.

В апреле 1928 г. руководители ОИКК и облбюро краеведения обсуждали вопрос об участии в издании журнала «Коми му». Мнения высказывались самые разные. Батиев и Чеусов справедливо указывали на то, что «Коми му» все меньше внимания уделяет краеведению, а редколлегия журнала все меньше прислушивается к мнению членов ОИКК. Правление общества рекомендовало включить в состав редколлегии «Коми му» Батиева как представителя ОИКК, но редколлегия отвела его кандидатуру. Батиев настаивал на реорганизации редколлегии журнала, включении в ее состав людей, которые были бы искренне заинтересованы в краеведческой работе, в ее пропаганде и в публикации материалов о коми народе, Коми крае. В противном случае, говорил он, нет смысла сотрудничать в «Коми му», надо создавать свой печатный орган — если не научный журнал, то хотя бы «краеведческий бюллетень». Но на выпуск журнала или бюллетеня у ОИКК не было средств, и изменение редколлегии «Коми му» было не во власти общества. А вскоре краеведы были совсем исключены из числа издателей этого журнала.

Летом и осенью 1928 г. Батиев занимался сбором экспонатов и книг для музея и библиотеки за пределами области. 3 ноября он сделал доклад о развитии краеведения в Коми области на расширенном заседании Национальной секции Центрального бюро краеведения. В принятой по докладу резолюции говорилось: «Доклад признать имеющим большую ценность, принять к сведению и поблагодарить докладчика... Просить докладчика написать статью для «Известий ЦБК» о краеведческой работе в Коми области». Батиев написал такую статью, и она вскоре была опубликована.

Тем временем положение Д. А. Батиева становилось все сложнее и сложнее. Начавшаяся в конце двадцатых годов кампания против краеведов, обвиненных в «идеализации старины» (и особенно «национальной старины»), автоматически поставила его как бывшего руководителя и одного из активнейших деятелей ОИКК в ряды подозрительных личностей. Кроме того, в это «смутное время» вспомнились и старые грехи Батиева.

В феврале 1929 г. бывший секретарь Коми обкома партии, бывший председатель ОИКК Я. Ф. Потапов опубликовал в «Коми му» статью, посвященную истории областной партийной организации. Он утверждал, что «анархическое поведение» Батиева в 1921 г. привело к тому, что вместо автономной республики была создана автономная область, в которую не вошел Коми-Пермяцкий край и некоторые другие районы. Если с некоторыми другими критическими замечаниями в адрес Батиева, высказанными Потаповым, можно согласиться, то это утверждение явно продиктовано личной неприязнью к Батиеву. (Известно, что в ноябре 1925 г. Потапов, руководивший тогда облфинотделом, «сигнализировал» в облисполком о неких недостатках в работе руководимого Батиевым музея. Но проверка не подтвердила «сигнал»). Мы знаем, что Д. А. Батиев немало сил приложил для того, чтобы была образована именно республика, и отстаивал это мнение, что называется, до последнего. Но как бы то ни было, первый камень в его сторону был брошен. Через некоторое время за ним последовали и другие...

В течение 14 месяцев Батиев был без оплачиваемой работы. В правлении ОИКК и в других краеведческих органах он работал на общественных началах, поэтому в своем «трудовом списке» указал, что был тогда «безработным». На работу его брать, видимо, не рвались. Наконец 1 мая 1929 г. Батиеву удалось устроиться в экспедицию по исследованию сплава и сплавных путей, организованную Центральным советом народного хозяйства

СССР. Вначале он работал хронометристом, затем техником по исследованию рек и наконец руководил работами «по мелиорации рек Вишерского бассейна». Там Дмитрий Александрович трудился до 1 февраля 1930 г., а затем вновь остался без работы.

В мае 1930 г. Батием участвовал во Всероссийской краеведческой конференции в Москве. 1 августа 1930 г. он поступил экономистом-статистиком в колонизационную экспедицию Наркомзема, занимавшуюся исследованием трассы железной дороги Пинюг — Усть-Сысольск. Там Батиев работал до 15 октября 1930 г. В сентябре 1930 г. состоялось торжественное заседание правления ОИКК, посвященное 150-летию присвоения Сыктывкару статуса города. Среди выступавших был и Батиев. «Широкие возможности, данные Октябрьской революцией к самопознанию мелких национальностей, обязывают местную учащуюся молодежь принять живейшее участие в изучении Коми края. Только при таком участии мы сможем сказать не через 150 лет, а через ближайшие десятилетия: да здравствует Сыктывкар — индустриальный центр обширного Коми края!»— сказал он. Вскоре Батиев поступил в облплан на должность старшего статистика и конъюнктуриста.

Тем временем обстановка в стране и в Коми области сложилась тревожная. Повсеместно началась чистка краеведческих органов, аресты «внедрившихся» в них «вредителей». В этих условиях руководители ОИКК, в том числе и Батиев, приняли решение о ликвидации общества, после чего они, впрочем, не стали менее подозрительными в глазах власти. Ширилась кампания по обличению «буржуазного национал-шовинизма». В Коми области самой подходящей фигурой для нападок и обличений оказался Д. А. Батиев. Ему припомнили события десятилетней давности, раздув его былые проступки до неузнаваемости, и отныне его действия в период создания Коми автономии стали характеризоваться как «национал-шовинизм», как

попытки оторвать коми народ от Советской России и создать самостоятельное буржуазное государство.

Атмосфера сгущалась, Батиев чувствовал приближение трагической развязки и не выдержал ударов судьбы. Нет, он не стал каяться в грехах, добровольно клеветать на невинных, стараясь заслужить прощение и доказать лояльность режиму — он начал сильно пить, пытаясь, видимо, алкоголем заглушить горечь и тревогу. Можно провести параллель с В. А. Савиным, на которого в те же годы обрушились угрозы за «проведение кулацкой идеологии» в своих произведениях. Савин писал в горком партии: «Состояние моего здоровья никуда не годится. А реактивная неврастения (т. е. на всякую мелочь я реагирую болезненно) приводит все к одному и тому же — выпивке». Под этими словами мог, очевидно, подписаться и Батиев. 19 сентября 1931 г. Батиева уволили с работы «за систематическое пьянство». В 1931—1933 гг. он заведовал геологофондами при Коми геобазе. В январе 1933 г. распалась семья...

В апреле 1933 г. Д. А. Батиева арестовали. Вместе с ним под судом оказались и многие его коллеги по Обществу изучения Коми края, ученые и краеведы В. И. Лыткин, А. М. Мартюшев и другие... 25 февраля 1934 г. коллегия ОГПУ СССР осудила Батиева по печально известной 58 статье пп. 10, 11 за контрреволюционную агитацию и как «национал-шовиниста» на 5 лет. Были конфискованы его труды, в частности «История самоопределения народа коми», так и не увидевшая свет. В местной печати Д. А. Батиева усердно поливали грязью как «контрреволюционера». Ф. С. Коковкин 27 апреля 1935 г. в газете «За новый Север» назвал Батиева «явно контрреволюционным кулацким буржуазным националистом». 20 июня 1935 г. в той же газете Г. А. Старцев упомянул о «безобразиях контрреволюционера Батиева 1921 и 1926—29 годов, о безобразиях Общества изучения Коми края при музее, где орудовали его члены...»

18 июля 1935 г. там же разразился большой статьей «Выкорчевать до конца остатки буржуазного национализма» М. П. Минин, много внимания уделивший «одиозной фигуре Д. Батиева»: «законченный тип махрового националиста», «руководитель контрреволюционной организации», «завзятый, оформившийся националист-эсер, пролезший в коммунистическую партию», проводивший «присущую ему явно махровую националистическую платформу, свою авантюристическую деятельность»,— гневно провозгласил он. Через 3 года Минин был арестован и осужден как «буржуазный националист»...

Небезынтересна судьба другого критика деятельности Батиева — Я. Ф. Потапова, бывшего председателя ОИКК. 24 июля 1935 г. газета «За новый Север» сообщала: «Потапов Я. Ф. ...в течение десятка лет обманывал партию... Двурушничая, ...он забирался на ответственные руководящие работы области, вплоть до секретаря ОК ВКП(б) и зам. председателя Коми облисполкома. Но где бы ни работал Потапов, он продолжал свою гнусную практику националиста и троцкиста, держа ставку на отделение рабочих, колхозников и всех трудящихся Коми области от родной и счастливой семьи других национальностей Советского Союза». В этих обвинениях было еще меньше правды, чем в тех, которые сам Потапов бросал Батиеву... Потапов был исключен из партии. Последние годы он прожил в Подмосковье, где в конце концов был расстрелян «компетентными органами» в годы войны.

Д. А. Батиев, отбыв заключение, вернулся в Сыктывкар. Лагерная жизнь тяжело сказалась на нем. По воспоминаниям старшей дочери Батиева Ии Дмитриевны, отец навестил их и выглядел очень болезненным, ходил, опираясь на палку. Ему было тогда 42 года. Вскоре Батиева вторично арестовали. Это произошло в 1937 г. От него требовали признать свои «преступления», но Батиев отказался признать ошибочными свои взгляды, до последнего отстаивал свою правоту. Его вынудили (остается

только догадываться, какими методами) дать ложные показания на некоторых других обвиняемых (в частности, на И. Г. Коюшева), но на суде над Коюшевым Дмитрий Александрович неожиданно для судей заявил, что его насильно заставили подписать протоколы допросов. Мало кто решался на такой шаг. Другие «свидетели» подтвердили свои показания...

Батиев был осужден по мифическому делу «контрреволюционной организации блока правых, троцкистов и буржуазных националистов», будто бы созданной «эсерами, кадетами и белогвардейцами» и существовавшей... с 1917 по 1937 год! «Выяснилось», что Батиев и другие якобы занимались «активной вредительской, диверсионной, террористической, повстанческой, шпионской и прочей деятельностью» и стремились свергнуть Советскую власть, восстановить капитализм и присоединиться к Финляндии. Сейчас эти обвинения воспринимаются как бред, но в те годы... И. Д. Батиева с горечью написала: «...все мы были под гипнозом и верили, что это были враги народа». Особое совещание при НКВД СССР 9 февраля 1940 г. приговорило его к трем годам заключения в лагере все по той же 58 статье пп. 2, 10, 11. Выйдя на свободу, Батиев вернулся в Гам, но ненадолго. Весной 1941 г. последовал новый арест, полугодовое «следствие», и 3 октября 1941 г. он был осужден Военным трибуналом войск НКВД СССР строительства Северо-Печорской железнодорожной магистрали за «враждебную деятельность». Приговор гласил: расстрел... Больше полутора месяцев Батиев провел в камере смертников, где встретил и свое 45-летие. Его расстреляли на рассвете 22 ноября 1941 года. В 1989 г. он был реабилитирован по первым из трех «дел». Остается в силе лишь приговор 1941 года...

Глава 7. ЧЕЛОВЕК ФЕВРАЛЯ

Член Петроградского Совета после февральской революции, первый председатель Усть-Сысольского уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, борец за обновление жизни коми народа, один из ведущих коми краеведов, а также контрреволюционер, белобандит, буржуазный националист и антисоветчик — все это один и тот же человек, Алексей Макарович Мартюшев. Упоминания его имени можно встретить на страницах многих работ, посвященных революционным событиям в Коми крае, но жизненный путь Мартюшева практически неизвестен.

А. М. Мартюшев родился 26 марта 1874 г. в селе Щугор на Печоре. Его отец, Макар Иванович, восемнадцатилетним был взят в армию, прослужил 20 лет, участвовал в Крымской войне. Вернувшись со службы, работал лесником, затем объездчиком. Алексей был его третьим сыном, старших звали Егор и Александр. Полвека спустя Алексей Макарович вспоминал: «Жизнь в Печорском крае 50 лет тому назад была темная, старозаветная. Помню я, как на новинку с удивлением смотрели на первую керосиновую лампу, на первый самовар, на первую швейную машину, на первый проходящий пароход».

Школы в Щугоре не было, и грамоте Алексея учил отец, постигший эту премудрость во время армейской службы. Когда мальчику минуло 10 лет, отец умер. Мать, староверка, неприязненно относилась к учебе, но Алексей продолжал занятия. Его брат Александр учился в Усть-Сысольске (благодаря материальной поддержке одного состоятельного человека — отец не смог бы содержать его); вернувшись из города, он открыл школу в

Щугоре. Алексею было тогда 12 лет. В школу он не ходил, самостоятельно по учебникам изучал курс городского училища и, по его словам, прошел его за 2 года «весьма основательно». До 17—18 лет Алексей довольно плохо говорил по-русски, но учение принесло свои плоды. Как человека грамотного, его взяли помощником волостного писаря в Усть-Кожву (с окладом 5 рублей в месяц), потом волостным писарем в Мохчу. Затем Алексей вернулся в Щугор.

В 1895 г. Мартюшева призвали на военную службу. Поначалу он служил при управлении усть-сысольского уездного воинского начальника, а потом был переведен на Кавказ, где 3 года находился при окружном управлении в Тифлисе (грамотные, с хорошим почерком люди всегда были нужны). Служилось Мартюшеву, судя по его словам, неплохо: «На военной службе имел много свободного времени и за это время очень много читал, преимущественно беллетристику». В 1899 г. он вернулся в Коми край.

Затем Мартюшев работал конторщиком в Троицко-Печорске, в шведской лесопромышленной фирме «Альфред Линдбек и К°». Эта фирма вскоре прекратила существование. В конце 1900 г. выбрали членом уездной земской управы и «заступающим место председателя» управы. На земской службе Мартюшев много внимания уделял организации просвещения местного населения. «При постоянных разъездах по всем уголкам Усть-Сысольского уезда,— вспоминал он в 1926 г.,— меня поражало отсутствие сколько-нибудь развитых людей. Кроме испившегося писаря, такого же попа и учительницы, окончившей 3 класса прогимназии, трудно было встретить сколько-нибудь грамотного человека в селе». Мартюшева возмутило, что земские стипендии, предназначенные для будущих фельдшеров и учителей, доставались исключительно горожанам. Он приложил немало сил для того, чтобы были учреждены сначала одна, а затем две стипендии

для каждой волости. «После этого только коми деревня потянулась учиться в город»,— отметил он.

Основным занятием Мартюшева на земской службе было изучение кустарных промыслов, существовавших в Усть-Сысольском уезде. Как земский кустарный агент (так именовалась его должность), он объездил весь уезд, от Печоры до Летки. Результатом его деятельности стала изданная в 1904 г. книга «Краткий очерк кустарных промыслов населения Усть-Сысольского уезда»— первая краеведческая работа Алексея Макаровича. В ней содержатся интереснейшие сведения о занятиях жителей Коми края: о смолокурении, выделке лодок, глиняной и деревянной посуды, сапожничестве, изготовлении гармоник, столярном, кузнечном и других промыслах. Подробнее всего Мартюшев рассказал о брусяном промысле на Печоре, расположенном близ родного ему Щугора,— о его истории, условиях жизни работников промысла и т. д.

В 1905 г. Мартюшев сделал доклад на уездном земском собрании. В его выступлении ясно прозвучала тревога за бедственное положение коми крестьян: «Отхожие... промыслы мало облегчают незавидное экономическое положение крестьянина, ибо самый факт отхода является уже показателем низкого уровня благосостояния уходящих». «С прекращением в уезде упомянутых промыслов население неизбежно станет лицом к лицу с острой нуждой и, не находя заработка на месте, в поисках такового вынуждено будет идти на фабрики и заводы, чем и порвать всякую связь со своей деревней и земледелием».

Поначалу Мартюшев стоял в стороне от политики. Но, как писал он в двадцатые годы, у него «с молодости выработался какой-то критический склад ума, очевидно, от того, что с детства пробивался только собственными силами». Учитывая, что Мартюшев, пользуясь его словами, «в практической жизни встречался всегда с ужасающими противоречиями», не удивительно, что у него постепенно

формировалось критическое отношение к существовавшим порядкам. События русско-японской войны, первой русской революции и последовавшей за ней реакции, словом, «все переживания политической жизни,— как выразился сам Алексей Макарович,— хотя в слабой степени, отзывались и в Усть-Сысольске». Среди местной интеллигенции были люди, осознавшие необходимость обновления общественной жизни, хотя преимущественно в либерально-демократическом направлении.

По словам Мартюшева, «в тесном кругу земских служащих ярыми прогрессистами, хорошо разбиравшимися в вопросах русской политической и экономической действительности, оказались председатель Управы В. И. Беляев и статистик В. Ф. Попов». Мартюшев попал под их влияние и стал сторонником ограничения самодержавных прав царя, выступал за конституционную монархию. Позднее он так писал о довоенном времени: «Вся моя политическая деятельность ограничилась в участии в выборах в Государственную Думу с уклоном сочувствия кадетам, в широком распространении» некоторых документов партии конституционалистов-демократов. О взглядах более левых партий Мартюшев не имел тогда никакого представления.

Либерально-демократические взгляды ряда земских деятелей вызывали недовольство уездных властей. Полиция неоднократно производила обыски на их квартирах, в том числе и у Мартюшева. Один из его коллег, А. Вешняков, был арестован. После поражения революции «крамольный состав» земской управы был распущен, и в 1908 г. Мартюшев вернулся в Щугор. Возможно, он находился под негласным надзором полиции (так думал сам Алексей Макарович); однажды на волостном крестьянском сходе Мартюшев сказал «несколько слов... о бесчинствах и произволе» властей и вскоре был арестован. Ему дали 3 месяца тюрьмы, но выпустили через 2 недели «со строгим внушением не заниматься крамолой»

(вспомнил ли А. М. Мартюшев об этом наказании через четверть века, когда вновь оказался под судом, уже советским?). От службы Мартюшева отстранили, и он занимался крестьянским хозяйством. В 1913 г. Мартюшев переселился в Троицко-Печорск.

С началом I мировой войны Мартюшева мобилизовали в армию. Вначале по возрасту (ему было 40 лет) он попал в ополченческую дружину, был назначен знаменосцем как человек физически крепкий и к тому же унтер-офицер. В октябре 1914 г., уже на фронте, Мартюшева назначили фельдфебелем роты. «Начальство говорило,— вспоминал Мартюшев,— что здесь нужен не оловянный солдатик, а нужно соображение». Зиму 1914—1915 гг. Мартюшев провел в окопах «в сидении на Бауре и Равке», под постоянным артобстрелом, был контужен. Несколько раз отбивали атаки... В июне 1915 г. часть, в которой служил Мартюшев, перевели на Рижский фронт, а через 2 месяца всех, кто был старше 40 лет, отправили в Петроград на караульную службу.

«Потянулась скучная, нудная жизнь на окраине города в повседневном заведовании ротным хозяйством и обучении присылаемых в роту серых бородачей, ратников старших возрастов». Мартюшев хотел поступить в военное училище, хотя не имел на это формального права, поскольку школы не кончал. Но в 1916 г. он сдал экзамен при петроградской гимназии как вольноопределяющийся и после этого был отправлен в Гатчинское военное училище. Однако Алексей Макарович не смог пройти строевое обучение (возраст был уже не тот), и его откомандировали обратно в часть.

Наступил 1917 год. Грянула Февральская революция, свергли царя. А. М. Мартюшев с энтузиазмом воспринял крушение самодержавия, установление демократических свобод. Верность идеалам свободы и демократии он пронес через всю жизнь. В этом смысле Мартюшева можно назвать человеком Февраля. Он не участвовал непосред-

ственно в революционных выступлениях, но оказывал поддержку действиям революционеров. Так, 27 февраля он находился в карауле при комендантском управлении. Подошедшей группе революционеров солдаты открыли ворота, освободили арестованных. Мартюшев читал газеты и был в курсе «политических брожений», знал настроения солдатской массы. Поскольку после отречения Николая II «офицеры поникли головой, а солдаты наших ополченческих рот были совершенно серы и неграмотны», то начитанному, неплохо владеющему словом Мартюшеву удалось выделиться среди других. «После первого же выступления я сделался центральной фигурой»,— вспоминал он. «Хотя сам я почти не разбирался в разных политических программах, но горячо мог клеймить полицейский монархический строй, говорить о бесцельности продолжения войны. Этого было вполне достаточно, чтобы заслужить у своих солдат полный авторитет».

Мартюшев стал одним из организаторов проведения собрания коми солдат петроградского гарнизона, на котором была принята резолюция в поддержку февральской революции. Его выбрали в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, и 2 марта он уже заседал там. В дальнейшем Мартюшев включился в работу юридической секции Петросовета и трудился во временном суде Спасского района. Забот было много, поэтому на заседаниях Совета и у себя в роте он бывал редко, а вскоре демобилизовался и вернулся на родину.

События февральской революции оказали немалое воздействие на жизнь Коми края. В Усть-Сысольске и Яренске возникло несколько общественных организаций, наиболее влиятельной из которых стало «Общество обновления местной жизни крестьянского и трудового населения Усть-Сысольского уезда». Самую активную роль в нем играли бывшие солдаты, лучше других жителей края знакомые с революционными идеями. Инициаторами создания «Общества обновления...» стали А. М. Мартюшев и уже знакомые нам В. Ф. Попов и А. Н. Вешняков.

30 апреля 1917 г. состоялось организационное собрание членов общества. На собрании выступили Попов, Вешняков и Мартюшев. Алексей Макарович рассказал о событиях февральской революции в Петрограде. «Не Государственная Дума во главе с Родзянко сделала революцию, а те трудовые слои населения, которые страдали от ужасного, невыносимого режима царизма, т. е. пролетариат и армия»,— сказал он. О Временном правительстве Мартюшев высказался так: «Это правительство буржуазное, не является выразителем мнений трудящихся масс населения и потому может быть поддерживаемо только постольку, поскольку оно идет в единении с Советом рабочих и солдатских депутатов».

В выпущенном обществом извещении говорилось: «Мы, нижеподписавшиеся, решили организовать партию «обновления местной жизни...» для организации крестьянского и трудового населения уезда в один классовый союз с той целью, чтобы, во-первых, возбудить в нем живой и сознательный интерес к местной общественной жизни и, во-вторых, чтобы путем такого интереса заручиться достойным представительством от крестьянского и трудового населения уезда, ...способным взять на себя руководящую роль и господствующее положение во всех организациях и учреждениях местной общественной, экономической и хозяйственной жизни уезда».

Но целей своих общество не достигло. Поначалу население уезда с интересом восприняло известие о его создании. Отделения общества возникли в нескольких волостях уезда. Вышли три номера газеты «Общества обновления...» Но общество не стало ни партией, ни сколь-либо сплоченным союзом: слишком «разношерстными», как выразился Мартюшев, были члены общества, чересчур разнились их взгляды и убеждения. Если сам Мартюшев и другие деятели левого крыла «Общества обновления...» весьма критично относились к Временному прави-

тельству, то основная часть руководителей общества стояла на позициях правых эсеров, выступая в поддержку Керенского, за продолжение войны «до победы» и т. п. С этим никак не могли согласиться бывшие фронтовики, и раскол в обществе был неизбежен, многие отошли от участия в нем. Мартюшев позднее писал: «Общество наше оказалось мертворожденным», и «месяца через два забыли о существовании общества». Он чуть сгустил краски: «Общество обновления...» просуществовало до октября 1917 г., хотя наиболее активная его деятельность пришлась, конечно, на первые месяцы. (Подробнее об этом можно узнать из книги В. И. Чупрова «Коми край в трех русских революциях», изданной в 1985 г.).

Управление уездом находилось в руках Временного комитета. Его должно было заменить земство. А. М. Мартюшев занимался организацией волостных земств как инструктор. В конце лета — начале осени 1917 г. в Усть-Сысольском уезде прошли выборы гласных в уездное земство, Мартюшев был избран земским гласным и участвовал в земском собрании в октябре 1917 г. Большинство членов собрания поддерживало политику Временного правительства. А. М. Мартюшев и Д. Я. Попов являлись самыми левыми по политическим взглядам и едва ли не единственными оппозиционерами в этом собрании, принимавшем решения, как выразился Мартюшев, «в духе старо-земских традиций».

О том, как Мартюшев отнесся к Октябрьской революции, точно не известно. Сам он в автобиографии позднее писал об этом весьма осторожно: сообщения о событиях в Петрограде, мол, были противоречивы и подтасованы врагами революции, поэтому определенное мнение о происшедшем составить было трудно. На собрании земских деятелей в конце октября 1917 г. все выступавшие (среди которых был и Д. Я. Попов, придерживавшийся сходных с Мартюшевым взглядов) осудили «захват власти большевиками». Учитывая это и весьма осторожную формули-

ровку из автобиографии, можно предположить, что Мартюшев к Октябрьскому перевороту отнесся без энтузиазма, по крайней мере вначале.

В январе 1918 г. в Усть-Сысольске прошел уездный Продовольственный съезд, на котором председательствовал А. М. Мартюшев. В те же дни был созван Учредительный съезд для организации Усть-Сысольского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, и все делегаты Продовольственного съезда приняли в нем самое непосредственное участие. Основную часть делегатов составляли крестьяне, они же составили и самую влиятельную группу в избранном на съезде уездном Совете, провозглашенном главным органом власти в уезде. Совет объединял в себе выходцев из разных слоев общества, людей с различными убеждениями, и нелегко было найти кандидата на пост председателя Совета. А. М. Мартюшев, по его словам, «оказался своего рода буфером» между правыми и левыми. С его кандидатурой примирились обе стороны, тем более что Мартюшев был достаточно известным общественным деятелем уезда, знающим человеком, выходцем из народных низов. Он не являлся ни эсером, ни социал-демократом, «в жизни ни к какой партии не примыкал, ни на одном партийном собрании не участвовал, так и остался навсегда беспартийным» (из его автобиографии). Так Алексей Макарович стал первым советским руководителем Усть-Сысольского уезда.

Новое руководство уезда занялось реформой местных органов власти, решением неотложных проблем хозяйственного развития. Уездный Совет стоял на платформе II Всероссийского съезда Советов, признал новое Советское правительство страны. Одной из наиболее важных проблем, обсуждавшихся в первые месяцы 1918 г., в частности на уездном съезде Советов, являлось формирование автономии для коми народа. Раздавались голоса и за как можно более полную и широкую автономию, и против нее. Позиция Мартюшева была одной из наиболее

взвешенных и реалистичных: «Полная автономия зырянам непосильна,— сказал он на съезде.— Мы не сможем содержать сами милицию, дороги, народное просвещение, медицину и проч. Своих средств у нас на это не хватит, и мы будем вынуждены обратиться к Российской республике за помощью, тогда наша автономия будет только на бумаге».

А. М. Мартюшев придерживался в своей деятельности курса, провозглашенного первыми декретами Советской власти, но отрицательно относился к мерам, выходившим за рамки законности — таким, как экспроприация капиталов местных торговцев и т. п. Руководимый Мартюшевым исполком уездного Совета выступил против организации продотрядов для насильственного изъятия хлеба у крестьян. Между тем «отжившая буржуазная» законность все дальше отступала перед «революционным натиском масс», и на смену законам приходило пресловутое «классовое чутье». «Революционное насилие» имело огромную популярность в народе, особенно в беднейших его слоях, и противившийся ему Мартюшев в их глазах стал выглядеть едва ли не контрреволюционером. Свою роль в потере контакта с массами сыграло и то, что, по словам Алексея Макаровича, он «влез в канцелярскую работу вместо того, чтобы выйти к народу с живым словом».

В июне 1918 г. произошли события, положившие конец деятельности А. М. Мартюшева на посту руководителя уездного исполкома Совета. Дело было так. Возле города находилось имение усть-сысольских купцов Кузьбожевых «Човью». Окрестные крестьяне настаивали на немедленной национализации имения и передаче земли им. Группа крестьян, явившихся в имение, избила нескольких членов семьи владельцев и пригрозила сжечь их всех вместе с имением, если Кузьбожевы немедля не покинут Човью. (Подробность изложения описываемых событий вызвана тем, что в существующих исследованиях по истории Коми АССР они трактуются, на наш взгляд, односторонне).

Узнав об этом, А. М. Мартюшев принял естественные меры — направил в Човью милиционеров для наведения порядка и пресечения возможных покушений на жизнь Кузьбожевых. 5 участников избиения были арестованы, в Човью оставили одного милиционера. Однако тут вмешались руководители городского Совета, стоявшие на позициях большевиков. Председатель горсовета В. П. Осипов, председатель земельной секции К. Ф. Кудинов и некоторые другие поспешили назвать действия крестьянской бедноты «революционными» (хотя к этой «революционности» примешивались изрядные доли чувства мести богатеям и обычного хулиганства, если не разбоя). При помощи городского Совета три сотни крестьян разоружили немногочисленную уездную милицию (примечательно, что обошлось без жертв), арестованных крестьян освободили. После этого К. Ф. Кудинов и еще несколько человек отправились в Човью, чтобы выгнать оттуда Кузьбожевых. Но когда они напали на находившегося там на посту милиционера, пытаясь обезоружить его, тот (в соответствии со своими обязанностями) применил оружие; Кудинов был убит. Это, конечно, вызвало возмущение горожан.

На заседании уездного Совета, где обсуждался этот инцидент, Мартюшев говорил о неразумности подобных самовольных действий крестьянства, о том, что они напрасно «пошли с ружьями и кольями» в Човью вместо того, чтобы обратиться в губернские органы власти и решить вопрос о земельных наделах Кузьбожевых соответственно «основному закону о социализации земли». Началось следствие о «беспорядках на Човью».

В эти дни в Усть-Сысольск прибыл военный отряд под руководством архангельского большевика С. Н. Ларионова. В городе и уезде сложилась новая обстановка. 15 июня состоялось заседание городского Совета, в котором уча-

ствовали также некоторые члены уездного исполкома, представители волостей, городского гарнизона, Ларионов и другие руководители красноармейцев. На нем действия Мартюшева и других руководителей уездного исполкома, не устраивавшие большевистски настроенных деятелей, подверглись резкой критике. Опираясь на серьезную военную силу, которую представлял красноармейский отряд, Ларионов, Осипов и другие потребовали реорганизации уисполкома и настояли на удалении из него Мартюшева и еще трех человек.

Это был по сути военный переворот: никаких юридических прав для проведения изменений в уездном исполкоме у собравшихся не было. Не случайно Мартюшев заявил собравшимся, что не может работать под дулом направленных на него револьверов. «Я ухожу под давлением силы и насилия»,— сказал он.

22 июня 1918 г. газета «Зырянская жизнь» сообщила: «Вынужденный оставить службу в Усть-Сысольске председатель совдепа А. М. Мартюшев уехал в Пермь. В связи с перечислением Печорского края в Пермскую губернию он, как представитель этого края, предполагает выступить в Перми с большим докладом и развить широкие планы по экономическому и культурному развитию Печорского края». В Перми Мартюшев поступил в Продовольственную экспедицию, направленную на Печору. Август он провел в Усть-Цильме, затем, когда возникла угроза захвата села белыми, экспедиция отправилась в Троицко-Печорск. Но в сентябре бои начались и в этом районе.

До начала 1919 г. Троицко-Печорский район находился под контролем Советской власти. Возможно, красные удержались бы там и дольше, если бы не действия командиров красноармейских отрядов Мандельбаума и Аппоги, восстановивших против себя значительную часть местного населения. Мартюшев возмущался их «вакханалией». Оба эти деятеля, Аппога и Мандельбаум, главным

средством борьбы за власть Советов считали беспощадный террор против «контрреволюционеров», в разряд которых очень часто попадали люди, никогда не поднимавшие оружия против новой власти. Даже большевик М. С. Кедров, сам очень жестоко подавлявший сопротивление (истинное и мнимое) контрреволюции в Вологде, высказал беспокойство в связи с жалобами печорцев.

Историк Н. И. Ульянов в книге «Очерки по истории коми», изданной в 1932 г. и написанной с насквозь сталинистских позиций, одобрительно отозвался о действиях Мандельбаума, но и его слова заставляют призадуматься... «Вопли потрепанных Мандельбаумом кулаков т. Кедров принял за вопли всего населения, а кулакам было от чего вопить. Весь маршрут экспедиции был отмечен беспощадными реквизициями у них имущества... Его отряд походил на новгородскую рать, возвращавшуюся с югорской данью. Множество подвод шло нагруженными великолепными малицами, совиками, пимами, шелковыми и бархатными одеждами, швейными машинками, граммофонами, никелевыми самоварами и прочими предметами роскоши и «цивилизации», проникшими в этот первобытный край... Недаром у кулаков на Печоре навсегда осталось в памяти грозное имя Мандельбаума».

А. М. Мартюшев позднее писал, что «вакханалию Мандельбаума и... чердынского командира Аппоги» он «не мог переваривать ни в душе, ни в мыслях. Поэтому решил выбраться из Печоры куда глаза глядят». Добрался он до Вологды, где и осел на несколько месяцев (не от него ли стало известно М. С. Кедрову о безобразиях Мандельбаума?). В октябре 1918 г. Мартюшев поступил на работу в губернский продовольственный комитет, прослужил там полгода, затем перешел в кустарный отдел Северосоюза и занялся хорошо знакомыми ему кустарными промыслами.

В июле 1919 г. Мартюшева командировали в Усть-Сы-

сольск на уездный съезд кооператоров. Там Мартюшев узнал, что белые расстреляли на Печоре его брата Александра и двух его старших сыновей (террором не брезговали и противники Мандельбаума). Алексей Макарович решил не возвращаться в Печорский край и остался в Усть-Сысольске. Он был избран председателем Усть-Сысольского союза кооператоров. Жена его осталась в Троицко-Печорске, брак их распался. Через некоторое время Мартюшев вторично женился.

В 1919—1921 гг. Мартюшев работал в уездном, затем — в областном Союзе кооператоров, руководил профсоюзом совторгслужащих, был заместителем председателя уездного Совета народного хозяйства. В 1922 г. он сотрудничал в зырянском торговом товариществе, одновременно являлся членом коллегии адвокатов (правозащитников). Именно Мартюшев выступал защитником на процессе об усть-сысольском Стефановском соборе. В 1923 г. власти закрыли собор. 16 членов церковного совета, выступивших против закрытия храма, оказались под судом. 11 из них были оправданы, 5 приговорены к различным срокам заключения. Мартюшев опротестовал приговор в Верховном суде РСФСР, и дело вернули на повторное разбирательство. Осужденных выпустили, воспользовавшись амнистией, Стефановский собор в 1924 г. возвратили верующим. В этом была определенная заслуга Алексея Макаровича. По его предположению, именно из-за этого облисполком в 1924 г. дал ему отвод из коллегии защитников, что лишило его права быть адвокатом. В последующие годы Мартюшев работал в облфинотделе, облплане, в 1982 г. сотрудничал в областном союзе кооперативов.

Мартюшева не было среди основателей Общества изучения Коми края. Нет его фамилии и в списке членов общества, составленном в конце 1923 — начале 1924 гг. Но уже с весны 1924 г. Мартюшев начал сотрудничать в краеведческом и экономическом журнале «Коми му»,

где стали появляться его заметки и статьи. Вероятно, примерно в то же время он стал членом ОИКК. Сначала Мартюшев публиковал работы экономического характера: о земледелии и землеустройстве в Коми области, о финансовых вопросах, о брусяно-точильном промысле на Печоре. Привлекало его и изучение перспектив экономического развития Коми области, в частности, проблемы железнодорожного и водного транспорта.

Он посвятил специальную работу возможностям создания крупного морского порта на реке Индиго, впадающей в Чешскую губу (западнее р. Печоры); идею о создании такого порта впервые выдвинул в 1921 г. Батиев. Мартюшев полагал, что, имея такой порт, да еще соединенный железной дорогой с другими регионами — Приуральем, Сибирью и даже Дальним Востоком (предполагалось, например, провести железную дорогу Индиго — Петропавловск),— можно было бы легко вести торговлю природными богатствами области и иными товарами с другими странами. Впрочем, Мартюшев заметил при этом: «Могут ли быть такие предположения названы нереальной фантазией — определить пока затруднительно».

Интерес Мартюшева и ряда других коми краеведов и общественных деятелей к порту был связан еще и с тем, что в Индиго они видели противовес Архангельскому порту, через который до сих пор осуществлялся вывоз товаров с Севера. Мартюшев и другие хотели торговать через Индиго, поскольку отсутствие собственного порта, по их мнению, ставило Коми область в зависимое от Архангельска положение.

Боязнь оказаться сырьевым придатком соседей по региону проявилась при обсуждении вопроса о вхождении Коми области в Северо-Восточную область или Северный край с центром в Архангельске. И областное руководство, и хозяйственники, и краеведы выступали против включения Коми области в СВО. Они хорошо помнили, как в 1921 г. руководители-архангельцы выступали

против создания коми автономии... А. М. Мартюшев указывал на то, что у Коми области нет экономических связей с Архангельском: «Некоторая однородность хозяйства, возможно, есть, но от этого далеко еще до экономической общности. Если у них и у нас нет своего хлеба, то в этом плохая общность; ...если они и мы ходим в лаптях, то такую общность надо возможно быстрее изжить» («хотя, впрочем, коми лаптей не носят»,— добавил он).

А. М. Мартюшев вступил в острую полемику с работниками архангельского облплана А. Н. Дьячковым и другими, критиковал их работы, посвященные культуре и быту коми народа, проектам экономического развития Европейского Северо-Востока. Алексей Макарович, по его собственным словам, «считался хотя человеком весьма уживчивым, но всегда был несколько несдержанным на словах и вещи любил называть своими именами, и за это постоянно страдал и получал минусы». «Критика, как известно, вещь колючая и мало кому нравится. Так было раньше, так есть и теперь». «Быть каким-либо теоретиком я, конечно, не мог помышлять, просто как недоучка»,— писал Мартюшев в 1926 г. Тем не менее через 6 лет его полемика с архангельцами и выступления против вхождения в СВО стали главными аргументами в пользу того, что он являлся едва ли не главным «теоретиком» «буржуазно-националистического движения» в Коми области.

В экономических статьях Мартюшева появлялся и краеведческий материал — в частности, о выдвигавшихся в XVIII—XIX в. проектах путей сообщения, которые должны были соединить Печорский край с Камой и Обью. Затем, в 1927—1928 гг., Мартюшев опубликовал и специальные историко-краеведческие статьи о численности населения Коми края в XVII — начале XX века (о них уже говорилось в первой главе книги).

Вообще к концу двадцатых годов А. М. Мартюшев отошел от изучения экономики, перестал публиковать работы по этой тематике. Свою роль сыграло, вероятно, то,

что обсуждение экономических вопросов, и особенно высказывание взглядов, расходящихся с точкой зрения руководящих органов, стало попросту опасным делом, пахнущим «контрреволюционностью»: на это настраивали «шахтинское дело», борьба с «вредительством», осуждение «правого уклона»...

Мартюшева всецело увлекла история коми народа. Он стал, пожалуй, ведущим специалистом ОИКК в этой области. Алексей Макарович работал в исторической секции ОИКК, в 1928 г. стал, вероятно (точных данных нет), ее руководителем, выступал на заседаниях с докладами. Так, 20 мая 1928 г. он сделал доклад о «Коми народе как объекте московской завоевательной политики в XIV—XV в.» (затем доклад был опубликован). 25 марта 1928 г. правление ОИКК постановило создать издательскую комиссию для публикации имеющихся в обществе научных материалов. От исторической секции в эту комиссию были выдвинуты А. М. Мартюшев и Д. А. Батиев. В 1928 г. Мартюшев стал членом редколлегии «Записок» ОИКК — нового издания общества. Во второй половине 1928—1929 гг. Мартюшева избрали в правление ОИКК, он стал ответственным секретарем, а вскоре и фактическим руководителем общества.

1928—1930 годы стали для Мартюшева пиком его краеведческой деятельности. В «Коми му» и «Записках» ОИКК одна за другой появлялись его работы (некоторые под псевдонимами «Икс» и «Коми морт»): «Коми народ в первый период исторической его известности» (в ней проанализированы сообщения русских летописей XI—XII в. о Коми крае), «Коми народ как объект московской завоевательной политики в XIV—XV вв.», «Епифаниева повесть как исторический документ о коми народе» (эти статьи посвящены критике исторической достоверности сведений о Коми крае, содержащихся в «Житии Стефана Пермского» и в публикациях краеведа XIX в. М. Михайлова), публикации по истории заселения Печоры и Ижмы...

Не все они равноценны. Наиболее значимыми с исследовательской точки зрения являются публикации о численности населения Коми края, о заселении Печорского края, содержащие богатый фактический материал и интересные (хотя и не всегда верные) выводы. Стоит упомянуть о том, что Мартюшев одним из первых местных исследователей стал использовать данные о фамилиях жителей для изучения заселения разных районов края. А вот со многими критическими замечаниями Мартюшева по адресу «Жития Стефана Пермского» и работ М. Михайлова трудно согласиться, поскольку заявления его не подкреплены доказательствами, голословны.

Мартюшев, хорошо владевший пером, выбирал порой неожиданные способы изложения исторических фактов и своих предположений о тех или иных событиях, происходивших в прошлом. Так, свой рассказ о походе С. Курбского на Печору в 1499 г. он построил в форме беседы с... призраком Курбского: «Итак, вообразил я себе, однажды заходит ко мне высокий, худощавый старик и говорит:

— У меня к вам покорнейшая просьба. Будьте добры, не откажите...

Своим симпатичным лицом, умоляющими глазами он сразу располагает меня к себе.

— Пожалуйста... В чем дело?..

— ...Я давно вас ищу. Я — Семен Курбский».

И далее призрак князя Курбского повествует Мартюшеву о событиях более чем четырехвековой давности...

23 сентября 1930 г. на торжественном заседании правления ОИКК, посвященном 150-летию присвоения Усть-Сысольску статуса города, А. М. Мартюшев выступил с обстоятельным сообщением, адресованным учащейся молодежи. Он говорил о необходимости участия учащихся в краеведческой работе, о той неоценимой пользе, которую может принести краеведению энтузиазм молодых исследователей. Мартюшев рассказал также о тех документах, которые содержат сведения об истории города, о его населении. Примечательно, что в своем выступлении Мартюшев процитировал высказывание видного историка С. Ф. Платонова («народ, знакомый со своей историей, живет сознательно, чуток к окружающей действительности и умеет понимать ее»). А в это время Платонов был уже арестован по сфабрикованному «делу историков» и объявлен «главой заговора против Советской власти».

19 октября 1930 г. заседала историческая секция ОИКК, обсуждалась работа Мартюшева — упоминавшийся уже «Поход Курбского на Печору...» Краеведы решили, что «для популяризации исторических знаний среди широких масс коми населения, избранный автором метод изложения научной работы... признан желательным». К сожалению, 1930 год оказался фактически последним годом активной творческой работы Алексея Макаровича. Развитие событий привело к тому, что в мае 1931 г Общество изучения Коми края прекратило свое существование. Среди тех, кто принимал это нелегкое и, как «выяснилось» впоследствии, «вредительское» решение, был и А. М. Мартюшев. Перестала издаваться краеведческая литература. Мартюшеву оставалось разве что работать «в стол». Может быть, он так и делал, но, увы, никаких сведений о его жизни в 1931—1932 гг. мы не имеем.

Кампания по обличению «контрреволюционеров» и «буржуазных националистов» в начале тридцатых набирала обороты. Началось все еще в конце двадцатых — не случайно в марте 1928 г. Мартюшев написал письмо в «Югыд туй» (очевидно, вынужденный к этому обстоятельствами), разъясняя, что хотя он и был в 1917 г по взглядам близок к социалистам-революционерам, но эсером не являлся, а с образованной в Усть-Сысольске ячейкой партии эсеров «ничего общего... не имел» и «впредь когда-либо возвращаться к мысли о жизненности эсеровщины также не намерен». «В данное время я убедился,

что единственным защитником пролетариата и трудового крестьянства является ВКП(б), и только она может привести пролетариат к социализму». Но такие заявления не могли избавить Мартюшева от репрессий. Он стал одной из главных мишеней для критики (а точнее — для нападок, для клеветнических измышлений). В упоминавшейся уже книге Н. И. Ульянова (1932 г.) ему уделено немало места: «эсер», «первый председатель кулацкого уисполкома в 1918 г.», один из «прежних земских деятелей», которые были «в эпоху гражданской войны главарями буржуазно-националистического движения»... По словам Н. И. Ульянова, Мартюшев являлся одним из людей, «определявших физиономию... журнала «Коми му», который якобы пропагандировал «кулацкие» и «националистические» идеи. Алексей Макарович, оказывается, был «идейным отцом» (так можно понять Ульянова) всех «антипартийных» выступлений в Коми области, на него будто бы опирались и «батиевцы», и «зараженный кондратьевщиной» Коми облплан, и руководство области, выступившее в 1929 г. против вхождения в Северный край («Мартюшев развил тонкую пропаганду, запугивал массы... Он дал... основные пункты, по которым развернулась в дальнейшем аргументация против вхождения коми в Северный край»...).

После таких обвинений оставалось лишь ждать репрессивных мер. И они не замедлили последовать. В конце того же 1932 или в 1933 году 58-летний Мартюшев был арестован и осужден за свою «контрреволюционную деятельность». Какой срок он получил, где отбывал наказание, дожил ли до освобождения, к сожалению, не известно... Пострадал не только сам Алексей Макарович, но и его близкие: даже родство с ним стало считаться преступлением. Вероятно, о его сыне шла речь в областной газете «За новый Север» весной 1935 г.: газета возмущалась, что Н. А. Мартюшеву, «сыну активного белобандита», дозволено учиться в Сыктывкарском педтехникуме,

и требовала немедленно отчислить «контрреволюционное отребье...»

От осужденного за несовершенные преступления поспешили откреститься некоторые бывшие коллеги по краеведческой работе. Например, Г. А. Старцев, работавший в середине тридцатых годов в пединституте, делая набросок программы по истории коми народа, не преминул упомянуть «эсера» и «национал-народника» Мартюшева и отразившийся в его трудах «местный национализм», «идеализм» и «искажение фактов в партийных целях» (это, наверное, про встречу с призраком князя Курбского — поистине «гнусная» «антипартийная вылазка»!). Тот же Старцев в докладе, посвященном 15-летию Коми областной организации ВКП(б), отметил (цитирую по черновику), что «большевики строят автономную область Коми» «в борьбе с прямыми буржуазными крепостниками и остатками эсеровщины (Батиев, Чеусов, Мартюшев, Грен и др.)».

Историко-краеведческие работы А. М. Мартюшева были поспешно преданы забвению. В первых обобщающих трудах по истории коми народа, написанных в тридцатые годы, публикации Мартюшева и других арестованных краеведов даже не упомянуты, не использован содержащийся в них богатейший фактический материал. Впрочем, та же картина наблюдалась и в пятидесятые годы... Негативные оценки деятельности Мартюшева как политика, утвердившиеся почти на полстолетия, долгое время определяли отрицательную оценку его краеведческих работ. Только в семидесятые годы появился интерес к публикациям Мартюшева — вначале со стороны этнографов, занимавшихся проблемой формирования этнической территории коми народа. В конце семидесятых в более положительном контексте стало употребляться имя Алексея Макаровича Мартюшева и в работах историков (например, в «Истории Коми АССР», 1978).

Сегодня нам интересны не только исследования А. М. Мартюшева, но и его восприятие происходивших в Коми

крае событий, его роль в них,— а она была не меньшей, чем некоторых из борцов за Советскую власть, принадлежавших к большевистской партии. Жаль, что пока мы ничего не узнали о том, как прошли последние годы его жизни. Так что точку в нашем рассказе ставить пока рано...

Глава 8. СОЗДАТЕЛЬ КОМИ АЛФАВИТА

Многие слышали о существовавшем в 20-х годах «молодцовском алфавите», применявшемся тогда в коми языке, но мало кто знает о судьбе его создателя. Между тем деятельность Василия Александровича Молодцова, направленная на развитие коми культуры в первые послереволюционные годы, его трудная, полная конфликтов и противоречий жизнь заслуживают серьезного внимания.

В. А. Молодцов родился 1 января 1886 г. (по новому стилю) в Тентюково в большой крестьянской семье. Детство было нелегким. Его сестра Антонина Александровна вспоминала: «Семья наша до революции была бедняцкая. Имела небольшой надел сенокоса и пашни. Своего хлеба до нового урожая не хватало... На хлеб отец зарабатывал извозом для купцов... Весной с такими же бедняками, как он, сплавлял плоты до Котласа. Мы, дети, помогали родителям... на сенокосе, на жатве. Собирали грибы и ягоды и за гроши вынуждены были продавать в городе местным купцам и чиновникам».

Где Молодцов получил начальное образование, не известно. Но можно предположить, что он закончил двухклассную школу в Усть-Сысольске (она открылась через 2 года после его рождения) и уездное училище. В 1903 г. Молодцов поступил в Тотемскую учительскую семинарию, где учился 4 года. В Тотьме он проявил интерес к политической деятельности. На себе испытав тяготы крестьянской жизни, молодой семинарист задумался над возможными способами изменения существующей несправедливости. Ближе всего ему, вероятно, оказалась доходчивая, отражавшая чаяния крестьян аграрная программа эсеров — во всяком случае, в 1905 г., во время I русской ре-

волюции 19-летний Молодцов распространял в Тотьме эсеровскую литературу.

По окончании семинарии в 1907 г. Молодцов получил специальность учителя начального училища. Он стал работать в д. Парч учителем-заведующим земским начальным училищем, но уже на следующий год (1908) был, по его собственному свидетельству, «освобожден от должности по неблагонадежности». Тогда Молодцов решил отправиться в Петербург. Там ему удалось поступить на общеобразовательные курсы, однако Молодцов проучился всего год и в 1909 г. ушел со второго курса. В течение учебного года (1910—1911 г.) он работал учителем-заведующим в д. Михеево Тотемского уезда, а затем поступил в Петербургский учительский институт.

Во время учебы в Петербурге В. А. Молодцов слушал лекции по языкознанию. Возможно тогда у него созрело решение заняться изучением коми языка. Не исключено, что в Петербурге Молодцов встречался с К. Ф. Жаковым, который мог повлиять на усиление интереса Молодцова к лингвистике. Конечно, это не более чем предположение (никаких данных об этом нет), но известно, что живший и работавший в Петербурге Жаков с вниманием и заботой относился к учившимся там коми студентам; известно и то, что в круг научных интересов Жакова входило и языкознание. В учительском институте Молодцов проучился 3 года, с 1911 по 1914-й и по его окончании получил специальность учителя высшего начального училища. В январе 1914 г. Молодцова (вероятно, тогда он еще учился в институте) призвали на военную службу. Он прослужил рядовым 3 месяца, а затем был освобожден от службы по болезни — у него обнаружили порок сердца.

Вернувшись на родину, Василий Александрович стал работать в Ношульском высшем начальном училище. Осенью 1915 г., через год после начала I мировой войны, его вновь призвали в армию. Несколько месяцев Молодцов пробыл на службе (рядовым). Было предложено

командировать его в военное училище, но Молодцов отказался. В начале 1916 г. его опять демобилизовали по той же причине — порок сердца. Василий Александрович вернулся на прежнюю работу в Ношуль. Видимо, еще в Ношуле Молодцов начал работать над созданием коми алфавита. В. И. Лыткин позднее писал (в газете «Удж» 21 февраля 1921 г.), что Молодцов «за несколько лет до революции составил зырянский шрифт по последнему слову науки, советуясь со знатоками филологии и каллиграфии (Петроград), изучая язык народа коми, тогда никому не нужный».

Октябрьскую революцию, открывшую большие возможности для развития коми народа, его культуры, В. А. Молодцов встретил с энтузиазмом и сразу активно включился в дело создания новой коми школы, стремясь вовлечь в культурное строительство как можно большее число представителей местной интеллигенции. Он уехал из Ношуля и отправился в Яренск — центр Яренского уезда, в который входила тогда значительная часть Коми края. В Яренске на учительских курсах остро обсуждались и проблемы школьного образования, задачи, стоящие перед учителями. Молодцов отстаивал необходимость коренной реформы народного образования, создания подлинно национальной коми школы. Находились люди, возражавшие против этого, и Василию Александровичу, по словам В. И. Лыткина, приходилось подолгу спорить с ними.

Молодцов приобрел большой авторитет как человек, знающий нужды коми школы и представляющий, что нужно делать для ее переустройства. На Яренском уездном съезде крестьянских и солдатских депутатов летом 1918 г. его избрали членом коллегии Яренского уездного отдела народного образования. В УОНО Молодцов работал бок о бок с А. С. Сидоровым. Вместе с Алексеем Семеновичем они участвовали и в создании культурно-просветительского общества «Коми котыр». В Яренске Мо-

лодцов проработал до октября 1918 г. По поручению Яренского уездного Совета он разработал (или закончил разрабатывать) свой шрифт для коми языка, получивший название молодцовского.

Свой алфавит и коми грамматику Молодцов предложил для рассмотрения в мае-июне 1918 г. участникам Усть-Сысольского совещания учителей. В августе того же года на Усть-Вымском совещании учителей Яренского и Усть-Сысольского уездов этот алфавит был принят.

Алфавит В. А. Молодцова включал 33 буквы, ровно столько, сколько фонем в коми языке (начертания букв см.: Бараксанов Г. Г., Мартынов В. И. «Развитие коми филологической науки»). Позже были введены ещё 3 буквы х, ф, ц, которые оказались необходимыми для правильной передачи русских заимствований.

Большинство букв алфавита (21 буква) были взяты из русского алфавита, буквы d, j, i переняты из латинского, буква ӧ оставлена из предыдущих коми алфавитов, остальные 9 были придуманы самим Молодцовым и сильно отличались по начертанию от русских.

Алфавит был приспособлен к коми языку и имел ряд достоинств. В нем каждая буква обозначала только одну фонему, даже мягкие согласные, в отличие от принципа русской графики, обозначались специальными буквами, однако сочетания й с гласными не имели отдельных букв. Таким образом, довольно стройная система графики В. А. Молодцова достаточно точно передавала фонетический строй коми языка, и в этом, как отмечали специалисты, было ее несомненное достоинство.

Алфавит В. А. Молодцова постепенно внедрялся в коми письмо: он изучался в школах, на нем стали издаваться книги и газеты. Однако с самого начала его введения появились и оппоненты. В течение всего периода функционирования алфавита шли бурные дискуссии: одни горячо поддерживали его, другие, наоборот, выступали против.

Осенью 1918 г. в Яренске состоялся съезд учителей Яренского и Усть-Сысольского уездов, на котором обсуждался вопрос об открытии коми школ. Молодцов принял активное участие в работе съезда, неоднократно выступал на нем. Становилось ясно, что культурным центром Коми края, где должна была сосредотачиваться вся просветительская и иная работа, мог быть только Усть-Сысольск: Яренск тяготел к волостям с русским населением (а после реформы уездного деления он и вовсе остался за пределами Коми края). В. А. Молодцов оставил Яренск и переехал в Усть-Сысольск, где стал работать преподавателем в учительской семинарии. В семинарии он организовал литературный кружок «Коми гижысь чукӧр». В этом кружке занимались ставшие позднее писателями В. Ф. Попов (Вась Педӧр), Н. Д. Попов (Жугыль). В 1918 г. он вступил в партию большевиков (точная дата не известна). В том же году, 16 июня, в партию вступили и две его сестры — Антонина и Мария.

В ноябре 1918 г Усть-Сысольский отдел народного образования принял решение о введении преподавания коми языка в школах. Нужны были учебники, методика. По инициативе В. А. Молодцова Усть-Сысольский уисполком 28 ноября 1918 г. организовал Комиссию по созданию коми литературы (Коми комиссию) — первую организацию, непосредственно занявшуюся созданием коми письменности, литературного коми языка. В Коми комиссии Молодцов стал работать с В. А. Савиным, своей сестрой Антониной и другими. Там же он, вероятно, встретился и познакомился со своим земляком по Тентюково В. И. Лыткиным. Знакомство это оказало огромное влияние на жизнь их обоих. Вскоре В. А. Молодцов подготовил первый букварь для коми школ «Лыддьысьны велӧдчан». После обсуждения на заседании Коми комиссии букварь был в нескольких экземплярах переписан (напечатать его еще не было возможности) и в таком рукописном виде разослан по школам. Позднее, с открытием в 1920 г. Коми

издательства, букварь был издан под названием «Шонді югӧр» и стал первой книгой на коми языке, напечатанной молодцовским шрифтом.

Большим событием в культурной жизни Коми края стало издание коми газеты (на коми языке начали выходить отдельные номера «Зырянской жизни», чередуясь с русскоязычными выпусками). Коми текст печатался молодцовским шрифтом.

Василий Александрович был, судя по некоторым данным, человеком с нелегким характером; он плохо воспринимал критику в свой адрес, считая, возможно, такую критику попыткой помешать его деятельности, направленной на ускорение культурного развития народа коми. Безусловно, Молодцов являлся в первые послереволюционные годы ведущим специалистом по коми языку, принадлежал к числу наиболее активных коми культурных работников. Но тяжелый характер Василия Александровича способствовал возникновению трений и конфликтов между ним и его коллегами по работе, а также уездным руководством.

В первой половине 1919 г. конфликт достиг такой остроты (суть его, правда, нам неизвестна), что Молодцов в знак протеста против «нападок уисполкома и укома [партии] за национальную работу» (так он написал в 1932 г.) подал заявление о выходе из партии и ушел с работы. Вероятно, Молодцов сообщил о своих разногласиях с местными органами власти в наркомат по делам национальностей: в 1932 г. он указал, что «был поддержан личной телеграммой Наркомнаца» (наркомом тогда был, как известно, И. В. Сталин). Телеграмма эта (содержание ее нам опять-таки не известно) мало повлияла на судьбу Василия Александровича, и он уехал из Усть-Сысольска на Вологодчину. В течение учебного года (1919—1920) Молодцов работал учителем в школе 2-й ступени в с. Прилуки около Вологды.

Через год он вернулся в Коми край. Уездный съезд

работников просвещения избрал его заведующим Усть-Сысольским отделом нацменьшинств (нацмен) — такие отделы существовали во всех национальных районах. Им отводилась важная роль — заботиться о развитии коренных народностей. Одной из первых забот В. А. Молодцова стала организация в Усть-Сысольске Коми издательства. Он приложил немало сил для того, чтобы издательство открылось в том же 1920 г. Благодаря этому появились достаточно широкие возможности для издания книг на коми языке — учебников, произведений коми писателей, переводной литературы.

Сам Молодцов на основе собранных во время педагогической деятельности материалов подготовил грамматику коми языка. В 1921 г. вышел первый учебник коми языка для коми школ «Коми грамматика туй пискӧдысь» В. А. Молодцова. Учебник был составлен в форме вопросов (учитель) и ответов (ученик).

В 1921 г. Молодцов стал заведующим издательским отделом и членом коллегии отдела народного образования. Значителен его вклад в разработку и издание учебных пособий для коми школ. Не случайно В. И. Лыткин несколько лет спустя писал, что в 1918—1922 гг. Молодцову пришлось больше всех трудиться над созданием коми школы: «Благодаря его стараниям у нас есть теперь: 1) коми алфавит, 2) коми литературный язык, 3) правописание коми языка, 4) советская коми школа, 5) объединение единомыслящих писателей».

В 1920 г. было принято решение открыть в Усть-Сысольске Институт народного образования (ИНО). Сформировали специальную комиссию из наиболее авторитетных лиц, которые занялись подготовительной работой. В состав комиссии вместе с А. С. Сидоровым и другими вошел и В. А. Молодцов, непосредственно участвовавший в разработке структуры ИНО, программы обучения и т. п. В 1921—1923 гг. Василий Александрович преподавал в Институте коми язык, являлся одним из руководителей ИНО,

занимал, в частности, должность проректора по административно-хозяйственной части.

Работа не всегда шла гладко: новизна осуществлявшихся преобразований, отсутствие проторенных дорог в культурном строительстве неизбежно вызывали споры между исследователями, порой весьма острые. О дискуссиях в ИНО — в частности между Молодцовым и А. А. Чеусовым — упоминается в воспоминаниях супруги последнего. Споры шли и на страницах печати. В начале 1921 г. А. А. Цембер опубликовал в газете «Удж» статью, в которой весьма резко отозвался о молодцовском шрифте, утверждал, что этот шрифт непригоден, а самого Молодцова назвал «злым врагом народа коми».

В. И. Лыткин в статье «Друг» народа коми» дал отповедь Цемберу, высоко оценил заслуги В. А. Молодцова: «...т. Молодцов, почти все время состоя преподавателем зырянского языка, организовал издательский отдел, составил и издал коми букварь, издается под его руководством 2-я книга для школы, сборник зырянских стихов, готова к печати 3-я книга; изучив детально зырянский язык, написал грамматику языка. Кроме того, многим обязаны Молодцову в открытии коми института [народного образования]».

Молодцова не было среди учредителей Общества изучения Коми края (в их числе была зато его сестра М. А. Молодцова). Но вполне возможно, что в последующем он принимал участие в заседаниях общества. К сожалению, не сохранилось достаточно полных сведений о том, кто сотрудничал в ОИКК в первые год-полтора его существования. Но известны, например, имена тех исследователей, которым предполагалось поручить работу в секциях общества — этот вопрос обсуждался, в частности, на одном из заседаний ОИКК в ноябре 1923 г. Судя по уцелевшим черновым записям, сделанным одним из участников заседания, лингвистическая секция общества представлялась в следующем составе: «Молодцов, Грен, Сидоров». По-

скольку фамилия В. А. Молодцова указана первой, то ему, видимо, предполагалось поручить и руководство лингвистической секцией.

Однако Молодцов участия в делах общества в последующее время не принимал. Интенсивная работа, да и неважные условия жизни того времени сказались на его здоровье. Василий Александрович заболел туберкулезом. В 1923 г. ему пришлось уйти из Института и уехать на лечение в Сочи. Затем Молодцов вернулся в Усть-Сысольск, но по состоянию здоровья на службу никуда не устраивался. В январе 1925 г. при областном отделе народного образования было организовано методическое бюро «для разработки программно-методических вопросов, учета педагогического опыта мест, руководства по организации повышения квалификации работников просвещения». В его состав наряду с А. С. Сидоровым, Н. А. Сосниным и другими вошел как «специалист-педагог» и В. А. Молодцов. На заседаниях методбюро были «проработаны программы для школ 1-й и 2-й ступени и школ крестьянской молодежи, учебные планы для профессиональных учебных заведений, намечен план издания литературы на родном языке (преимущественно учебной), программы и планы проведения курсов переподготовки учительства, порядок проведения зырянизации учреждений. Школы снабжены программами для всех годов обучения, педтехникумы — учебными планами...» В первой половине 20-х годов произошли большие изменения в личной жизни Молодцова: он женился, у него родилось двое детей.

В 1924—1926 г. В. А. Молодцов опубликовал несколько новых научных работ. Дополнением к учебнику коми грамматики явилась статья В. Молодцова «Об употреблении «тире» в литературе коми».

В. Молодцов всегда был в курсе всех событий как общественной, так и научной жизни. По каждому вопросу у него было свое мнение. Поэтому он быстро откликался и на новые публикации по коми языку. Например, он при-

ветствовал издание «Краткого коми-русского словаря» Н. А. Шахова, в целом дав ему положительную оценку.

Одной из задач развития литературного языка в первые послереволюционные годы была и проблема унификации коми орфографии. Активно включился в эту работу Молодцов. Некоторые принципы коми орфографии, отдельные правила были даны им еще в учебнике «коми грамматика туй писькӧдысь». В 1926 г. выходит его работа «Некоторые принципы зырянского правописания», где он обобщил свои теоретические идеи по данному вопросу. В качестве основного принципа коми орфографии он выдвигал фонетический, т. е. в словах все звуки при письме должны передаваться так, как они произносятся. Лишь в некоторых случаях (при регрессивной ассимиляции, т. е. когда конечный звук одной морфемы подвергается влиянию начального звука соседней морфемы) применялся морфологический принцип, например, татчӧ (произносится таччӧ) 'сюда', косджык (произносится кожджык) 'суше, посуше' и др. Эти два принципа, выдвинутых в свое время В. Молодцовым, считаются основными в коми орфографии и в настоящее время. Актуальны до сих пор и некоторые другие предложенные В. Молодцовым принципы правописания.

В марте 1926 г. в Усть-Сысольске организовалась Коми ассоциация пролетарских писателей. Поначалу в ней насчитывалось всего 12 человек. В апреле было принято еще 3 новых члена, в том числе и Молодцов (он, однако, состоял в КАПП недолго. В списках членов КАПП 1927—1928 г. он не значится). Заявление Молодцова о приеме в КАПП рассматривалось без него — в марте 1926 г. он уехал в Москву на научную стажировку, был зачислен научным сотрудником в секцию языка Научно-исследовательского института народов Востока, поступил в аспирантуру этого НИИ. Там Василий Александрович знакомился с исследованиями по общему языкознанию, по финно-угорским языкам. Он и поддерживал контакты с ленинградскими учеными. Его избрали действительным членом Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей (в этом обществе состояли такие видные ученые как Д. К. Зеленин и Д. В. Бубрих).

Во время стажировки В. А. Молодцов занимался не только коми, но и удмуртским языком (кроме удмуртского, он владел коми-пермяцким языком, а также читал и переводил немецкие и венгерские тексты). Он осуществил экспедиционные поездки в Удмуртию, изучал местные говоры. На основе собранных им материалов Молодцов написал работу «Таблица фонем вотяцкого языка по отдельным говорениям» (вотяцким или вотским называли тогда удмуртский язык).

Работа получила высокую оценку исследователей. Профессор Н. Ф. Яковлев писал, что она «показывает полное усвоение Молодцовым научных методов как собирания, так и современно-научной обработки лингвистических материалов в фонетическом отношении... Аспирант Молодцов обнаруживает тонкую наблюдательность... Из него выйдет подлинный исследователь-лингвист, вполне владеющий современными социологическими методами лингвистического исследования». Крупный ученый Д. В. Бубрих в отзыве на «Таблицу фонем...» отметил: «Работа В. А. Молодцова выявляет прекрасное знакомство автора с теорией речи... Значение работы выходит далеко за пределы рамок вотского языка», она «чрезвычайно ярко отражает сложившееся в СССР понимание природы языка».

Молодцов и в дальнейшем продолжал заниматься изучением удмуртского языка. Удмуртские исследователи ценили его познания. Позднее Удмуртский НИИ выдвинул Молодцова своим внештатным сотрудником в качестве члена-корреспондента института с тем, чтобы Василий Александрович участвовал в лингвистических экспедициях по Удмуртии, публиковался в местной печати, выступал с докладами и т. д. В. А. Молодцов входил в состав раз-

личных языковедческих комиссий (комиссия по письменности, комиссия по местоимениям и др.).

В этот период была плодотворной и его научная деятельность. Он интересуется и разрабатывает самые различные лингвистические проблемы, в основном опираясь на материал родного коми языка. Осенью 1926 г. на угрофинской секции Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока СССР Молодцов делает доклад об омонимах коми языка, основные положения которого позднее легли в основу его работы «К грамматической классификации слов зырянского языка». Эта книга была издана в 1929 г. в Москве и предназначалась для преподавателей школ в качестве методического пособия. В работе сделана попытка классификации слов коми языка на разных языковых уровнях — фонетическом, морфологическом и синтаксическом. Наиболее богатый материал представлен при морфологической классификации.

В июне 1929 г. в Усть-Сысольске состоялась Коми лингвистическая конференция Главнауки. В. А. Молодцов выступил на ней с докладом о правописании. Многие положения, выдвинутые Молодцовым, подверглись на этой конференции критике. Критиковался в это время как «узконационалистический» и молодцовский алфавит, по мнению некоторых, препятствовавший — в силу своего своеобразия — сближению национальностей, живших в СССР. Предполагалось, что замена молодцовского алфавита на унифицированный, составленный на латинской основе алфавит облегчит культурные контакты между народами.

В том же 1929 г. Молодцов сделал доклад о «фонетике зырянского диалекта языка коми» на заседании секции языка Института народов Востока. По оценке профессора Л. Жиркова, тема доклада «вызвала общий интерес всех работавших тогда в этом Институте лингвистов».

Первая часть обобщающей работы «Фонетика зырянского диалекта языка коми» была опубликована в 1929 г.

в Москве. В ней автор попытался показать то общее, что есть в фонетике коми языка, и то различие, которое обнаруживается в его диалектах.

В 1929 г. Молодцов по рекомендации своего руководителя профессора НИИ народов Востока Н. Ф. Яковлева решил поступить в аспирантуру Академии наук СССР.

Он некоторое время работал в 1929 г. исполняющим обязанности старшего ассистента в Ленинградском пединституте имени Герцена. Собирался поступить на работу в аппарат Всесоюзного центрального комитета Нового Алфавита.

В 1930 г. Молодцов уехал в Саратов, где проработал 5 месяцев исполняющим обязанности доцента Мордовского отделения университета, читал лекции по методологии языкознания. Но и там его отношения с коллегами не сложились. Судя по словам Молодцова, местные языковеды не принимали марризма, на позициях которого стоял Василий Александрович. С января по апрель он получал всего лишь по 30 рублей в месяц, т. к. никак не удавалось наладить нормальную преподавательскую работу. Он принял решение покинуть Саратов.

После этого в течение нескольких месяцев Молодцов не мог устроиться на работу. Конечно, он не сидел сложа руки и, в частности, продолжал работать над диссертацией «Возникновение и развитие социальных терминов», которую начал писать еще в 1928 или 1929 году.

В октябре 1930 г. Молодцова пригласили в Вологду, и с ноября он стал работать в Северном краевом пединституте. Молодцов заведовал существовавшим там до открытия пединститута в Сыктывкаре специальным Коми отделением, на котором учились коми студенты, являлся доцентом по курсу яфетидологии (марристскому языкознанию).

Позднее Молодцов вспоминал: «я был вынужден уйти [из пединститута — авт.] весной 31 года, не выдержав один борьбы за материалистическое языкознание в усло-

виях страстных нападок на яфетидологию со стороны формальной языковедческой школы и блокировавшихся с ними реакционных профессоров по другим дисциплинам». Упреки своих оппонентов в «реакционности», «контрреволюционности», «национализме», столь характерные для того времени, увы, прочно вошли в лексикон Василия Александровича... В марте 1931 г. в Архангельске состоялась краевая конференция по национальным проблемам. Молодцов принял в ней участие и высказался «за марровский действительно по своей идее унифицированный латинский алфавит» для коми языка.

Из Вологды Василий Александрович приехал в Сыктывкар, где в течение 4 месяцев работал внештатным преподавателем педтехникума. В это же время он занимался переводами на коми язык трудов В. И. Ленина. Обком ВКП(б), обсуждая вопрос об готовившемся открытии пединститута, первоначально предполагал включить в руководящую группу по организации этого вуза Молодцова. Однако этого не произошло.

Молодцов уехал из Сыктывкара. В 1932 г. он какое-то время работал в издательстве ЦК ВКП(б). В феврале 1932 г. в Сыктывкаре состоялась конференция по вопросам нового алфавита. В принятом конференцией постановлении (пункты 8 и 14) работы В. А. Молодцова, в частности, касающиеся правописания, характеризовались «субъективно-идеалистическими» и «национал-шовинистическими». Хотя сам Молодцов несколько позднее признавал, что не считает «на сто процентов правильными» разработанные им «принципы зырянского правописания», но оснований для навешивания столь грозных ярлыков, конечно, не было. Василий Александрович хотел выступить на этой конференции, но не получил такой возможности. По его словам, он «обкомом партии не был допущен на... конференцию».

В начале 30-х годов В. А. Молодцов написал несколько научных работ, получивших в целом положительные от-

зывы ученых. В числе этих работ была и вторая часть его обобщающего труда «Фонетика зырянского языка», посвященная фонетическому описанию коми языка. Опираясь на теорию проф. Н. Ф. Яковлева, Молодцов довольно подробно рассмотрел артикуляционно-акустические особенности фонем коми языка, определил средства фонеморазличения. Автор преследовал чисто практическую цель: помочь созданию дифференцированного латинизированного алфавита для коми языка. Профессор Л. Жирков в 1933 г. писал, что эта «работа в целом в развитии советской лингвистики является ценной и актуально-интересной...».

Научный сотрудник Института языка и мышления В. Сидоров в том же году так отозвался об этой же работе: «Конечно, не со всеми положениями В. Молодцова можно согласиться: многое в них спорно, и, быть может, даже сам автор в будущем принужден будет кое-отчего отказаться, но все это не лишает работу безусловного интереса. Она выдвинула плодотворную мысль, которая может быть полезной для молодых марксистских лингвистов». Сотрудник того же института П. Кузнецов в январе 1933 г. писал относительно исследования «О существительных и прилагательных в языках коми и удмурт»: «Работу Молодцова следует признать серьезной и оригинальной научной работой, представляющей из себя известный вклад в угрофиннологию». Но, несмотря на положительные отзывы, этот труд Молодцова так и не был издан.

Тогда же Молодцов в основном закончил работу над своей диссертацией. В 1932 г. академик И. И. Мещанинов, познакомившись с фрагментами этой диссертации, заключил: «Работа эта стоит на уровне современной науки». Год спустя, прочитав всю диссертацию, Мещанинов дал следующий отзыв: «Работа представляет безусловный интерес по привлеченному и разобранному материалу, но все же имеет ряд недостатков».

В 1933—1936 г. Молодцов работал в Нарьян-Маре,

в Ненецкой окружной совпартшколе. Жилось ему и его семье трудно, денег постоянно не хватало. Некоторым подспорьем служили гонорары за научные публикации Василия Александровича, но и с ними дела обстояли не очень удачно. Дети его постоянно болели.

Работая среди ненцев, Молодцов стал изучать их язык и уже в 1934 г. представил в окружной Отдел народного образования свое новое исследование «Система фонем ненецкого языка в увязке с проблемой унифицированного латинизированного алфавита». В отзыве академика И. И. Мещанинова на эту работу говорилось: «Тов. Молодцов, по отзыву соответствующих специалистов Института языка и мышления, принадлежит к числу, весьма немногочисленному, несомненных специалистов по сложным вопросам фонетики. Кроме того, он несомненно примыкает к сторонникам нового учения о языке, основанного и проводимого акад. Н. Я. Марром. Настоящая работа... могла бы быть напечатана и явилась бы полезным трудом».

На состоявшемся 26 сентября 1935 г. совещании руководства Ненецкого краевого ОНО Молодцов сделал доклад о своих исследованиях по фонетике ненецкого языка и социальным терминам. Было принято следующее решение: «Учитывая актуальность темы обеих названных работ т. Молодцова и благожелательные отзывы на них, ...напечатать в ближайший срок за счет КрайОНО обе работы...» Однако это намерение не осуществилось.

Тем временем в печати Коми области шло обличение «национал-шовинистов», особенно развернувшееся в 1934—1935 гг. 27 апреля 1935 г. в газете «За новый Север» появилась статья Коковкина (инициалы не указаны) «Корни коми национал-шовинизма ведут к белобандиту Латкину», автор которой заклеймил «явно контрреволюционных кулацких буржуазных националистов вроде Мартюшевых, Батиевых, Молодцовых и Сидоровых». Правда, вскоре редакция газеты вынуждена была признать, что

она «допустила ошибку, поставив «Молодцовых» и «Сидоровых» рядом с явными контрреволюционными националистами...»

Но не прошло и двух месяцев, как на страницах той же газеты с призывом «Критиковать и собственные ошибки» выступил Г. А. Старцев. Он заявил, что В. А. Молодцов «далеко не сразу» понял «великие пролетарские идеи Октябрьской революции». «Наоборот, о Молодцове следует сказать, что его борьба за коми язык и культуру была и велась до последнего времени с позиций национал-шовинизма и доходила до контрреволюционных высказываний. Молодцов, стоя на позиции индоевропейской расовой теории, в поисках особенности в языке коми, дошел до геркулесовых столбов формализма».

Подобные обвинения были чреваты самыми скверными последствиями. Правда, гроза как будто прошла стороной. В 1936 г. «выяснилось», что латинизированный алфавит для коми языка — «выдумка» «национал-шовинистов» типа В. И. Лыткина и И. И. Оботурова. Решено было вновь вернуться к заклейменному ранее как националистическому молодцовскому алфавиту, который и употреблялся до 1939 г.

С 1 октября 1936 г. Молодцов стал преподавателем кафедры коми языка на курсах редакторов-переводчиков произведений классиков марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б), сотрудничал в ВЦК Нового Алфавита. С 1 апреля 1937 г. по совместительству работал по договору в Ленинградском отделении Центрального Института языка и письменности народов СССР. По заключенному с Коми научно-исследовательским институтом договору Молодцов передал в КНИИ две свои работы: «О существительных и прилагательных в языке коми и удмурт» и «О композита коми языка».

С конца 1937 г. В. А. Молодцов работал в Вологодском пединституте. Он планировал защищать кандидатскую диссертацию «Возникновение и развитие социальных терми-

нов» в Ленинградском отделении Центрального Института языка и письменности народов СССР. Он передал в ЛОЦИЯП текст своей диссертации, но дело продвигалось медленно. В марте 1938 г. Молодцов получил письмо, автор которого сообщал ему: «О судьбе Вашей диссертации пока ничего не знаю». В. А. Молодцов продолжал свои исследования. В апреле 1938 г. он писал, что подготовленную им рукопись «Фонетика коми языка» читает видный советский лингвист Я. В. Щерба. Молодцов продолжал работать над грамматикой коми языка и отправил ее на отзыв Д. В. Бубриху.

2 июня 1938 г. директор Института языка и мышления академик И. И. Мещанинов направил диссертацию В. А. Молодцова в Вологодский пединститут, где тот работал, со следующим заключением: «Работа может быть представленной к защите как кандидатская диссертация лишь по исправлении ее согласно указаний рецензентов». Рецензенты — старшие научные сотрудники ИЯЛИ В. И. Абаев и М. П. Чхеидзе высказали ряд замечаний и подчеркнули, что В. А. Молодцов стоял на не вполне марристских позициях (а марризм, «новое учение», стал к тому времени «единственно верным» учением в языкознании): «...непоследовательное применение... принципов нового учения о языке», по мнению рецензентов, сделало некоторые суждения Молодцова «малоубедительными».

Переработать диссертацию В. А. Молодцов уже не успел. Еще недавно он называл «фашистом» и «контрреволюционером» В. И. Лыткина, а теперь его самого арестовали по обвинению в причастности к мифической «контрреволюционной организации», будто бы занимавшейся «вредительством» в деле культурного строительства. По клеветническим обвинениям В. А. Молодцов в числе многих других деятелей коми науки и культуры был осужден за «контрреволюционную деятельность» и отправлен в лагерь, находившийся в Верхнем Чове. Там Василий Александрович, осужденный на 3 года за то, что высказывался против введения латинизированного алфавита и отстаивал свой «националистический» молодцовский алфавит, встретился с И. Г. Коюшевым, получившим, помимо прочего, 3 года за то, что он с «вредительским умыслом» осуществлял замену этого самого молодцовского алфавита латинизированным алфавитом. Как говорится, пути господни неисповедимы...

В лагере В. А. Молодцов занимался изготовлением дощечек для ящиков... Вместе с учеными этим же занимались писатель В. Т. Чисталев и другие... Слабое здоровье Молодцова не выдержало лагерной жизни... 31 августа 1940 г. он скончался в Верхнечовском лагере. Спустя 27 лет, в 1957г., Верховный суд РСФСР постановил реабилитировать В. А. Молодцова за отсутствием состава преступления.

В 1933 г. языковед профессор Л. Жирков писал: «...т. Молодцов с научной стороны должен оцениваться как серьезный научный работник — лингвист, имеющий огромные заслуги в развитии национальной письменности коми. Эти его заслуги не должны быть забыты представителями его родной национальности».

Глава 9. ПОЭТ, КРАЕВЕД, ЖУРНАЛИСТ

Сейчас о нем мало кто знает. Между тем А. А. Чеусов — поэт, краевед, журналист, общественный деятель — был в свое время достаточно известным человеком. Он принадлежал к числу немногочисленных местных интеллигентов, с именами которых неразрывно связано культурное развитие Коми края в первые десятилетия нашего века.

Алексей Александрович Чеусов родился 3 (15) октября 1882 года в селе Выльгорт (деревня Грезд) в крестьянской семье. Его отец занимался изготовлением телег и саней и владел хозяйством, отнюдь не выделявшимся своим богатством. С самого раннего детства Алексей тянулся к знаниям и в 7 лет поступил в Выльгортское начальное училище, уже умея читать. После трех лет учебы, получив «за отличные успехи» в подарок евангелие, он в 1893 году перешел в двухклассное Усть-Сысольское городское училище. Интересы его явно выходили за пределы общего курса обучения. Как вспоминал сам Алексей Александрович, он «с 1895 г., тринадцати лет, засел за книги по философии и науке, прикладным дисциплинам: литературе, языкознанию и педагогии (педагогике)». Тогда же Чеусов начал заниматься иностранными языками. В 1897 году Чеусов закончил училище «первым учеником», решил продолжить учебу и в августе 1898 г. поступил в Тотемскую учительскую семинарию.

Ко времени учебы в Тотьме, по словам Алексея Александровича, относится начало его занятий литературой (с 1899 года). Несколько написанных им тогда стихотворений были позднее опубликованы; многие произведения Чеусов по какой-то причине сжег в конце 1902 года.

В 1900 году Чеусов установил переписку с видным коми ученым Г. С. Лыткиным, жившим в Петербурге. Лыткин оказал огромное влияние на Алексея Александровича (иногда его называли даже «духовным отцом» Чеусова). Знакомство с Георгием Степановичем способствовало усилению интереса Чеусова к коми филологии и этнографии. Чеусов навсегда сохранил глубокое уважение к Лыткину. Лыткин читал стихотворения Чеусова, был их первым редактором. Именно после редакции Лыткина стихотворения Чеусова были опубликованы в журнале «Этнографическое обозрение». Как отмечал в своих воспоминаниях Алексей Александрович, под влиянием Лыткина он стал писать по-коми.

В апреле 1901 г. Чеусов ушел из семинарии, жил в Выльгорте, работал в хозяйстве отца. По его словам, именно в 1901 году он начал заниматься наукой, но в чем конкретно выражались эти занятия, точно не известно. Возможно, Алексей Александрович имел в виду свою встречу с известным финским лингвистом Вихманом, посетившим Коми край. Вихман побывал в Усть-Сысольске, Выльгорте, Визинге и других селах, изучал диалекты местного населения и фольклор народа коми (сказки, песни, загадки). Алексей Александрович оказал ему определенную помощь.

Осенью 1901 года А. А. Чеусов держал в Усть-Сысольске экзамен на звание учителя начальных классов и получил право преподавания в школе. В сентябре 1902 года он стал помощником учителя в селе Усть-Кулом. В феврале 1903 года его перевели из Усть-Кулома в Койгородок.

В 1903 году Чеусов познакомился и завязал переписку с К. Ф. Жаковым (он, как и Г. С. Лыткин, жил тогда в Петербурге) и другим коми ученым, этнографом В. П. Налимовым (оба они были земляками Чеусова, выльгортцами). С Налимовым у Алексея Александровича установились особенно тесные, дружеские контакты. Продолжал он поддерживать связь и с Г. С. Лыткиным. Первым резуль-

татом изысканий Алексея Александровича в области коми филологии стало «открытие» «филологического закона о движении коми языка и народа», как он позднее писал в своей автобиографии (Чеусов вообще питал склонность к высокопарным оборотам речи). Посвященная этому заметка А. А. Чеусова «К зыряноведению» была опубликована в 1904 году в авторитетном московском научном журнале «Этнографическое обозрение». Но в ней — и это нельзя не признать — нашли отражение не столько какие-либо действительные научные обобщения, выводы, сколько стремление автора изучать коми язык. Там же были напечатаны 4 стихотворения, которые были отобраны Лыткиным из десятков. В 1903 году в Вологде был издан сборник стихов, написанных на русском языке (29 стихотворений), озаглавленный «Стихотворения зырянина».

Уехав из Койгородка в Выльгорт, Чеусов некоторое время жил с родителями, а в 1905 году уехал в Устюг, где нашел работу в конторе какого-то склада. Зная тяжелое положение коми крестьянства, Чеусов критически оценивал существующий строй, видел необходимость его изменения и, в частности, обеспечения права национальных меньшинств на свободное развитие своей культуры. По его словам, он и В. П. Налимов «еще в 1903—1905 годах... осознали необходимость культурно-национального самоопределения коми народа, коми автономии».

Летом 1905 года Чеусов принимал участие в революционных выступлениях в Устюге и Тотьме (возможно, распространял листовки — точных сведений об этом нет). В октябре он приехал в Москву, намереваясь поступить в вуз (в какой именно — не известно), но не был принят. Потом Чеусов долго жил в Выльгорте, никуда не выезжая (за исключением разве что соседнего Усть-Сысольска). Согласно его воспоминаниям, в эти годы «источником жизни остались физический труд в хозяйстве отца и частная адвокатура» (о какой адвокатуре шла речь, не ясно — юридического образования у Чеусова не было). При этом

Алексей Александрович не оставлял занятий самообразованием. Он держал связь не только с В. П. Налимовым и К. Ф. Жаковым, но и с этнографическим отделением Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве, с финноугорским обществом в Гельсингфорсе (Хельсинки) — в частности, по некоторым сведениям, с Вихманом и Сирелиусом. К. Ф. Жаков искренне интересовался Чеусовым и его деятельностью; в одном из своих писем он, как сообщает А. А. Савельева, писал Алексею Александровичу: «Надеюсь на тебя, ты будешь продолжателем моего дела».

Размышляя о проблемах культуры, образования, просвещения, А. А. Чеусов, сожалея о невежестве массы населения, пришел к невеселому выводу о том, что российская культура не дошла и при сохранении подобного положения дел «по-видимому не дойдет» до коми народа. Выступая по этому поводу на заседании усть-сысольского земского собрания в 1911 году, Чеусов заявил, что «в современном капиталистическом строе... надо родиться сразу культурным человеком», а ни один выходец из простого народа не сможет дорасти до высот «аристократической культуры». «Блестящий век культурной истории России... XIX век, для коми, зырян, по-видимому, пройдет как одно жалкое воспоминание и то для немногих его сынов, не говоря уже о народе»,— с горечью сказал Алексей Александрович. Он выразил надежду на формирование в будущем «демократической культуры», имея в виду, вероятно, резкое повышение культурного уровня всего коми населения. Пока же, констатировал Чеусов, Коми край может попасть лишь на периферию российской культуры, да и то если принять неотложные меры для его культурного развития.

Низкая культура населения заставила А. А. Чеусова пересмотреть свои взгляды на необходимость культурно-национального самоопределения коми народа, и он категорически заявил: «Для коми, зырян, нет почвы ни для

квасного зырянского патриотизма, ни для «культурно-национального» так называемого самоопределения, по меньшей мере в переживаемое время». Тем самым Чеусов полагал необходимым вначале заняться просвещением местного населения, а уже затем поднимать вопросы об автономии. В 1916 г. он служил в армии.

Грянула февральская революция, свергли царя. Создавались новые органы власти. Чеусов, работавший с марта волостным писарем в Выльгорте, принял активное участие в этом. С апреля до июня он был членом и членом-секретарем Усть-Сысольского уездного временного комитета, секретарем Выльгортского волостного комитета. Руководство комитетами находилось, однако, в руках бывших царских чиновников, не желавших каких-либо демократических преобразований.

Стремясь сплотить передовые круги местного населения, А. А. Чеусов активно участвовал в организации в Усть-Сысольске и Выльгорте «Общества обновления местной жизни» (в частности, в обсуждении и принятии его Устава). Его избрали на I съезде Советов Усть-Сысольского уезда, проходившем в марте 1918 года, в уездный исполком.

В июне 1918 года в Коми крае возникла организация левых эсеров (как писал сам Чеусов, «левая фракция партии левых эсеров»), в то время — партнеров большевиков по правительственной коалиции. А. А. Чеусов вступил в нее и был избран в состав ее руководства (комитета). Правда, оставался он левым эсером недолго, лишь до октября 1918 года, после чего вышел из партии. Этот краткий эпизод, однако, позднее сыграл едва ли не роковую роль в его судьбе... Чеусов, как представляется, не был убежденным эсером. Его увлечение левоэсеровской идеологией было характерным для значительной части коми интеллигенции. В крестьянском крае убедительно сформулированная аграрная программа эсеров заслуженно пользовалась большой популярностью.

В 1918 году в Усть-Сысольске начала издаваться газета

«Зырянская жизнь», которую редактировал В. А. Савин. Чеусов подключился к работе в газете, и, хотя он не был штатным сотрудником, очень скоро выяснилось, что журналистика — едва ли не главное его призвание. Позднее Савин рассказывал Савельевой о своей совместной работе с Алексеем Александровичем: когда материалов не хватало, «мы, случалось, вдвоем ночью заполняли газету под разными именами». В 1924 году было издано их совместное произведение — «Гора Омра» (чукӧра висьталӧм-сьылӧм) — (Звонкая дудочка, коллективно-хоровая декламация). Это произведение было посвящено трехлетию Коми автономии и представляло собой своеобразную литературно-художественную композицию, включающую песни, стихи, монологи-обращения.

В июле 1918 года Чеусова направили в Устюг, где он работал около двух месяцев в исполкоме Совета Северо-Двинской губернии, затем вернулся домой и занялся преподавательской работой. Жизнь остро поставила на повестку дня проблему просвещения: Коми край очень нуждался в образованных людях. Для вставших перед народом огромных задач создания новых национально-государственных, экономических и культурных отношений знающих людей катастрофически не хватало. Просвещением Чеусов занимался самым активным образом. Алексей Александрович вошел в состав объединения «Коми гижысь чукӧр» уездного отдела народного образования (на работу в ОНО его рекомендовали члены уисполкома А. А. Маегов и Е. М. Мишарин), занимавшегося проблемами создания коми письменности и литературного языка, преподавал коми язык в школе 2-й ступени (с 23 февраля 1919 года), школах для взрослых, среди красноармейцев (с января 1920 года), в 1919 и летом 1920 года читал лекции на учительских курсах. Кроме того, он являлся товарищем (заместителем) председателя уездного профбюро, заведовал лекторским бюро уездного политпросвета, участвовал в съездах Советов; даже в военно-приемочную ко-

миссию его привлекали (помня, видимо, о том, что он был военкомом Северо-Двинской губернии). Всем этим Чеусов занимался с искренним интересом. Недаром, отвечая на вопрос «Склонность к роду занятий?», он указал едва ли не все: «Наука, политика, экономика и культура».

После состоявшегося в сентябре 1920 года в Усть-Сысольске губернского съезда работников просвещения, в котором участвовал и Алексей Александрович, его командировали в Устюг на работу в губернский ОНО, где Чеусов пробыл полтора месяца, сотрудничая также в газете «Советская мысль». В ноябре 1920 года его направили в Усть-Сысольск в открывшуюся там губернскую совпартшколу помощником заведующего.

Для подготовки кадров в 1920 году решено было открыть в Усть-Сысольске Практический институт народного образования (ПИНО), первый коми вуз. Для его организации была создана специальная комиссия, в которую в декабре 1920 года включили и А. А. Чеусова. После открытия ПИНО в январе 1921 года Чеусов стал членом его правления, ответственным секретарем, заведующим учебной частью. По его инициативе при институте в октябре 1921 года был организован рабфак, и Алексей Александрович стал его деканом.

Чеусов стремился заниматься и научной работой — в 1921 году он участвовал в научной экспедиции на Вымь, сотрудничал в различных научных кружках (некоторыми из них руководил). ПИНО являлся тогда центром научной и методической работы в Коми крае.

Алексей Александрович не оставлял и работы в газете, касаясь в своих статьях и заметках самых насущных вопросов социалистического строительства, призывал решительно бороться против разрухи в экономике. Одна из его статей в «Зырянской жизни» (13 июня 1920 года) так и называлась— «На штурм экономической разрухи». «Зима 1920—21 года — первый решительный экзамен на зре-

лость строительства в жизни. Вся трудовая масса уезда — за дело и торжество коммунистического труда... Вперед на штурм! Долой разгильдяйство, кустарничество, дезорганизованность»,— пламенно призывал он. В эти же годы произошли значительные события в личной жизни А. А. Чеусова — он женился на А. А. Савельевой, у него родилась дочь.

В списке членов-учредителей Общества изучения Коми края Чеусова нет. Но вступил в ОИКК он одним из первых, уже в мае, принимал участие в оргработе — обсуждении устава общества и т. д. В 1923 году он перешел в облфинотдел, в марте-августе того же года являлся членом президиума облплана, затем вернулся к преподавательской деятельности в Усть-Сысольский педтехникум повышенного типа (так после реорганизации стал называться ПИНО).

1 октября 1923 года А. А. Чеусова избрали в Президиум (Правление) Общества изучения Коми края, 1 июля 1924 года он стал ответственным секретарем общества. ОИКК стало центром научной и краеведческой работы в Коми области. На заседаниях ОИКК обсуждались самые разные проблемы, вспыхивали дискуссии. Активное участие принимал в них А. А. Чеусов. Пожалуй, он чаще других выступал с докладами на разнообразные темы — его привлекали не только история и культура народа коми, но и разработка полезных ископаемых (один из докладов в обществе в 1925 году он посвятил месторождениям фосфоритов на Сысоле), финансовые вопросы (этому вопросу было посвящено выступление «Бюджет области и учет материальных ценностей» 18 января 1925 года), и районирование Европейского Севера СССР. Обсуждая перспективы создания Северной (или Северо-восточной) области с центром в Архангельске и вхождения в ее состав Коми области, Чеусов высказал отрицательное отношение к этому плану. Такого же мнения придерживались и другие краеведы. А. А. Чеусов, А. Н. Грен, Д. А. Батиев

считали, что Коми область не имеет экономических связей с Архангельском и что присоединение ее к Архангельску «будет значить обезличение Коми области и постепенное уничтожение автономии». Того же мнения придерживались, между прочим, и тогдашние руководители автономной области Коми. Позднее всем им — и краеведам, и политикам — пришлось горько пожалеть об этом...

Как один из руководителей ОИКК, А. А. Чеусов занимался организацией съезда краеведов Коми области, являлся секретарем и членом созданного перед съездом Временного коми областного бюро краеведения. На страницах газеты «Югыд туй» он опубликовал ряд заметок «навстречу съезду», в которых писал о насущных задачах организации краеведческой работы — о ее основных направлениях, о необходимости тесных контактов с государственными органами и учреждениями и т. д. На самом съезде (1-й Коми областной краеведческой конференции) Чеусов являлся одним из руководителей краеведческой секции, выступил с двумя докладами: «Коми краеведение» и «Информация по библиографии Севера и Коми области». По поводу первого доклада А. Н. Грен не без иронии заметил: «А. А. Чеусов, как всегда, очертил задачи коми краеведения в мировом масштабе» (видно, привычка замахиваться на решение глобальных проблем была у Чеусова весьма устойчивой). Библиографией Чеусов занимался постоянно, придавая этому большое значение: исследователь должен знать своих предшественников.

В мае 1926 года Чеусова командировали в Москву для работы в Комитете Севера при ВЦИК, корреспондентом которого он являлся и ранее. 15 мая он приступил к работе в Москве. Какое время Чеусов проработал там, не известно, вероятно недолго.

Чеусов представлял Общество изучения Коми края на различных съездах, курсах, собраниях (он выступал, например, с приветствием от ОИКК на открытии «курсов деревенских работников» в Усть-Сысольске в 1925 году.

На страницах газеты «Югыд туй» того времени можно встретить немало статей и заметок А. А. Чеусова — о Г. С. Лыткине и К. Ф. Жакове, о «полезных ископаемых Коми области», о деятельности института народного образования, о трудностях функционирования областного краеведческого музея, о недостатках в работе журнала «Коми му»... «Журнал «Коми му» скользит по поверхности коми жизни»,— писал Чеусов и призывал «показывать коми советскую деревню, коми город на первом плане; личным переживаниям и впечатлениям нужно предоставлять место на задворках». В этих словах выражена характерная для того времени упоенность процессом перестройки общественной жизни и известное пренебрежение к бытию отдельного человека; личное по сравнению с общественным, увы, прочно и надолго отходило на второй план, на задворки...

Чеусов выступал в печати и по поводу коми рытов (коми вечеров), беспокоясь об их судьбе. «Пылали в Усть-Сысольске коми рыты — культурные субботники. Мало было людей, но был достаточный революционный подъем для суточной работы непрерывно»,— писал он в 1925 году. Наблюдая затухание этой своеобразной формы развития национальной культуры, Чеусов испытывает беспокойство.

Ратуя за развитие культуры коми народа, Алексей Александрович выступал за публикацию сборников произведений коми писателей, за издание газеты и журнала коми писателей (журнал «Ордым» начал издаваться только в 1926 году), а также предлагал издавать журнал «Коми олӧм» (Коми жизнь), ориентирующийся на самые широкие слои населения.

Будучи командированным Обществом изучения Коми края, А. А. Чеусов ездил по районам области с целью изучения диалектов коми языка. Он сотрудничал в Комиссии по зырянизации, занимавшейся чрезвычайно важными в условиях Коми автономии проблемами: подбором на-

ционального состава служащих в различных учреждениях, расширением функционирования коми языка в делопроизводстве, разработкой коми шрифта и норм коми литературного языка, коми терминологии, введением обучения в школах на родном языке и т. д. Чеусов задолго до латинизации коми алфавита делал попытки использовать латинский шрифт при письме на коми языке. Он принимал участие в обсуждении принципов формирования литературного коми языка — в частности, в рамках дискуссии на страницах газеты «Югыд туй» в 1923 году и на конференции работников в том же году. Он предложил взять за основу нижневычегодский диалект коми языка (предложение это было отклонено).

Будучи учеником и продолжателем Г. С. Лыткина, Чеусов выступал с позиций так называемого «ва-коми» (т. е. чисто коми) языка, свободного от русских заимствований. Он не был одинок в своих воззрениях, его поддерживала группа литературных работников. В. И. Лыткин, критиковавший взгляды «ва-комистов», писал в газете «Югыд туй»: «Лыткинисты (ва-комисты), самым последовательным сторонником которых является А. А. Чеусов, ведут решительную борьбу со всякого рода руссицизмами в коми языке..., не признают русских оборотов речи, вошедших в коми язык». Свои взгляды Чеусов отстаивал на конференции Коми ассоциации пролетарских писателей в 1928 году, где наряду с другими обсуждались и вопросы строительства коми литературного языка, и, возможно, на Коми лингвистической конференции Главнауки в 1929 году. Участники последней, в частности В. И. Лыткин, справедливо критиковали позицию Чеусова, поскольку взаимное обогащение языков в процессе их контактов — нормальное явление в развитии любого языка, и абсолютно отвергать всякие языковые заимствования, пытаться заменить вошедшие в широкое употребление местным населением русские слова искусственным «изобретением» коми терминов — дело безнадежное и ненужное.

В то же время Чеусов был совершенно прав, выступая против того, чтобы русские заимствования вытесняли из литературной речи исконные коми слова (к сожалению, этот процесс можно наблюдать и сегодня).

Занимали Чеусова и вопросы развития поэтических возможностей и перспектив развития коми языка. «Коми словесность и словесно-мыслительное развитие народа коми зародились давно и не переставали развиваться и не перестанут до тех пор, пока будет носитель этого развития — народ»,— писал он.

Чеусов в своих работах отмечает, что с самого начала литература коми народа развивалась на двух языках. И. А. Куратова и Г. С. Лыткина он относит к «ва-коми» течению. В то же время, как он пишет, «русско-царские условия дали русский язык К. Ф. Жакова, М. Н. Лебедева». О себе он пишет так: «Лично я с 1899 года стал писать на обоих языках: русском и коми-кыв, ближе к вычегодскому говору. Отказаться от русского языка не мог и не могу».

Раздумывая о художественно-изобразительных средствах языка, Чеусов пишет, что коми язык богат тропами, таит в себе возможности создания поэтической, образной речи. «Ударение в коми языке на первом слоге. Стихи хореем и дактилем, не говоря о «белых» и народных формах, прекрасно уже построены, образцов достаточно»,— утверждает он. Высказывался Чеусов и относительно литературного коми языка: «За литературный поэтический язык, за «язык богов», больше всех из зырянских наречий отвечает вычегодское наречие, и в данном случае невольно я расхожусь с мнением г. [Г. С.] Лыткина, который стоит за грубый сысольский говор, далеко не поэтичный и в звуках своих выражений очень мало вмещающий музыкальных нежных ощущений».

Чеусов принимал активное участие в литературной жизни области. Ему принадлежат устные выступления и публикации в печати о творчестве коми писателей, о раз-

витии коми литературного языка. Так, в газете «Югыд туй» в 1923 году была опубликована статья Чеусова, посвященная произведениям В. Савина. А в статье «Варыш поз» (Соколиное гнездо — «Парма ёль», 1923, № 2) А. А. Чеусов характеризует поэзию В. Савина, В. Чисталева, А. Маегова, мечтая о создании развитой родной литературы, воспитании коми интеллигенции.

Как вспоминал И. Изъюров, в те годы Чеусов частенько спорил о поэзии, ее роли в жизни общества с Виктором Савиным. По словам И. Изъюрова, Чеусов критически относился к сочинениям Демьяна Бедного и им подобным, носившим часто прикладной, агитационный характер. Заземленность подобных стихов не устраивала его. «Разве это поэзия?— возмущался Чеусов.— Поэту надо быть выше людей». Чеусов выступал против создания Коми ассоциации пролетарских писателей, утверждая, что нет пролетарской литературы и не будет.

По воспоминаниям жены, Чеусовым была написана поэма в стихотворной форме «Пам Шыпича — Пам Бурмарт» со множеством лирических отступлений. (О работе над этой поэмой он упоминает и в одной из своих статей в 1923 году).

Не всё среди его произведений равноценно. Многое из написанного им не поднялось до поэтического обобщения, осталось на уровне дневниковых записей. Несмотря на камерность его поэзии, определенное художественное несовершенство, среди его стихотворений выделяется ряд произведений, подкупающих искренностью чувств и своеобразием образов. В стихотворениях «Родина», «На Сысоле», «Крестьянская жизнь», «Зырянская муза», «Жатва», «Коми нывлы», «Ме — велӧдысь» изображается Коми край, создаются образы крестьян, даются картины сельского труда, быта. Они согреты теплом авторского участия, его желанием изменить судьбу своего народа.

Мила своя природа
И года времена.
Я сын родной народа,
У нас душа одна,—

писал он в одном из стихотворений.

Образ крестьянина — человека из народа создается посредством портретных зарисовок, жанровых сцен:

Бредешь ли за сохою,
Косишь ли горбушею,
С тебя катится пот,
Зырянский мой народ!
И, до зари проснувшись,
Ты жнешь ли, весь согнувшись,
С тебя катится пот,
Несчастный мой народ.

Изображение природы родного края в стихотворениях Чеусова безыскусно, но оно передает живые и искренние чувства автора:

Вот Сысола родная
Бежит среди лесов,
Вот Вычегда большая
Уснула средь лугов!
Все просто в нашем крае!
Суровая зима,
Да снег в гнилом сарае,
Да грязная сума!
Весна в права вступила —
Природа хороша!
На родине жить мило,
Трепещет вся душа!

В некоторых стихотворениях присутствуют элементы

фольклорной стилизации, воплощающиеся в ритмике, слоге, образах:

Шондiбанӧй олӧмӧй,
Ичӧтдырся ворсӧмӧй
Ас кодь тшӧтшъя посникӧд!
Сӧмын тай ме мӧвпышта,
Ыджыд синваӧн бӧрддза:
Нэм помным тай котӧртӧ,
Ӧтарӧ тай лэбӧдӧ.

Эх, жизнь солнцеликая,
Детские игры
С друзьями-мальчишками!
Как только я задумаюсь,
Слёзы льются из глаз:
Спешит-катится конец
жизни.

Ст. «Сьыланкыв». (Подражание народному).

По воспоминаниям жены А. А. Чеусова, он занимался и литературными переводами с русского на коми. В областных газетах были опубликованы также прозаические фрагменты А. Чеусова — своеобразные публицистические эссе, где он размышлял о будущем коми народа, призывал к развитию коми культуры. В произведении «Гӧрд кодзув пи» (Красный звездный мальчик, 1926 г), написанном по мотивам сказки О. Уайльда «Звездный мальчик», автор пишет о том, что дети с самого рождения должны воспитываться в среде коми словесности, культуры народного быта, перенимая психологию родного народа. Эссе «Бипур бердын» (У костра, 1926 г.) Чеусов заканчивает патетически: «Возле костра мечутся искры — весело и сердито. Это горит-цветет новая коми жизнь. Появляются новые люди, песни, стихи. Принялась новая жизнь, кипит работа».

Таким образом, литературные опыты Чеусова по-своему выразили его чувства к Коми краю — своей родине, его веру в будущее коми народа.

В двадцатые годы Алексей Александрович активно выступал за развитие антропологических исследований в Коми области. Он критиковал ОИКК, облбюро краеведения и краеведческий музей за то, что они не проводили

антропологические исследования и не занимались их пропагандой среди населения, хотя, по его мнению, «антропология заслуживает того, чтобы она была выдвинута на первый план вместе с землеведением, как одна из главных основ истинного образования во всех школах и в жизне вне школы». Популяризации антропологии среди коми и ненцев Чеусов посвятил специальную статью в журнале «Коми му» (1926 год, № 5). Вероятно, по инициативе Алексея Александровича была образована антропологическая секция ОИКК.

Чеусов интересовался экономическими проблемами (он упоминал об имевшихся у него «в рукописях» научных трудах по этой тематике), долгое время работал над «Историей коми народа». Вероятно, именно эту книгу имела в виду А. А. Савельева, упомянувшая в своих воспоминаниях о том, что «был у Алексея Александровича большой многолетний труд, как он говорил, монография, которую он очень ценил». Приблизительно в 1927 году Чеусов решился приступить к постепенному изданию своего труда. Первой вышла из печати небольшая (16 страниц) брошюрка под названием «История коми народа (введение в 1 часть)». В ней Алексей Александрович постарался изложить свои взгляды на изучение истории коми народа, на трудности, стоящие перед исследователями, на перспективы исследований. Он писал, что для исследования «производительных сил Коми края и самого коми человека и народа» необходимо развивать краеведческую работу, создать «сеть научных учреждений» в Коми области, учредить «Коми академию наук и искусств». Все это потребует огромного напряжения сил, и «подрастающей смене научно-исследовательских и ученых бойцов коми народа остается грандиозное дело написания и издания истории коми народа... Край и народ ждут своих серьезных историков-социологов». Как видно из этих слов, Алексей Александрович отнюдь не считал, что своей книгой он исчерпывающе разрешит все проблемы истории наро-

да коми. Остальные части монографии Чеусов собирался издать в последующие годы, но...

С постепенным охлаждением отношения центральных и местных властей к краеведам возможности для публикации их работ резко сократились. «История коми народа», написанная А. А. Чеусовым, так и осталась в рукописи... Да что говорить об издании книг — даже на газетных страницах перестали появляться заметки Чеусова. Ему, как и многим другим краеведам, оставалось работать «в стол» да выступать на заседаниях ОИКК и различных собраниях. 5 мая 1928 года Алексей Александрович сделал в Обществе изучения Коми края доклад «О научных достижениях Коми области и о перспективах». В 1930 году А. А. Чеусов, Д. А. Батиев и А. М. Мартюшев выступили на торжественном заседании правления ОИКК по случаю 150-летия присвоения Сыктывкару статуса города. Собрание постановило «просить облисполком ассигновать нужные средства на издание исторических документов о коми народе и крае». Сообщение об этом появилось в пятом выпуске «Записок» ОИКК. Там же было сказано: «Подробный доклад о результатах выявления документов будет напечатан в ближайшем номере «Записок» общества». Но следующий номер так и не появился...

В конце 1932—1933 годах один за другим были арестованы В. И. Лыткин, Д. А. Батиев, А. М. Мартюшев и А. А. Чеусов. При аресте у Чеусова изъяли все рукописи, переписку, библиотеку с редкими научными изданиями и книгами русских и зарубежных классиков. Перерыли не только городскую квартиру А. А. Чеусова, но и дом его родителей в Выльгорте. Все изъятое безвозвратно пропало... Алексей Александрович был осужден и отправлен в лагерь близ Актюбинска (в Казахстане). В печати на него и других арестованных тут же обрушились с яростными нападками все, кто мог. И. И. Оботуров заявлял, что А. А. Чеусов и В. И. Лыткин — «верные интересам коми кулачества и буржуазии националистические элементы из среды коми интеллигенции». Г. А. Старцев клеймил «националиста» А. А. Чеусова, которого «агент финляндской буржуазии» ученый Вихман еще до революции (!) «под флагом краеведения» якобы втягивал в «создание панфинских объединений на буржуазной основе». Этих обличителей через 3—4 года постигла та же участь...

К сожалению, о жизни Чеусова в лагере ничего не известно. Года через четыре после ареста и осуждения он вышел на свободу и вернулся домой. Не следовало ему этого делать... Наступило грозное время «ежовщины», репрессии достигли максимума... В 1938 году были арестованы почти все активные коми краеведы и ученые, избежавшие ареста ранее, и многие из тех, кто уже побывал в лагерях. В число повторно арестованных попал и пятидесятишестилетний Чеусов. За ним пришли в 1938 году. Несколько месяцев длилось следствие. 13 февраля 1939 года Чеусов был осужден Верховным судом Коми АССР на 10 лет лагерей по делу «контрреволюционной организации — блока правых, троцкистов и буржуазных националистов», якобы действовавшей в Коми крае в течение 20 лет, с 1917 по 1937 год.

Обвинения почти не отличались от предъявленных ему в первый раз (так что в нарушение всех норм его вторично осуждали за одно и то же «преступление», к кому же несуществующее). Особо отмечалось, что Алексей Александрович — «эсер, имевший близкие связи с реакционными кругами» (под последними имелись в виду, вероятно, Г. С. Лыткин и К. Ф. Жаков). Одной из задач, которые якобы преследовала «контрреволюционная организация», было вредительство «на культурном фронте». Чеусова, посвятившего всю жизнь культурно-просветительской и педагогической работе, и его товарищей изобличали в том, что они препятствовали ликвидации неграмотности, насаждали в школах малограмотных и антисоветски настроенных учителей, намеренно плохо преподавали русский язык...

На этот раз Алексей Александрович оказался вблизи от дома, в Пезмогском лагере. Утешало ли его это?.. В заключении Чеусов старался не падать духом, подбадривал товарищей по несчастью. Н. И. Воробьев, преподаватель из Керчемьи, находившийся с ним в одном лагере и доживший до освобождения, говорил об Алексее Александровиче: «Он один поддерживал наш дух в лагере». Но возраст, лишения, тяжкий физический труд сделали свое дело, и в 1940 году А. А. Чеусов ушел из жизни. Было ему тогда 58 лет. После него остались вдова и маленькая дочь...

Имя А. А. Чеусова надолго исчезло под сумраком смутного времени. Лишь в конце 1950-х годов оно стало появляться в печати, но с весьма резкими, недоброжелательными эпитетами. Пожалуй, только П. Г. Доронин, на себе испытавший ужас сталинских лагерей, сохранил добрую память о Чеусове и искренний интерес к его творчеству. Именно он убедил вдову Алексея Александровича подать в 1965 году заявление о реабилитации Чеусова. 18 марта 1967 года определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР приговор, вынесенный в 1939 году, был отменен, и Алексей Александрович Чеусов был реабилитирован за отсутствием состава преступления.

Глава 10. ЗАБЫТОЕ ИМЯ

Сегодня имя этого человека основательно позабыто. Между тем, жизнь Георгия Афанасьевича Старцева заслуживает того, чтобы о ней рассказать. Он был первым профессиональным коми этнографом, написал более двух десятков научных работ, в том числе несколько книг, входил в число первых преподавателей Коми государственного педагогического института, активно участвовал в краеведческой работе.

Родился Георгий Афанасьевич Старцев 21 февраля 1902 года в небольшой деревеньке Катыдпом на Выми (в 1920 году в ней было всего 33 двора и 155 жителей), лежащей недалеко от волостного села Онежье Яренского уезда (ныне это Шошецкий сельсовет Княжпогостского района).

Крестьянская семья Старцевых не отличалась особым достатком. Как и все крестьянские дети, Георгий с ранних лет постепенно приобщался к нелегкому труду земледельца. В своей автобиографии он писал, что с пяти лет помогал родителям в полевых работах, пас скот. И позже, уже когда учился, приезжал на лето к родителям помогать в горячую летнюю страду — в крестьянском хозяйстве каждые руки были на вес золота. К 15—16 годам поэтапно, с помощью родителей, крестьянские мальчики и девочки осваивали все виды работ, становились полноценными работниками.

Хорошее знание жизни коми села «изнутри», во всем богатстве ее проявлений и взаимосвязей, впоследствии очень пригодилось Старцеву в научной работе. Возможно, именно оно привело крестьянского сына, и не подозревавшего о существовании такой науки как этнография,

на путь ученого-этнографа. Во многих статьях Старцев опирался на обычаи, обряды, фольклор родных мест.

Отец Георгия был грамотным человеком, что в то время было редкостью (в 1897 году, например, среди сельских жителей Яренского уезда грамотой владели всего лишь 21,4%, а в Усть-Сысольском уезде и того меньше — 14,5%). После революции он работал учителем. Отец и научил сына читать и писать и, по-видимому, привил любовь к чтению, желание учиться. Церковно-приходская школа в Онежье, куда в 1910 году отдали учиться Георгия, обширных знаний дать не могла: местный священник учил детей лишь грамоте, арифметике да закону божьему. В 1916 году Георгий предпринимает первый серьезный самостоятельный шаг: вопреки желанию родителей, хотевших отдать его в Соловецкий монастырь, уходит учиться в двухгодичную школу в с. Гам. (Это была единственная школа такого типа на весь уезд, оттого и отправился подросток в дальний путь). Там юноша и встретил революцию, круто изменившую жизнь его поколения.

Осенью 1918 г. Г. Старцев поступил в Усть-Вымскую учительскую семинарию. Но проучился недолго: начиналась гражданская война. К тому времени, по-видимому, молодой Старцев уже сделал свой выбор. В мае 1919 года он уходит добровольцем в Красную Армию. В его автобиографии и личном деле, хранящемся в архиве Коми государственного педагогического института, об армейской службе — всего несколько строк: служил в Вашко-Мезенском полку рядовым, затем заместителем командира взвода полковой школы, переписчиком штаба полка. В декабре 1919 года был демобилизован как несовершеннолетний. Всего семь месяцев длилась его служба, вместившая, однако, столько событий, что иному хватило бы на всю жизнь.

Старцев пошел добровольцем, вероятно, в середине мая — в то короткое время, которое полк занимал оборону в его родных местах: на линии Турья — Усть-Вымь — Айкино — Яренск. Уже 6 июня полк был переброшен на Северную Двину и сразу вступил в оборонительные бои, был разгромлен, лишь часть его прорвалась из окружения (из личного дела Г. А. Старцева: в июле 1919 года вступил в ряды ВКП(б), выбыл из партии в августе. Причина: тиф, разгром полка). В конце октября, в разгар решающих боев с Юденичем, полк был переброшен под Петроград и сразу вступил в бой на важнейшем участке обороны под Детским Селом и Гатчиной. Армия Юденича была остановлена, а затем разбита.

Наступили мирные дни, и Г. Старцев возвращается к учебе. Он поступает на трехгодичные курсы в Яренске (это новое название переведенной сюда Усть-Вымской учительской семинарии). Но уже осенью 1920 года вновь прерывает учебу. В сентябре на I губернском съезде по просвещению зырян его вместе с Д. А. Батиевым и А. А. Молодцовой избирают в Народный комиссариат по делам национальностей, где они составляют зырянский (коми) отдел. В Москве, в скромной должности секретаря отдела, Старцев проработал недолго — до января 1921 года. Но эти несколько месяцев не прошли для него бесследно. Старцев оказался в самой гуще событий, связанных с подготовкой образования коми автономии. В 1920 году он стал комсомольцем, а в 1921 — вступил в партию. Как делегат от зырянотдела Наркомнаца принимал участие в I Всезырянском партийном съезде (8—13 января 1921 года) в Усть-Сысольске, где разгорелась оживленная дискуссия о Коми автономии.

Непосредственного касательства к работе по созданию Коми автономии он не имел — в феврале 1921 года вновь поступил учиться, на сей раз в только что открытый Институт народного образования в Усть-Сысольске, готовивший учителей для коми школ. Но и здесь он проучился недолго. В числе других коми студентов Георгий Старцев в сентябре 1921 года был направлен для учебы в Петро-

градский университет. В течение десяти лет судьба Старцева была связана с этим городом.

Приехал он туда девятнадцатилетним парнем со значительным жизненным опытом, но с минимальными знаниями, а уезжал хорошо подготовленным ученым-этнографом, опытным преподавателем, имеющим солидные научные труды.

Годы учебы были очень насыщенными. В то время студентам представлялась гораздо большая свобода выбора, чем в наши дни. Старцев, например, наряду с университетским курсом по обще-педагогическому отделению записался вольнослушателем в Археологический и Географический институты. Ему повезло с учителями. Своими фундаментальными познаниями в этнографии он прежде всего обязан выдающимся этнографам В. Г. Богораз-Тану и Л. Я. Штернбергу. В. Г. Богораз организовал издание нескольких сборников студенческих работ, написанных на материалах этнографических экскурсий. Первый из них, «Революция в деревне», вышел в 1924 г. В нем опубликована и статья Г. Старцева «Революция и зыряне». Автору в то время было всего 22 года, и это была уже вторая его печатная работа.

Статья эта, конечно же, не претендует на глубокий анализ революции и гражданской войны в Коми крае. Но она интересна и сегодня прежде всего оценками очевидца событий (Г. Старцев, например, считал, что «начало гражданской войны у зырян» связано с образованием комбедов), наблюдениями за экономическим бытом в годы гражданской войны. Некоторые положения статьи молодого автора сегодня вызывают улыбку (он, например, неизвестно почему отнес к «кулацкой части зырянского населения» усть-сысольских и яренских мещан, ничем не отличавшихся по экономическому положению от крестьян). Но надо помнить, что это одна из первых попыток дать целостное описание переломного в истории края времени.

Быстро пролетели годы учебы. В 1924 году Старцев заканчивает университет. Начинается самостоятельная работа. Он остается в Ленинграде и занимается научной и преподавательской деятельностью.

Географический факультет ЛГУ, Институт народов Севера, Историко-лингвистический институт при ЛГУ, кафедра коми языка и литературы при ЛГПИ, учеба в аспирантуре — жизнь его была весьма загружена. В 1927 г. его посылают на трехмесячную стажировку в Германию и Финляндию. Старцев работает в библиотеках университетских центров этих стран, знакомится с постановкой преподавания и музейного дела. По работам Г. А. Старцева видно, что зарубежную финно-угристику он знал довольно основательно. В Финляндии познакомился с крупным финно-угроведом У. Сирелиусом. Тогда, в конце 20-х г. Старцев писал о нем как о «крупнейшем специалисте в области материальной культуры (и ее истории) угро-финских народов», об «ученом с мировой известностью».

В 20-е г. Старцев практически ежегодно совершает экспедиционные поездки. В экспедициях, а также в знакомых с детства реалиях быта коми деревни черпал Г. Старцев темы и материал для своих работ. А ленинградский период был для него исключительно плодотворным. Уже закончив университет, он публикует статьи «Комсомол Области Коми» (одна из первых попыток написания еще недолгой истории Коми комсомола), «Свадебные причитания зырян» и «Некоторые данные о браке и свадьбе остяков» в следующих выпусках студенческих работ, ряд статей в других сборниках. В 1927 г. совместно с ленинградским этнографом Н. Н. Поппе публикует первую книгу: «Финно-угорские народы». Затем следует еще несколько книг: «Остяки» (1928), «Самоеды» (1930), «Важӧн и ӧні» — транскрипция авторская. (Прежде и теперь. Очерк по истории и этнографии коми народа) (1929). В основу последней книги, по-видимому, положен большой очерк «Зыряне», написанный на русском языке. Кро-

ме того, готовит рукописи словарей хантыйского и ненецкого языков. Пробовал он себя и в литературе: писал стихи, закончил повесть «Охотник Кон Педь» из быта коми охотников. Правда, повесть получилась плохой — литературных способностей у автора не оказалось.

Здесь будет уместным хотя бы кратко оценить научные работы Г. А. Старцева. Что прежде всего бросается в глаза,— так это разнообразие тематики его книг и статей: от небольших работ, посвященных узким сюжетам, например, древнекоми денежному счету до обзорных очерков по отдельным народам. Он занимался не только этнографией, но и лингвистикой, причем писал статьи не только по коми языку, но и брался за составление словарей по языкам, которые плохо знал (ненецкому и хантыйскому). В какой-то степени это связано, вероятно, с тем, что специалистов было мало, а поле деятельности для этнографа и лингвиста огромно. Такая разбросанность не могла не сказываться на качестве работ — многие из них довольно поверхностны.

Старцев не был аналитиком. Когда он касался теоретических вопросов, то зачастую просто излагал различные точки зрения на проблему, не сопровождая их авторским комментарием. Либо брал готовую схему и «наполнял» ее конкретным материалом (наиболее яркий пример — статья «К классификации пережитков и обрядов коми народа»). Подавляющее большинство этнографических работ Старцева — чисто описательного плана. В них он где более, где менее подробно излагает различные сведения о быте и культуре коми, ненцев, хантов. Ценность его лучших работ — книг «Самоеды» и «Остяки» в том, что они одними из первых в советской этнографии дали довольно подробное описание этих народов. Многие из приводимых им сведений, собранных в экспедициях, полученных из бесед со студентами, представляют интерес и в настоящее время. Нельзя не отметить и то, что Старцевым написан первый в советское время очерк по

этнографии коми. Нужда в такой книге была велика, если учесть, что до революции по этнографии коми на русском языке была издана всего одна обобщающая работа — «Зыряне и зырянский край» Клавдия Попова в 1874 году. Не случайно Старцев использовал свою книгу как учебное пособие, когда позже читал лекции в Коми педагогическом институте.

В июле 1930 г. Старцев приезжал в Сыктывкар, дважды выступал на заседаниях бюро краеведения о связях с Академией, тогда же он был выдвинут представителем при Академии наук от краеведческих учреждений Коми области. Но сведения о том, сделал ли он что-либо реальное в качестве такового, не известны. Мне кажется, что Г. А. Старцев, будучи довольно высокого мнения о своих заслугах (он ко всему прочему в 1927 г. был избран членом Центрального бюро краеведения от Ленинграда), относился несколько свысока к своим провинциальным коллегам.

Судьба Старцева круто изменилась в 1932 г., и связано это с образованием Коми педагогического института. В связи с этим Президиум Коми облисполкома ходатайствовал о закрытии коми отделений в педагогических институтах Ленинграда и Вологды и переводе их в Сыктывкар. Эта инициатива была поддержана в Народном Комиссариате просвещения. Преподавателей, в том числе и Старцева, и часть студентов перевели в Сыктывкар.

Уже 16 января 1932 г. Г. А. Старцев был зачислен в штат новорожденного института в должности зав. учебной частью и зав. кафедрой истории. Однако он вовсе не хотел ехать на работу в Сыктывкар, и тому были серьезные основания. В Ленинграде оставались дом, семья. Но основные свои опасения Старцев сформулировал в письме руководству института от 29 октября 1932 г.: «Заранее чувствую, что для научно-исследовательской работы институт не создал и не стремится создавать условий. Это для меня и других молодых научных работников — явная

преждевременная смерть...» Он не считал преподавательскую работу основной, стремясь к исследовательской деятельности.

Г. А. Старцев все же был вынужден приехать в Сыктывкар. Вольно или невольно ему приходится включаться в работу по налаживанию работы института. Он пишет программы по курсам коми фольклора и этнографии, используя старые ленинградские записи. В апреле 1932 г. его назначают руководителем секции национальной культуры и быта. Бюро производительных сил и краеведения АО. Но сам Г. Старцев рассматривает свою работу как временную и при первой же возможности стремится вернуться в Ленинград. Он жалуется на маленькую зарплату, тянет с возвращением из отпуска, даже подает заявление об увольнении в Наркомпрос. Но все его попытки тщетны. Государственная машина убедительно доказывает ему, что он всего лишь винтик, упорно возвращая его на отведенное место.

Толку, конечно, от такого способа закрепления преподавательских кадров было мало. Старцев работал без всякого желания. Ему объявляли выговоры за неявку на занятия, за то, что он не проводил заседаний кафедры и не вел методической работы. Не улучшали настроения и сложности в работе, неизбежные для молодого вуза. В конце концов в сентябре 1935 г. доцент Старцев был уволен «за невозможностью нагрузить его по специальности» (что соответствовало истине).

Но без работы Старцев не остался. Еще в июне 1933 г. он был по совместительству назначен директором областного музея, а с 1935 г. на недолгий срок эта работа стала для него основной. Сам Старцев писал, что «до 1938 г. музей переживал собирательную стадию, недостаточно заботясь о политической роли музея», подразумевая, что с его приходом лицо этого культурного учреждения изменится. Возможно, у него и были идеи по перестройке музейного дела, но на практике в работе музея мало что

изменилось. Однако при Старцеве работа пошла активнее. Чаще стали устраиваться выставки, возросла посещаемость, была продолжена работа по сбору материалов. Не исключено, что со временем Старцев вырос бы в крупного музейного работника.

Старцев не прекращал исследовательской деятельности. Но сыктывкарский период не идет ни в какое сравнение с ленинградским. За годы жизни в Сыктывкаре Старцевым не опубликовано ни одной значительной научной работы. Он продолжал работать над несколькими темами, начатыми еще в Ленинграде: собирал и систематизировал материал для труда по истории коми литературы (но сам труд так и не написал), подготовил работу по коми фольклору.

Педагогическая и административная деятельность оставляли достаточно времени для научной работы. Правда, немало сил отнимала общественная работа. В Ленинграде Старцев был рядовым ученым, здесь же он был на виду. Ему постоянно приходилось готовить доклады, выступать с лекциями, заседать на различных собраниях.

Сам Старцев постоянно жаловался на отсутствие нужной литературы. Для него это было действительно серьезным препятствием в работе. Но все же эти трудности были вполне преодолимы и не объясняют снижения исследовательской активности.

Главное в другом. В начале 30-х нарастают неблагоприятные явления в общественных науках. Набирает силу борьба с «национал-шовинизмом». Научная дискуссия подменяется навешиванием политических ярлыков. По всей стране нарастает истерия поисков «врагов народа».

Коми область, разумеется, не была исключением. Всячески поносилось Общество изучения Коми края, прекратившее свое существование. Был закрыт журнал «Коми му», объявленный «органом пропаганды националистических идей». А ведь Г. Старцев был одним из активных авторов этого издания. Под огонь критики попал и пед-

институт. В марте 1935 года в газете «За новый Север» появляется письмо «бригады студентов», больше смахивающее на политический донос, в котором сообщается, что в институт «проникло много классово-чуждых людей», на преподавательскую работу «принимали троцкистов, классово-чуждых и бытово-разложившихся элементов». В числе этих «элементов» фигурировал и Г. Старцев. Через три месяца институт и его бывшего директора Шулепова, «двурушника, классового врага», громит завкультпропом Севкрайкома ВКП(б) Хорошко. Одна за другой появляются статьи, разоблачающие происки «национал-шовинистов» и «троцкистов» из среды местной интеллигенции, партийных и советских работников.

В среде интеллигенции устанавливается атмосфера подозрительности, недоверия. Тот, кто сегодня громил националистов, завтра сам мог попасть и попадал под огонь критики. Надо иметь в виду, что в маленьком городе круг интеллигенции был невелик, все знали друг друга. И тем не менее выдвигали против своих коллег совершенно вздорные обвинения.

Г. А. Старцев, разумеется, не оставался в стороне. В его многочисленных отзывах на работы местных ученых то и дело встречаются политические обвинения. Он, например, резко критиковал вышедшую в 1930 г. книгу И. И. Разманова «Коми кыв», охарактеризовав автора как «агента из шовинистического лагеря». Апофеозом его «борьбы с национал-шовинизмом» была статья в газете «За новый Север» от 20 июня 1935 г. «Критиковать и собственные ошибки» (в рукописи она называлась более хлёстко «Огонь по двурушникам-националшовинистам»). В ней он даже пытается дать периодизацию «буржуазно-националистического движения», не имеющую ничего общего с наукой. В статье достается всем: и купцам Н. Латкину с М. Сидоровым, для которых «помощь мелким народностям...— прикрытие для более жестокой эксплоатации»; и финским ученым (в том числе Кастрену, Вихману,

Сирелиусу), которые, оказывается, были агентами финской буржуазии и «сидели в тундрах» для того, чтобы втягивать местную интеллигенцию «в оппозицию против царизма и за создание панфинских объединений на буржуазной основе»; и Г. С. Лыткину с К. Ф. Жаковым, которых Старцев характеризует как «прямых реакционеров, миссионеров, вышедших из слоев коми кулачества». Г. А. Старцев «разоблачает» и своих современников, «националистов» В. Лыткина, А. Чеусова, А. Сидорова, В. Молодцова и других. Оценки многих деятелей культуры в статье разительно отличаются от тех, которые давал им Г. Старцев в 20-е гг. (достаточно вспомнить весьма объективную оценку Сирелиуса).

Не берусь исчерпывающе объяснить мотивы, по которым Г. Старцев громил «национал-шовинистов». Мне представляется, что, обладая догматическим мышлением, он слепо следовал официальным установкам. Догматизм был присущ немалой части интеллигенции, воспитанной в 20-е годы (о его истоках, о причинах смещения нравственных норм, о трагедии национальной интеллигенции в годы сталинизма — разговор особый, далеко выходящий за рамки небольшого очерка). Но единственная ли это причина? Может быть, в середине 30-х г., явственно понимая, что репрессивная машина добирается и до него, Старцев пытался спасти себя? А то, что круг сужается, Старцев, судя по всему, понимал. Уж слишком много «грехов» за ним числилось: и поездка в Германию и Финляндию, что автоматически вело к обвинениям в шпионаже в пользу этих государств, и многочисленные знакомства с уже репрессированными, и то, что у него в музее работали ссыльные и выходцы из непролетарской среды. Сюда надо добавить несложившиеся отношения с некоторыми представителями местной интеллигенции, неустроенность быта, нежелание жить в Сыктывкаре, чтобы понять, что настроение у Старцева было далеко не радужное. Какая уж тут работа! Он даже помышлял о том,

чтобы покончить жизнь самоубийством.

Опасения Старцева были не напрасны. Его дело рассматривает бюро ОК ВКП(б), 20 августа 1936 г. он был исключен из партии, а уже 25 августа снят с должности директора музея. Ему вменялась в вину связь с «административно высланными шпионами и активными буржуазными националистами», которые уже были арестованы. Но ареста самого Старцева сразу не последовало. Еще более года он пробыл на свободе, без работы, под наблюдением НКВД, задерживающего его арест «по оперативным обстоятельствам». Только в 1938 г. Старцев был арестован. Он проходил, пожалуй, по самому крупному в Коми АССР сфальсифицированному делу о «контрреволюционной организации блока правых, троцкистов и буржуазных националистов» во главе с первым секретарем ОКВКП(б) А. А. Семичевым и другими партийными и советскими руководителями республики. В июле 1938 г Г. А. Старцев был осужден военным трибуналом войск НКВД Уральского военного округа на 10 лет лагерей. Но для того времени ему удалось совершить почти невероятное — добиться пересмотра дела и оправдания (ему, вероятно, просто повезло: пересмотр приходится на тот период, когда пришедший к руководству НКВД Берия из тактических целей ненадолго ослабил репрессии). Но НКВД так просто не собиралось отпустить свою жертву. Была проведена экспертиза этнографических работ Старцева, в них был найден национализм, и автор снова попал под суд. Особое совещание НКВД в сентябре 1940 г. приговорило Г. А. Старцева к 5 годам ссылки, которую он отбывал в Красноярском крае. О его дальнейшей судьбе ничего пока не известно. К научной и преподавательской работе он не вернулся. Жизнь, так хорошо начинавшаяся, была сломана. В ряду потерь, понесенных коми интеллигенцией в годы сталинского террора, должно стоять и имя Г. А. Старцева. Остается добавить, что в 1956 г. он был реабилитирован, а в 1989 г. восстановлен в партии.

Глава 11. ВЕТЕРАН КОМИ КРАЕВЕДЕНИЯ

Андрей Андреевич Цембер известен как основатель Усть-Сысольского краеведческого музея и Коми областного архива, как издатель первых литературных сборников коми фольклора. Он родился 11 марта 1874 г. в Усть-Сысольске. Дед его был офицером польской гвардии, разжалованным в рядовые и сосланным в Усть-Сысольск за участие в польском восстании в 1830—31 гг. Дореволюционный период жизни А. А. Цембера достаточно хорошо известен. Учеба в приходской школе и городском училище, Тотемской учительской семинарии, преподавание в Керчемье и Усть-Сысольске, работа в усть-сысольской городской библиотеке-читальне, организация в Усть-Сысольске краеведческого музея и отделения Архангельского общества изучения Русского Севера, издание двух и подготовка третьего сборника коми фольклора, контакты с К. Ф. Жаковым, У. Сирелиусом и другими учеными, выпуск «Русско-зырянского словаря» заполнили первые 40 лет его жизни. В 1914 г. Цембер уехал в Вологду, через два года — в Юзовку (Донецк). Обратно на Север он вернулся только осенью 1918 г.

До Усть-Сысольска добирались на пароходе, где А. А. Цембер знакомится с первыми декретами советской власти, в том числе, с особым вниманием, как учитель и верующий человек, с декретом об отделении церкви от государства и школы от церкви. Новые законы молодого советского государства кажутся Цемберу удивительными, слухи о жестоких репрессиях большевиков в отношении гражданского населения заставляют Андрея Андреевича задуматься о возможном возвращении обратно в Юзовку. Но желание увидеться с семьей пересилило страх.

В октябре 1918 г. Цембер приезжает в Усть-Сысольск. По рекомендации крупного советского работника того времени Д. Я. Попова его берут на службу на должность делопроизводителя школьного подотдела отдела народного образования Усть-Сысольского исполкома. При оформлении на советскую службу Андрей Андреевич записывается как «сочувствующий РКП(б)», а в ноябре 1918 г. вступает в ряды РКП(б).

В это время Усть-Сысольский уисполком организует «Комиссию по собиранию и изданию зырянской литературы для школ и народа». В создавшихся после Октябрьской революции благоприятных условиях для развития культуры Коми края появилась возможность перейти к расширению функций коми языка. Необходимо было начать организацию преподавания в коми школах на родном языке (до революции такой возможности не было). Нужны были учебники, словари, художественная литература на коми языке. В комиссию по созданию родной литературы вошли В. А. Молодцов, Д. Я. Попов, В. И. Лыткин, В. А. Савин, Н. П. Попов (Жугыль), В. Т. Чисталев и другие. А. А. Цембер был секретарем комиссии, где протоколы собраний и переписку он вел на коми языке. Именно Цембер пишет «Воззвание комиссии», опубликованное в газетах «Зырянская жизнь» от 29 ноября 1918 г. и «Известия Яренского уездного Совета крестьянских депутатов» от 14 декабря 1918 г.

В 1919—20 г. Цембер подготовил и сдал в 1921 г. в Коми книжное издательство свой новый «Русско-зырянский» и «Зырянско-русский словарь», в котором было до 10 000 слов. В счет гонорара ему было выдано 2 пуда ржи. В 1924 г. «Русско-зырянский словарь» вышел в свет, но без упоминания имени А. А. Цембера как составителя словаря. Цембер возбуждает дело по обвинению сотрудника издательства Н. А. Шахова, под чьей редакцией вышел словарь, в плагиате и требует расследовать дело

в Коми областной контрольной комиссии. Комиссия, однако, решила дело в пользу Шахова.

Жизнь в 1918—20 г. в Усть-Сысольске была чрезвычайно трудной. Семья Цемберов обменяла на продукты все свои пожитки, оставив только самое необходимое. Детям приходилось просить милостыню. В какой-то мере от голода спасал Цемберов их большой дом, комнаты в котором они могли отдавать под наем. Впоследствии, в 30-е годы, этот дом еще сыграет свою роль при обвинениях Цембера.

А. А. Цембер в это тяжелое время часто менял работу. Одно время он работал также и учителем коми языка в совшколе 2-й ступени № 2, будучи первым учителем коми языка в Коми крае в советское время.

В мае 1919 г. уездный исполком и отдел народного образования командировали А. А. Цембера в Москву для занятия должности зав. зырянским отделом при народном комиссариате национальностей. До этого он уже был представителем зырянского народа на Всероссийском съезде вотяков в Казанской губернии в марте 1919 г. В Москве зырянский отдел в наркомнаце в это время по каким-то причинам не был создан, и Андрей Андреевич был назначен всезырянским инструктором в отделе просвещения национальных меньшинств. В Москве Цембер ведет активную общественную жизнь: участвует во многих митингах, слушает речи Л. Каменева, М. Калинина; публикует статью «Народное образование у зырян» в газете «Жизнь национальностей» в номерах от 27 июля и 3 августа 1919 г.

В августе Цембер принимает участие в работе Всероссийского совещания народов нерусского языка, где он был избран в президиум Совещания наряду с Ф. Дзержинским и А. Луначарским. Затем Цембер выезжает в Усть-Сысольск в командировку и по семейным обстоятельствам, а также из-за нашествия белых, в Москву уже не возвращается.

В октябре 1919 г Цембер поступает учителем в Мыргаибскую школу I ступени Ибской волости, рассчитывая снабжать семью продуктами (с. Иб было богатым и хлебным селом в те времена).

Именно тогда Цембер начинает кампанию борьбы против молодцовского шрифта, на котором печаталась коми литература.

16 марта 1920 г. А. А. Цембер организует учительский съезд в с. Иб, на котором принимается постановление «Долой молодцовский шрифт!». В постановлении, в частности, говорилось: «Предстоящий всезырянский съезд выбросит молодцовский шрифт вместе с автором. Всероссийское совещание народов нерусского языка... постановило выразить пожелание объединить все народы нерусского языка (а в будущем и русского языка) единым латинским шрифтом, а Молодцов создает новую китайскую перегородку». Уже будучи лектором 4-й губернской партийной школы, Цембер публикует в газете «Удж» статью «Злой враг коми народа», направленную против молодцовского шрифта, в которой, в частности, писал, что «Молодцов захотел быть зырянским апостолом и этот шрифт навязывает силой..., пользуясь безразличием и невежеством (в филологическом смысле)... членов Усть-Сысольского уисполкома и... тем, что сестра Молодцова была секретарем исполкома». Эта статья вынудила известного коми языковеда В. И. Лыткина выступить в защиту молодцовского шрифта и самого Молодцова. Статья Лыткина под названием «Друг» народа коми» была напечатана в той же газете «Удж», после чего редакция газеты решила прекратить дискуссию о молодцовском шрифте.

Цембер делает еще две попытки остановить печатание коми книг на молодцовском шрифте, публикуя в газете «Югыд туй» две статьи «Еще о зырянском языке» и «Еще о шрифте (дискуссионная)». В первой из них Андрей Андреевич в пылу дискуссии писал: «...Не нужно нам зырянского языка. Русский язык дал нам все. С зырянским языком далеко не уедешь. Так говорит интеллигенция... простой народ. А какие трудности представляет из себя зырянский язык с новым зырянским правописанием... Я начинаю соглашаться с теми, которые говорят, что зырянский язык — мертворожденное дитя». Позднее, в начале 30-х годов, Цемберу припомнили все эти статьи, обвинив в великодержавном шовинизме.

Отойдя от кампании борьбы против молодцовского шрифта, Цембер пишет в своем дневнике: «Увлечения зырянским языком и народом у меня прошли... Все мои труды, как по пробуждению народа зырянского, сборники сказок, создание библиотеки о зырянском крае и народе, музея вычеркнуты. Из ярого сторонника зырянского языка и народа я сделался противником. Интернационализм выше национализма». Но «увлечения зырянским языком и народом» у Цембера отнюдь не прошли, просто с этого времени он начинает больше заниматься историей коми народа.

В 1920 г. А. А. Цембера избирают председателем второго районного сельского совета в черте Усть-Сысольска (3-я десята). Андрей Андреевич активно участвует в общественной жизни города, в числе 4 делегатов он был на VII уездном съезде Советов, на котором был выбран делегатом на IV губернский съезд Советов, состоявшийся в Великом Устюге летом 1920 г. В декабре Цембер вновь избирается делегатом на VIII уездный съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, на котором его кандидатура была выдвинута в состав Усть-Сысольского уисполкома. К этому времени Андрей Андреевич работает инструктором в подотделе охраны памятников старины и искусства Усть-Сысольского отдела народного образования. Цембер коротко выступил на съезде, обрисовав положение с памятниками старины и условия работы подотдела охраны памятников.

В 1922 г. Андрей Андреевич назначается на должность заведующего бюро Истпарта в обкоме РКП(б), где соз-

дается комиссия по изучению истории революционного движения, Октябрьской революции и гражданской войны в Коми крае. Цембер становится председателем этой комиссии. Он пишет «Воззвание Всем членам РКП(б) и РКСМ Коми области», в котором призывает всех участников революционных событий присылать свои воспоминания в бюро Истпарта. В том же 1922 г. он объезжает некоторые волости Коми области, изучая состояние волостных архивов. 23 октября 1922 г. Цембер подает в Коми облисполком заявление об открытии Коми областного архива. Благодаря инициативе Андрея Андреевича в октябре 1922 года Коми областной архив был открыт. А. А. Цембер был назначен его заведующим. «Основанием для архива послужили архивные дела бывшей Усть-Сысольской городской управы, Сиротского суда... часть полусгнивших архивных дел Усть-Сысольского полицейского управления. В первые 3 года приводился в порядок и систематизировался этот бумажный хлам по годам...»,— писал Цембер в отчете о работе областного Архивного Бюро Коми облисполкому в 1927 г. Через «Югыд туй» он обращается «...ко всем учреждениям и гражданам оказывать содействие в деле организации областного Архива присылкой дел и документов, имеющих архивную ценность». В 1926 г. Андрей Андреевич привозит из Вологды и Яренска огромное количество архивных дел для Коми областного архива. Из Вологды, например, было привезено архивных материалов весом более 380 пудов, число дел превышало 7000 единиц. Из Яренска Цембер привез более 150 пудов архивного материала. В последующие годы Андрей Андреевич неустанно собирает для Коми областного архивного бюро новые архивные материалы волисполкомов, школ, библиотек, кооперативов, всех областных учреждений Коми Автономной области, много раз выезжает в Вологду, Яренск, Великий Устюг для поиска новых архивных дел, касающихся истории Коми края. 27 августа 1929 г. Цембер обращается ко всем учреждениям и организациям Усть-Сысольска с директивным письмом, в котором просит «...не допустить сдачи макулатуры без санкции областного Архивного Бюро, а равно и использования ее на другие надобности...»

Несколько раз Андрей Андреевич выезжает в Москву: в 1925 г. на Всероссийский съезд архивных работников, а в 1927 г. на Совещание заведующих Центрархивами и архивными бюро автономных республик и областей. В том же 1927 г. он проходит 3-месячные архивные курсы в Москве.

Начиная с 1923 года Цембер начинает печатать в коми журналах свои статьи по истории Октябрьской революции и гражданской войны в Коми крае. Это были самые первые исследования подобного рода, предпринятые в то время. В журнале «Вестник Коми (Зырянского) Областного комитета РКП(б) в нескольких номерах была напечатана работа А. А. Цембера «1917 год в Усть-Сысольске», в которой он объективно излагает ход революционных событий в Усть-Сысольске.

В 1924 г. в Коми автономной области организуется «Общество изучения Коми края». Цембер становится активным членом общества. В журнале «Общества...» «Коми му» он публикует большую работу «К материалам по истории революции в Коми крае: Усть-Сысольск в 1918 гг.» В 1926—27 г. в том же журнале Цембер помещает свою новую работу «Некоторые документы из жизни города Яренска в революционные годы». В 1927 г. появляется статья «Десять лет тому назад. Февральская революция в Усть-Сысольске», опубликованная также в журнале «Коми му». Множество статей на историко-краеведческую тему Цембер печатает в газетах Коми автономной области.

В 1925 г. в Усть-Сысольске состоялась I Коми областная краеведческая конференция. Она открылась 11 июля в помещении партпрофклуба. Цембер возглавлял на конференции краеведческую секцию совместно с А. С. Сидо-

ровым, В. Борисовым, А. Н. Греном и А. А. Чеусовым. Андрей Андреевич выступил на конференции с докладом, в котором изложил состояние архивов Коми области, а также коснулся некоторых проблем истории коми народа. А. Н. Грен, освещая работу конференции в газете «Югыд туй», весьма критично отозвался об этом докладе, утверждая, что Цембер «недостаточно осветил архивное дело...»

Цембер принимает всемерное участие в работе «Общества изучения Коми края». По заданию «Общества...» в 1928 г. выезжает в Великий Устюг и Яренск для изъятия музейных экспонатов для Коми области. Коми областное Бюро краеведения просит Цембера «...сообщить свои соображения в более целесообразной постановке...» научного исследования Коми области. К этому времени закладывались основы для создания в Усть-Сысольске Коми Научно-исследовательского института, и Андрей Андреевич принимает в этом деятельное участие. Но в конце 20-х годов для А. А. Цембера наступили трудные времена.

Уже начиная с 1927 г. в Рабоче-крестьянскую инспекцию Коми АО поступает ряд доносов на Цембера, и он об этом прекрасно знает. А. А. Цембер пишет в РКИ письмо от 16 января 1928 г. с просьбой «...обратить внимание на личность доносчика, не играет ли роль в этих доносах личная злоба и элемент подсиживания». Во время очередной чистки партии в мае 1929 г. Цембер был предупрежден за то, что он устроил в своем доме «старый быт»: куличи (на пасху — авт.), что он берет с квартирантов 30 р. за квартиру и особую плату за погреб и баню и что заставляет ремонтировать дом». Здесь надо отметить, что Андрей Андреевич действительно устроил в доме «старый быт», поскольку он был религиозным человеком. Известно, что еще в 1899 г. он с женой предпринял паломничество в Соловецкий монастырь, впоследствии изучал религиозную литературу. Правда, после Октябрьской революции Андрей Андреевич пытался покончить со своими религиозными предрассудками, но до конца стать атеистом он так и не смог.

В конце концов 25 ноября 1929 г. А. А. Цембера исключили из рядов РКП(б). Официально было объявлено, что он исключается из РКП(б) за отрыв от массы, от партийной жизни, пассивность. В вину А. А. Цемберу было поставлено также то, что Андрей Андреевич считал ненужными расстрелы классовых врагов революции — женщин (например, расстрел Кузьбожевых в 1918 г.). Андрей Андреевич подает заявление в Президиум Коми областной контрольной комиссии, в котором просит восстановить его в партии. В заявлении Цембер, в частности, пишет: «Прошу восстановить меня в партии, потому что без партбилета я жить не могу и не хочу». Он ссылается на слова известного партийного работника союзного уровня П. Смирнова, который также выражал сожаление по поводу расстрела Кузьбожевых. 24 февраля 1930 г. постановлением Президиума Коми областной контрольной комиссии А. А. Цембер был восстановлен в рядах партии, но 16 марта 1930 г. решением выездной парттройки от Северной краевой контрольной комиссии он был вновь исключен «...за пассивное пребывание в партии, идеологическую и партийно-невыдержанность». Главным обвинением против Цембера для исключения из рядов РКП(б) попрежнему было его мнение о безвинном расстреле Кузьбожевых в 1918 г. Понимая совершенную безосновательность повода для исключения, Цембер отправляет в ЦКК просьбу о восстановлении в рядах партии.

В начале 1931 г. в газетах «За новый Север», «Правда Севера» началась настоящая травля Цембера, обвиненного в том, что он «кулацкий агент» и «великодержавный шовинист». Все началось с собрания просвещенцев месткома областного отдела народного образования 2 марта 1931 года, на котором Цембер высказался о взятых с потолка цифрах грамотности среди коми и о плохом состоя-

нии дел в системе образования. 14 марта 1931 года в статье «Против великодержавного шовинизма», напечатанной в газете «За новый Север», М. Пасынков и А. Пирогов прямо писали: «...вылазка великодержавного шовиниста Цембера... направлена на отрицание роста национальной культуры». В это же время принимается постановление бюро горкома ВКП(б), опубликованное в газете «За новый Север» 19 марта 1931 г.: «...великодержавное клеветничество Цембера, поющего о «благоденствии» земства, отрицание им роста национальной культуры бюро горкома ВКП(б) расценивает как факты проявления классовой борьбы, как атаку классового врага». Газета «Правда Севера», издаваемая в Архангельске, уже писала, что «...советской власти приходится преодолевать ожесточенное сопротивление классового врага..., каким является Цембер, взявший под сомнение все достижения советской власти в Коми области». Однако 7 июня 1931 г. решением ЦКК ВКП(б) Цембер был восстановлен в рядах ВКП(б), более того, в «Выписке из протокола заседания ЦКК ВКП(б) № 440» за подписью Е. Ярославского было отмечено, что Цембер «считается проверенным членом партии». Газетная травля немедленно прекратилась.

В декабре 1931 г. при Сыктывкарском краеведческом музее учреждается историко-этнографический кружок, председателем которого становится Цембер. К этому времени краеведческая работа как в Коми АО, так и в целом по Советскому Союзу сосредоточивается на изучении истории только советского периода, что было естественным при сталинской диктатуре.

В начале 1932 г. Андрей Андреевич выезжает в командировку по всей Коми области, организуя районные архивные бюро и ячейки краеведческой работы. Во время этой командировки Цембер посетил 19 крупных коми сел.

В этом же году А. А. Цембер был принят членом секции научных работников при КГПИ, открывшемся в 1932 г., как старейший исследователь-краевед. В 1933 г. Цембер

был приглашен для преподавания архивоведения на исторической кафедре КГПИ, заведующим которой состоял Г. А. Старцев. Всего Цембер прочитал в 1934 г. 26 лекций студентам КГПИ по основным документам-источникам истории коми народа.

К 1933 г. относится такая, полная горечи запись: «А что, люди после революции стали лучше или хуже? На этот вопрос можно ответить: да, люди стали намного хуже — злые, несправедливые, клеветники, лживые, развратные, подлые, завистливые, дьявольски жестокие. Убийства, грабежи, воровство, предательство, донос — все это процветает во много раз больше, чем в дозоенное время. Сытых и довольных физиономий, как было в довоенное время, теперь не увидишь... Голодают все, кроме кучки крупных чиновников, которые управляют и верховодят». (Из дневника А. А. Цембера.)

Начались аресты. В 1933 г. арестовали Д. Батиева, Синцова, Соснина, С. А. Попова — хорошо известных Цемберу людей. «Арестовали конечно не за уголовное преступление, а за что-то политическое. Видно, ГПУ хочет показать, что недаром хлеб ест, а ловит крамолу. Но я знаю, что ни Синцов, ни Батиев не крамольники; полный произвол. Схватывают и держат за решеткой, а иногда и расстреливают без суда и следствия... Такая наступила дьявольская жизнь!» Цембер делает эту запись в дневнике 19 апреля 1933 г. и решает спрятать дневник в Коми областном архиве.

Как раз после начавшихся в Сыктывкаре арестов Цембер выезжает в Москву на Архивные курсы при Историко-архивном институте им. М. Н. Покровского. Из Москвы Андрей Андреевич возвращается несколько успокоенный по поводу безосновательных арестов знакомых ему людей... В Москве сообщили, что в Сыктывкаре действительно орудовала контрреволюционная организация и Д. Батиев и другие состояли в ее рядах.

В год 60-летия Цембера в газетах «Правда Севера», «Вӧрлэдзысь» были опубликованы небольшие заметки об Андрее Андреевиче как неутомимом исследователе-краеведе.

А. А. Цембера, несмотря на его возраст, весной 1934 года отправляют в порядке городской шефской помощи в Озел, на лесосплав. Андрей Андреевич отказывается ехать наотрез, даже под угрозой нового исключения из партии. Действительно, осенью 1934 г. Цембера хотели уже не просто исключить из партии, а арестовать, мотивируя это его принадлежностью к партии эсеров до 1918 г. В последний момент решение об аресте было отменено за недостаточностью фактов доказательства пребывания Цембера в эсеровской партии (в которой, кстати, Цембер никогда и не состоял).

1935 год прошел спокойно, если не считать партсобрания в облисполкоме, на котором вновь был поднят вопрос о домовладельце Цембере, о его пассивности в рядах партии и его буржуазном национализме. Как мог Андрей Андреевич защищался от таких нападков. Обвинение в пассивности он, например, опровергал своей научно-исследовательской работой, поглощавшей все его время. В этом же году в газете «Вӧрлэдзысь» Цембер публикует свою новую статью о гражданской войне в Коми крае.

Январь 1936 г. оказался «черным» для 62-летнего Цембера. По доносу сотрудника Коми областного архива Сахарова его освободили от обязанностей заведующего архивом. В доносе, который был оглашен на партсобрании в облисполкоме, говорилось, в частности, что А. А. Цембер, будучи заведующим, посылал в Москву фиктивные отчеты, спрятал документы о К. Ф. Жакове, что «дом... для Цембера дороже, чем партбилет».

Постановлением облисполкома от 2 февраля 1936 г. А. А. Цембер был снят с работы в архиве. Он пытается найти работу в Агитпропе обкома ВКП(б), поскольку остался членом партии, но по состоянию здоровья покидает вскоре Сыктывкар, чтобы больше уже не возвращаться в Коми край. Он выезжает в Пятигорск. Места эти ему были знакомы, в 20-е годы Андрей Андреевич несколько раз приезжал сюда для лечения.

Незадолго перед Великой Отечественной войной А. А. Цембер начинает хлопотать о выделении ему персональной пенсии, обратившись с письмом в Президиум Верховного Совета Коми АССР. Но комиссия по назначению персональных пенсий местного значения при Совнаркоме Коми АССР на своем заседании от 14 ноября 1940 г. отказала А. А. Цемберу в назначении пенсии, «не усматривая за гражданином Цембером особо выдающихся заслуг перед Коми республикой». Не помогло Цемберу и письмо его сына Георгия Цембера, директора Сыктывкарской школы № 14, отправленное в Наркомсобес, в котором Георгий Цембер отмечал «...совершенно безосновательное снятие с работы...» своего отца в 1936 г. и «...отсутствие всякой поддержки со стороны сидевшего у партийного руководства буржуазного националиста Булышева».

В годы Великой Отечественной войны Пятигорск был оккупирован немецко-фашистскими войсками. Цембер вторично в своей жизни попал под немецкую оккупацию. Сохранились два коротких свидетельства об этом периоде жизни Андрея Андреевича — это две небольшие открытки, отправленные им М. Н. Лебедеву в 1946 г. В них Цембер, например, пишет: «Жил в 1943 и 1944 г. плохо. Пятигорск был оккупирован немцами, так что все натерпелись. Всех трех сыновей убили в... войну. Нигде не работаю, т. к. из лет вышел, мне 72 года. 2 года назад умерла моя жена на почве истощения от голода. В последние годы я много думал и сделался религиозным человеком... Молюсь Богу». Вероятно, переписка Цембера с Лебедевым возбудила интерес к Андрею Андреевичу у органов МВД. Начальник архивного отдела МВД Н. Попова поднимает личное дело А. А. Цембера для какой-то надоб-

ности (к сожалению, не удалось выяснить, для какой именно).

До конца своей жизни Цембер оставался исследователем Коми края. В 1955 г. Андрей Андреевич отправляет рукопись своей статьи «Прошлое некоторых финских народов и настоящее после Октябрьской революции» в редакцию журнала «Вопросы языкознания». Но статья не была принята к публикации. Редакция прислала автору отзывы на статью, в которых было отмечено, что «...автору статьи нельзя отказать в знакомстве с топонимикой Коми АССР...», но статья «...представляет собой необработанный материал... иногда с весьма спорными этимологиями автора...» Цембер делает новые записи в возвращенной ему статье, последняя сделана 16 октября 1957 г. В этом же году А. А. Цембер скончался.

Глава 12. ЭТНОГРАФ ВАСИЛИЙ НАЛИМОВ

Одной из наиболее интересных дореволюционных работ по этнографии народа коми можно считать статью П. А. Сорокина «Пережитки анимизма у зырян». В ней, в частности, обсуждается вопрос о верованиях зырян в душу «лов». Излагая свое понимание проблемы, П. А. Сорокин полемизировал с этнографом Налимовым. По мнению Сорокина, идеи Налимова о «переселении» души «лов» были неверными, однако статья «Загробный мир по верованиям зырян», в которой они были сформулированы, «заключает в себе,— по словам Сорокина,— много ценных наблюдений».

Примечательно, что и другие этнографические работы Налимова неизменно привлекали внимание Сорокина, высоко ценившего их.

В 1989 году широко отмечался 100-летний юбилей П. А. Сорокина. А вот 110-летие со дня рождения В. П. Налимова осталось фактически незамеченным. За пределами узкого круга специалистов это имя до сих пор мало известно. Между тем, В. П. Налимов был личностью одаренной и разносторонней, что нашло отражение в его научных трудах, сыгравших важную роль в становлении отечественного финно-угроведения, исторической географии и некоторых других смежных наук. Биография и научное наследие ученого представляют, несомненно, значительный интерес.

...Одна из маленьких деревень, составлявших в конце прошлого века село Выльгорт, называлась Седъяков. Сейчас на ее месте находится учебный городок сельхозтехникума. 7 марта 1879 года в семье крестьянина Петра На-

лимова, проживавшей в Седъякове, родился мальчик. Его назвали Василием.

Путь Василия Налимова к знаниям начался в земской школе, после успешного окончания которой его командировали в Москву для обучения в школе фельдшеров. После трехлетней учебы (1894—1897) Василий Налимов возвратился домой и около пяти лет работал фельдшером «по разным уголкам Зырянского края».

Сейчас трудно точно установить, когда у В. П. Налимова проснулся интерес к этнографии. Возможно, контраст между отдаленной деревней и Москвой позволил юноше взглянуть на жизнь родного края как бы со стороны. Можно предположить, что именно во время обучения в фельдшерской школе пришло к будущему ученому стремление описать и осмыслить деревенскую культуру коми. С этой гипотезой вполне согласуется тот факт, что к активным этнографическим наблюдениям Налимов приступает после возвращения из Москвы. Не случайно поэтому, что когда Василий Налимов вновь приехал в «древнюю столицу», то, благодаря своим обширным познаниям в области народных преданий, верований и обычаев, он обратил на себя внимание секретаря Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии В. В. Богданова, президента общества профессора Д. Н. Анучина и академика В. Ф. Миллера. Они приняли деятельное участие в судьбе зырянского юноши. Помощь друзей и незаурядные способности Налимова позволили ему «выдержать экзамены за полный курс классической гимназии» и поступить на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета.

В студенческие годы Василий Налимов углубленно изучает этнографию и антропологию народов северо-восточной части европейской России. Он был одним из основателей и руководителей студенческого научного кружка, интересы которого находились в области этнографии, географии и естествознания. Периодическое проведение докладов и их обсуждение было основным направлением деятельности объединившихся в кружок студентов.

Первая, но уже вполне самостоятельная научная работа Налимова была опубликована во втором номере журнала «Этнографическое обозрение» за 1903 год. В этой статье содержится целый ряд важных, хотя и несколько отрывочных сведений о тех элементах традиционного мировоззрения народа коми, которые, по мнению автора, восходили еще к дохристианскому периоду. Так, Налимов приводит фрагменты древних антропогонических мифов, описывает сохранившиеся от глубокой древности представления об устройстве мира, зафиксированные им во время поездок по краю, касается вопроса о некоторых особенностях своеобразного «банного этикета» коми. Налимов относился к язычеству зырян вполне терпимо, без осуждения. С наследием древнего язычества он связывал культурные особенности родного народа, которые с течением времени казались ему все более привлекательными.

В следующем номере «Этнографического обозрения» за 1903 год была опубликована небольшая заметка Налимова «Мор» и «Икота» у зырян», в которой рассматриваются представления о причинах заболеваний, рождения физически неполноценных детей и способах их магического исцеления. Данные, приведенные в этой небольшой, но содержательной работе, представляют несомненную ценность для изучения традиционной народной медицины.

Статьи, рецензии и доклады, с которыми регулярно выступал Василий Петрович, быстро сделали его заметной фигурой гуманитарной науки того времени. В 1906 году ему было предложено сотрудничать с Финно-угорским научным обществом. Летом и осенью 1907 года на средства этого общества Налимов вместе с известным финским этнографом Сирелиусом совершил длительную 4-месячную экспедицию в Зырянский край. В ходе поле-

вых исследований были сделаны записи зырянских сказок, песен и других фольклорных произведений. Особое внимание уделялось сбору информации о верованиях и обычаях. Параллельно с этим проводились антропометрические измерения. Изыскания этнографов охватили широкий район расселения коми по Вычегде (от устья до Усть-Кулома) и Сысоле.

В 1980 году в Финляндии был издан превосходный фотоальбом «Большая медведица». В нем помещена фотография, сделанная Сирелиусом во время совместной экспедиции. Английская подпись под фотографией гласит: «Помощники путешественника слева направо: учитель начальной школы Александра Григорьевна Кузиванова, поэт Алексей Александрович Чеусов, студент Василий Налимов и его брат...»

Внимание Налимова, как и некоторых его современников, привлекал круг вопросов, связанных с изучением поминально-погребальной обрядности, представлений о душе и т. д. Этой проблематике он посвятил статью «Загробный мир по верованиям зырян», опубликованную в 1907 году в «Этнографическом обозрении».

В этой статье впервые в коми этнографии была сделана попытка выявить систему традиционных народных представлений о соотношении двух миров: живых и предков. От помощи предков, по данным Налимова, во многом зависел успех в различных сферах хозяйственной деятельности. «Если крестьянин сеет, он просит усопших дать хороший урожай. «Сет-той бур во», то есть «дайте хороший год», при этом он глаза молитвенно обращает туда, где покоятся кости усопших»,— отмечал Налимов.

С расположением и помощью предков связывался также успех в охоте и рыболовстве, а также обычай, по которому новый дом следовало строить на месте старого.

Обширные полевые исследования Налимов сочетал с тщательным изучением научной литературы и работой в архивах. Прекрасное знание коми языка, тонкая интуиция, проницательный ум и удивительная работоспособность позволили Налимову еще в молодости стать одним из наиболее известных в России этнографов финно-угроведов.

15 октября 1907 г. на годичном собрании Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии Налимову за его «ценные работы» по этнографии зырян и в «благодарность за доставленные Обществу материалы о зырянах» была вручена Большая серебряная медаль. Кроме того, исследователь получил Диплом общества, подписанный выдающимися русскими учеными В. Ф. Миллером и Д. Н. Анучиным.

...Зимой 1908 года по приглашению финно-угорского общества Налимов едет в Хельсинки, где изучает финскую этнографию и язык. Летом вместе с финским исследователем Тальгреном Налимов проводил археологическую разведку по Волге и Каме, а затем занимался сбором этнографических материалов по быту и верованиям пермяков, обитавших по р. Иньве и ее притокам в Соликамском уезде Пермской губернии. Собранные в этой экспедиции материалы легли в основу новых публикаций и докладов исследователя. О широте круга его научных интересов говорит то, что, изучая этнографию пермяков, Налимов делал попутные наблюдения о специфике коми-пермяцкого языка и его соотношении с диалектами языка коми-зырян. Археология, антропология, этнография и лингвистика рассматривались им как науки глубоко взаимосвязанные. Стремление ученого к универсальности и синтезу различных областей знания представляется примером, достойным подражания.

Одной из наиболее значимых работ Налимова была статья «К вопросу о первоначальных половых отношениях у зырян», изданная на немецком языке в Хельсинки в 1908 году. С присущей ему проницательностью Налимов описал и проанализировал в ней систему правил и запретов, характерных для взаимоотношений представителей

различных половозрастных групп. Несомненной заслугой ученого следует считать то, что многие нормы традиционного этикета, обряды и обычаи, считавшиеся иногда «пережитками», рассматривались им в качестве адекватных проявлений определенного мировоззрения.

На следующий год ученый продолжил свои исследования в Финляндии. Именно там он основательно систематизировал те обширные экспедиционные материалы, которые собирались на протяжении нескольких лет. Эта работа была закончена в 1910 году и представлена коллегам в виде рукописных «Материалов по этнографии зырян и пермяков». Профессор А. Н. Максимов, откликнувшийся на них рецензией в «Этнографическом обозрении», подчеркивал: «В. П. Налимов как природный зырянин, свободно владеющий зырянским языком и до сих пор сохранивший много личных связей с зырянами, находился в особо благоприятных условиях. Он имел возможность проникать в такие интимные стороны народной жизни и верований, куда доступ постороннему наблюдателю очень труден. Даже там, где он дает отрывочные сведения, они иногда проливают новый свет». Оценивая этот труд в целом, рецензент отмечал, что «...материалы Налимова представляют серьезный вклад в дело изучения зырян и пермяков, литература о которых, особенно о первых, очень небогата».

Мнение А. Н. Максимова разделяли многие крупные этнографы. Не удивительно поэтому, что за «Материалы...» В. П. Налимов был удостоен весьма престижной научной премии Великого князя Сергея Александровича.

В 1912 году Налимов, будучи уже вполне сложившимся этнографом-исследователем, заканчивает Московский университет с дипломом первой степени по специальности «антропология и география». В этом же году издательство «Великая Россия» опубликовало очередной том, вторая часть которого «Приуралье» была написана В. П. Налимовым совместно с В. А. Пиотровским. Она состояла

из географических, экономических и историко-этнографических очерков Приуралья.

В течение последующих пяти лет В. П. Налимов работал в реальном училище Нижнего Новгорода, был заведующим отделом статистики Пензенского губернского земства.

В 1917 году начинается активная преподавательская деятельность. Выдержав магистерские экзамены в Казанском университете и прочитав там ряд пробных лекций. В. П. Налимов получает звание магистранта и должность приват-доцента. Позже, рекомендуя Налимова для работы в Москве, профессор Казанского университета В. Адлер писал в сопроводительном письме: «На магистерском экзамене, который он держал у меня в Казанском университете, я мог убедиться в солидных знаниях по общей этнологии, знаниях, основанных и на хорошей антропологической подготовке».

В 1922 году Налимов переехал в Москву. В течение шестнадцати лет, вплоть до 1938 года, оказавшегося роковым и для него, Налимов плодотворно трудился в различных научных учреждениях и высших учебных заведениях столицы, в том числе в МГУ, Тимирязевском институте, НИИ географии при физмате МГУ.

Уместно процитировать несколько документов тех лет, характеризующих Налимова как исследователя и преподавателя. Вот что, например, писали своему педагогу бывшие студенты Московского университета: «Многоуважаемый Василий Петрович! Мы, группа студентов II МГУ... прослушав курс Ваших лекций по этнографии и краеведению, выражаем Вам свою благодарность. Вы, как ученый-исследователь и знаток быта преподносили нам свежий материал, взятый из жизни. Этот непосредственный кусок жизни, подвергнутый Вашему тонкому анализу, вызвал большой интерес у нас, Ваших слушателей, во время бесед-лекций, где была живая работа...»

Когда в 1928 году Налимов обратился в НИИ геогра-

фии при МГУ-1 с просьбой о приеме его на работу, то директор института профессор А. Борзов направил в Главнауку официальное письмо, в котором, в частности, указывалось: «Заслушав заявление проф. Налимова об его желании перевестись в Географический НИИ при физмате 1 МГУ... Географический Институт на своем заседании 15/IV с. г. единогласно признал переход проф. Налимова весьма желательным, так как работы его, особенно в последние годы, имеют значительный антропо-географический интерес; кроме того, среди членов и аспирантов Географического Института многие интересуются изучением европейского Севера и антропо-географией финских народностей, и консультация проф. Налимова в этих вопросах была бы очень ценна в подобных работах Института». Пермская областная газета «Звезда», рассказывая о лекциях Налимова на территории области, заметила, что «...не менее интересна и сама личность лектора, являющегося настоящим зырянским Ломоносовым». Вероятно, подобная оценка должна была отразить научные интересы ученого, подчеркнуть масштаб его личности.

В 20-е годы Налимов активно проводил полевые исследования. Маршруты экспедиций пролегали через Большеземельскую тундру, Казахстан, Лопарско-Мурманский и Ижмо-Печорский края.

Следует подчеркнуть, что, независимо от места работы и предмета основных исследований, Налимов не оставлял занятий этнографией коми и других финно-угорских народов. Будучи уже профессором Московского университета, он активно сотрудничал с экономическим и краеведческим журналом «Коми му», издававшемся в Усть-Сысольске с 1924 г. В этом журнале опубликовано две его статьи: «К этнологии коми» и «К материалам по истории материальной культуры коми». В этих работах содержится много интересных данных и наблюдений. Вместе с тем, в них ощущается влияние идей географического детерминизма. Налимов писал: «Быт и весь бытовой уклад

того или иного народа определяется внешней средой, географическим фактором». Развивая эту мысль, ученый пришел к спорному выводу о том, что на Севере народ коми сохранил лучшие завоевания человеческого духа, религию социальной солидарности, которая в остальных частях земного шара выродилась в грубые «суеверия».

Эти и некоторые другие рассуждения этнографа, высказанные на страницах «Коми му», были в определенной степени созвучны идеям и настроениям тех коми ученых и краеведов, у которых чувство национальной гордости в середине 20-х годов преобладало над стремлением к объективности и научной истине. Вместе с тем, оценка Ю. В. Гагарина, полагавшего, что точка зрения Налимова «отражала общую тенденцию представителей буржуазно-националистического течения», представляется излишне резкой и не вполне справедливой.

В Москве профессор Налимов регулярно встречался с коми студентами, обучавшимися в столичных вузах, выступая перед ними с лекциями и беседами. Авторам приходилось слышать воспоминания пожилой женщины, принимавшей участие в одной из таких встреч с Налимовым в 1927 году. Она была посвящена обсуждению проектов экономического развития Коми края. Примечательно, что если студенты однозначно поддерживали концепцию бурного промышленного освоения коми земли, то опытный этнограф призывал к осторожности и осмотрительности. Тогда его опасения о возможных отрицательных последствиях индустриализации для природы Севера и сложившихся в этом регионе культурных традиций казались собеседникам Налимова не заслуживающими внимания.

20-е годы были временем, когда планы развития тех или иных районов страны стремились еще соотнести с их этнокультурными особенностями. Не удивительно поэтому, что профессор Налимов был постоянным участником обсуждений, проходивших во ВЦИК по вопросам Севера, в том числе и Коми края. Следует поэтому согласиться

с Н. А. Шаховым, называвшим Налимова в числе «тех коми профессоров, которые не порывали связи со своими сородичами и всячески стремились к поднятию культуры своего народа».

Народом, наиболее близким к зырянам по языку, считаются удмурты («вотяки»). В 1923 году В. П. Налимов и известный удмуртский поэт Кузебай Герд учредили «Общество по изучению вотяцкой культуры». Через три года под их редакцией был опубликован сборник «Вотяки», посвященный вопросам экономики, быта и духовной культуры удмуртов. Налимовым была написана вводная статья «Роль малых народов на фронте общечеловеческой культуры». Интересно, что некоторые статьи Герда были напечатаны в «Коми му». Не исключено, что они были рекомендованы редакции Налимовым.

...Активная научная и преподавательская деятельность профессора В. П. Налимова прервалась в 1938 году. Он был незаконно арестован и выслан из Москвы в Сыктывкар. К сожалению, пока мы еще не имеем достаточно достоверных сведений о том, по какой статье «осудили» ученого, где, когда и при каких обстоятельствах его не стало.

К счастью, «не сгорели» рукописи ученого. Документы из архива, подаренного ИЯЛИ сыном Василия Петровича. В. В. Налимовым, позволяют более или менее полно воссоздать облик Василия Петровича. В настоящее время в Институте языка, литературы и истории ведется работа по созданию музейной экспозиции, рассказывающей о наших известных деятелях науки, таких, как П. А. Сорокин, К. Ф. Жаков, А. С. Сидоров, В. И. Лыткин. Достойное место в этом музее по праву будет отведено экспонатам, повествующим о «трудах и днях» этнографа Василия Васильевича Налимова.

Глава 13. ТРАГЕДИЯ АЛЕКСАНДРА БАБУШКИНА

Образование Коми автономной области (22 августа 1921 г) в основном решило вопрос о самоопределении коми народа, прежде всего его территориальной консолидации. В царской России административно-территориальное устройство проводилось без учета национального состава населения и экономических связей, в результате 67 волостей с коми населением оказались в разных губерниях, разобщенными в экономическом и культурном отношении. Но обретение автономии и, следовательно, уничтожение правового национального неравенства у небольших по численности народов являлось лишь частью проблемы национально-государственного строительства. Для полного разрешения этой проблемы требовалась ликвидация фактического неравенства, то есть преодоление их экономической и культурной отсталости. Большой вклад в это дело внес один из первых коми специалистов-экономистов А. И. Бабушкин.

Сегодня уместно оценить его деятельность, хотя бы по опубликованным им исследованиям. Это необходимо, потому что его имя, как и других «первопроходцев», участвовавших в становлении Коми АО как национально-государственного образования, находится пока в забвении.

Александр Иванович родился в селе Бакур 25 сентября 1904 года, в семье народного учителя родом из Тотьмы. После окончания экономического факультета Института народного хозяйства им. Плеханова в 1925 г Бабушкин приехал в Усть-Сысольск. Сначала он был назначен временным работником «по специальным экономическим работам облплана», а через пару недель — заведующим секцией областного хозяйства. Интересны его ответы на

анкетные вопросы. «Какие местности в России хорошо знаете?» Ответ: «Печорский край». «Кто Вас знает из видных советских или партийных работников?» Ответ: «Предоблплана и член бюро обкома РКП(б) Маегов А. А., председатель облисполкома Мишарин Е. М., член президиума облисполкома Попов Ф. П., председатель Ижмо-Печорского уисполкома Ф. А. Чупров». «Склонность к роду занятий?» Ответ: «Хозяйственник». Был тогда ему всего лишь 21 год.

А. И. Бабушкин сразу же энергично включился в работу по определению основных направлений развития экономики Коми АО. В сентябре 1925 г выезжает в длительную командировку в ВСНХ РСФСР (г. Москва) для представления и доработки планов развития промышленности и капитального строительства КАО, а также в Госплан РСФСР — с вопросом о деятельности Коми облплана. Тогда же он выступил в Доме ученых с докладом «Экономика и районирование зырянского края», который вызвал оживленное обсуждение.

В докладе содержались следующие положения. Коми АО делится на Печорский и Вычегодский округа. Географически область прилегает к Камско-Уральскому краю и в сравнении с соседними губерниями (Северо-Двинской, Вологодской, Архангельской), мол, имела другие «перспективы хозяйственного развития». Будущая экономика области представлялась развитой промышленностью на базе полезных ископаемых (каменного угля, нефти, различных руд, точильного камня, поваренной соли, фосфоритов, золота и др.), лесной и крупной деревообрабатывающей промышленностью, оленеводством и животноводством. Поскольку КАО находится на стыке «экономических путей между Европой и Азией», через ее территорию должны пройти две железнодорожные магистрали «Омск — Ухта — бухта Индиго» и «Москва — Ухта», чтобы связать область с центральными районами страны, Сибирью и Западной Европой. В перспективе намечались

также водные соединения «Печора — Уса — Обь», «Печора — Кама — Волга», «Вычегда — Кама», «Печора — Сула — Индига». Все эти положения, в том числе проектёрские, отражали официальную точку зрения Коми облисполкома. Главный же вывод сводился к тому, что Коми АО «составляет естественно-географический, экономический и национальный район...» (это не противоречило истине). А далее утверждалось: «Отсюда ясна необходимость и неизбежность создания самостоятельной экономической Коми области (и с этим нельзя не согласиться — М. Д.) с тесным сотрудничеством и разделением труда с Уральской областью». Однако в те годы с Зауральем и Камским бассейном из-за бездорожья фактически не было экономических связей, а вхождение Коми области в Северо-Восточную область остро дискутировалось.

Еще будучи студентом, Бабушкин активно выступал с докладами в Московском отделении Общества изучения Коми края (ОИКК). Его доклад об экономике и быте оленеводов послужил основой для публикации интересной статьи «О самоедах (яранах)». Автор осветил экономическое положение и «правово-бытовой уклад» ненцев европейского Севера (Канинской, Тиманской и Большеземельской тундр). Он потребовал, чтобы изучение и поддержка «ненецкого племени» были поставлены всерьез. Проанализировал состояние производительных сил тундры, значение оленеводства, охотничьего и рыбного промыслов. Особенно интересовался коренными изменениями в жизни ненцев, происходившими в первые годы Советской власти. Подведя итоги кооперативного движения в тундре за 1918—1924 гг, высказался в пользу кооперации, за изгнание частного капитала в товарообмене с тундровым населением. Положительно оценил образование трех ненецких волостей: Чешско-Канинской, Тельвисочной и Колвинской. Автор наметил перспективы советского строительства в тундре: а) «создание здорового админи-

стративно-правового положения»; б) «...приступить к открытию культурного фронта», ненцам «надо дать школу на родном языке» (в с. Колва обучение велось на русском и коми языках, так как ненецкий язык не имел письменности); в) организовать медицинское и ветеринарное обслуживание (указывая на отсутствие такой помощи, он предостерегал: «Этот грозный момент должен быть учтен со всей серьезностью»). Бабушкин считал неотложным делом изучить все важные вопросы жизни тундры и ее обитателей.

В июле 1925 г. на областной краеведческой конференции А. И. Бабушкина избрали в облбюро краеведения.

Вскоре после конференции Бабушкин со свойственной ему основательностью подготовил и опубликовал большой труд (2 п. л.) «Экономический контур Печоры». В Печорском бассейне он выделил хозяйственные районы, охарактеризовал их особенности. На основе фактического материала сделал вывод о том, что бассейн по «естественно-производительным силам» занимает одно из первых мест на европейском Севере. Автор дал рекомендации по вопросам заселения бассейна, развития животноводства, земледелия и промыслов, развития промышленности на местном сырье, изучения полезных ископаемых и их разработки, улучшения путей сообщения. Предлагал «продвинуть печорскую продукцию», прежде всего пушнину, замшу и лес, за границу.

В 1925 г. по инициативе Коми облплана был подготовлен сборник статей, представлявший собой экономический обзор по основным отраслям народного хозяйства. Сборник являлся первой попыткой анализа экономического состояния Коми АО. А. И. Бабушкин не только редактировал сборник (17 п. л), но и опубликовал в нем три статьи о ненецком населении и экономике тундры, о состоянии путей сообщения и перспективах транспорта Коми АО. Кроме того, в 1926 г. им опубликована статья о необходимости и возможных направлениях железнодорожного

строительства в области. Отметим, что в мае того же года Бабушкин был утвержден председателем особого бюро для изучения вопроса об изысканиях бухты Индиго и железной дороги Омск — Индиго. По постановлению президиума Коми облисполкома это бюро создавалось при секции местного хозяйства облплана на общественных началах (в него были также назначены инженер С. П. Салтурин и председатель ОИКК Д. А. Батиев).

С 1926 г. Бабушкин работал заместителем председателя облплана А. А. Маегова, вел большую практическую и теоретическую работу. В июне 1926 г. он выехал в Большеземельскую тундру в качестве ответственного руководителя по проведению Всесоюзной переписи тундрового хозяйства и населения Колвинской и Верхнеусинской волостей Ижмо-Печорского уезда. В Усть-Сысольск вернулся только в январе 1927 г. Затем командировался в Москву на совещания при Госплане СССР по разработке первого пятилетнего плана развития народного хозяйства. Несмотря на большую загруженность работой, опубликовывает в 1927 г. статью «Механизация замшевого производства на Печоре». В ней высказывается идея об «индустриализации оленеводства» (переработка шкур в замшу, промывка шерсти, переработка мяса в консервы, утилизация рогов и копыт и т. д.) посредством постройки крупного замшевого завода, сделал расчеты сырья на 1927—1932 г. (более 500 тыс. шкур).

Большой интерес представляют статьи «Заметки по кустарной промышленности» и «К объединению Печоры» (1928 г).

О напряженной работе свидетельствует тот факт, что в течение 1925—1927 г. Бабушкин ни разу не выходил в отпуск «вследствие крупных плановых работ». В короткий срок он сформировался как знающий и опытный специалист. В феврале 1929 г. был назначен заведующим Коми облстатотделом (до 1932 г.). Одновременно в эти годы являлся сначала кандидатом, а затем и членом Коми обл-

исполкома, членом облплана. В это же время он подготовил большой труд о Большеземельской тундре (18 п. л.).

Книга «Большеземельская тундра», изданная тиражом 100 экземпляров, давно является библиографической редкостью. Изучением тундровой зоны Северного края занимались десятки экспедиций и исследователей, но многие их материалы или не публиковались, или были разбросаны в различных изданиях. Бабушкин считал, что необходимо приступить к изданию сводных очерков, характеризующих отдельные экономико-географические районы и весь Северный край в целом, «во всех отношениях, на основе имеющихся исследовательских материалов».

Одной из таких первых работ и явилась его книга о Большеземельской тундре с ее хозяйством, бытом, природой, ее историческим прошлым, современной жизнью и возможными перспективами. Автор широко использовал опубликованные источники и материалы оленеводческого обследования и приполярной переписи 1926—27 гг, которой руководил лично. Автор приводит обширный указатель литературы из 780 (!) названий, касающейся Большеземельской тундры и оленеводства, а также карту тундры (1 см : 15 км) с подробным перечислением населенных пунктов, рек, ненецких и коми кочевий. Интерес и поныне представляют главы о населении и связанных с ним проблемах (статистика, быт, административно-правовое устройство, задачи советского строительства, культура, здравоохранение, землеустройство и районирование тундры), о тундровом хозяйстве (формы хозяйства, классовое расслоение в тундре, перспективы), замшевом производстве, торговле и кооперации. По содержанию глав автор составил 127 различных таблиц.

Определяя хозяйственную роль Крайнего Севера, Бабушкин требовал «глубже изучить и выявить то огромное, государственное значение тундрового хозяйства», главной отраслью которого являлось оленеводство. Отмечал, что хозяйство Крайнего Севера в целом и оленеводство

в частности не обратили еще на себя должного внимания со стороны хозяйственных, планирующих органов и научно-исследовательской мысли. Думается, это замечание актуально и сегодня с учетом, разумеется, современных условий и задач. Автор тщательно проанализировал материалы приполярной переписи 1926—27 годов и первым осветил вопросы доходности тундрового хозяйства и классового расслоения населения тундры. Основной задачей перспективного плана, по его мнению, должен быть «перевод полунатурального и простого товарного тундрового хозяйства на рельсы крупного социалистического хозяйства» на базе коллективизации кочевых хозяйств, организации совхозов, индустриализации производства, кооперирования населения в сфере «сбыто-снабженческих и кредитных операций», так как перепись показала серьезное засилье кулаков среди оленеводов.

В ближайшей перспективе Бабушкин считал необходимым провести такие мероприятия, как сооружение комбинированных заводов по переработке продуктов оленеводства и тундровых промыслов; «Колонизацию», то есть заселение тундры для более полного и рационального использования природных богатств; геологическое обследование и установление промышленного значения полезных ископаемых; установление регулярной транспортной (воздушной) и радиосвязи с труднодоступными районами, устройство грунтовых дорог и морских рейсов между прибрежными пунктами. В целом монография содержит большой фактический материал, интересные предложения и прогнозы по проблемам развития тундровой зоны.

В начале 30-х годов по ряду причин Бабушкин вынужден был прекратить публикаторскую деятельность. В условиях формирующейся административно-командной системы был закрыт как «буржуазно-националистический» журнал «Коми му». Кроме того, его взгляды по вопросу о вхождении Коми АО в состав Северного края расходились с утвердившейся официальной точкой зрения.

С 1932 г. Бабушкин всю свою энергию вкладывает в работу на посту заместителя председателя облплана, активно участвует в составлении первых пятилетних планов развития народного хозяйства Коми АО. С организацией в апреле 1934 г. Коми научно-исследовательского института (Коми НИИ) был утвержден бюро Коми ОК ВКП(б) (по совместительству) ученым секретарем. Хотя «в связи с загруженностью его по основной работе» в августе того же года был освобожден от обязанностей секретаря, он активно участвовал в деятельности НИИ. По плану научно-исследовательской работы Института на 1935 г. должен был заниматься экономическим обследованием районов, собирать материалы по истории колхозов, Сереговского, Кажимского и Нювчимского заводов. Одновременно являлся членом редколлегии изданного «Словника-проспекта» Коми СЭ. В мае 1936 г. как представитель облплана был избран членом Совета при НИИ.

Бабушкин много сделал для повышения квалификации работников местных плановых комиссий, руководя курсами при облплане. Разработанная им программа техминимума включала: знания по политэкономии, статистике и методологии народнохозяйственного планирования; знания по экономике, планированию и финансам той отрасли, в которой курсанты работали; знания по технологии производства отрасли; знания по конкретной экономике и размещению производительных сил Коми АО.

После долгого перерыва в издательской работе А. И. Бабушкин выпустил в 1934 г. книгу о хозяйственном и культурном строительстве в Коми АО, в которой кратко характеризовались дореволюционное прошлое Коми края, этапы развития Коми АО до вхождения ее в Северный край, итоги первой пятилетки, разъяснялись направления социально-экономического развития области во второй пятилетке.

Бабушкин сделал важные выводы о том, что 20-е годы явились периодом организационного укрепления Коми

автономии и административного устройства, закладывания основ для экономического восстановления области, о том, что с вхождением в Северный край «открывается новая полоса более мощного и быстрого развития народного хозяйства области». В том же году он публикует статью о промышленности на Печоре в журнале «Хозяйство Севера». В 1936 г. в журнале «Советское краеведение» вышли его статьи о Коми АО и о полезных ископаемых области и перспективах их использования. Это были последние теоретические работы, так как вскоре судьба Бабушкина круто изменилась.

В удушливой атмосфере подозрительности, злонамеренных доносов и фальсифицированных обвинений на Бабушкина еще в 1935 г. поступил навет о его якобы пособничестве белым во время гражданской войны (ему тогда было 15 лет). К счастью, явно клеветническое обвинение последствий не имело. Как теоретик Бабушкин в экономических разработках отличался самостоятельностью исследовательского мышления, активно участвовал в научной жизни, а как практик являлся одним из опытнейших организаторов планового развития экономики Коми АО. Поэтому новая волна сталинско-ежовских репрессий 1937 г., обрушившаяся на интеллигенцию, захлестнула и Бабушкина: 8 сентября он был арестован органами НКВД. Арест был неожиданным — его жена К. М. Игнатова, например, имела на руках билет на пароход для поездки на учебу, а Александр Иванович должен был оставаться дома с маленьким сыном Феликсом. Через несколько дней в газете «За новый Север» было напечатано постановление бюро Коми обкома ВКП(б) «О научно-исследовательском институте», в котором весь актив НИИ, в том числе и А. И. Бабушкин, назывался сворой контрреволюционеров и троцкистов, буржуазными националистами. В октябре он был исключен из кандидатов в члены ВКП(б) за деятельность, выразившуюся «в теоретическом обосновании, практическом оформлении и про-

ведении в жизнь вредительских буржуазно-националистических установок в народном хозяйстве Коми АССР».

Следствие обвиняло Бабушкина в том, что будто бы он являлся участником контрреволюционной организации, ставившей целью свержение Советской власти и создание буржуазной республики «из народов коми и других угро-финских национальностей»; вел буржуазно-националистическую пропаганду и агитацию; проводил контрреволюционную «практику работы» в Госплане Коми АССР.

В соответствии с этими обвинениями по статьям 58-2, 58-10 ч. 1, 58-11 Особое совещание при НКВД СССР осудило его к восьми годам ИТЛ (июль 1938 г.). Александр Иванович выстрадал их, как говорится, от звонка до звонка и лишь в мае 1946 г. вернулся к семье. Но через 2,5 года снова был осужден Особым совещанием (февраль 1949 г.) к ссылке на поселение в Красноярском крае на основании факта осуждения его в 1938 г. В качестве «повторника» на лесоразработках отбыл еще долгих шесть лет.

С восстановлением ленинских норм партийной и государственной жизни А. И. Бабушкин вернулся из ссылки в Сыктывкар. В условиях утверждения социалистической законности он был реабилитирован одним из первых необоснованно репрессированных. В декабре 1955 г. Верховный суд Коми АССР отменил постановления Особого совещания об его осуждении к ИТЛ и ссылке как незаконные, вынесенные по несостоятельным обвинениям. В июне 1956 г. Сыктывкарский горком партии снял с него строгий выговор, данный горкомом в сентябре 1935 г., а в июле бюро Коми обкома КПСС восстановило в кандидатах партии со стажем с 1932 г. Годы лишений тяжело сказались на здоровье, и Александр Иванович как инвалид второй группы вынужден был выйти на пенсию. Умер в 1962 г. на 58-ом году жизни.

НАСЛЕДИЕ (УКАЗАТЕЛЬ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ ДВАДЦАТЫХ — НАЧАЛА ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИМ НАУКАМ)

I. АРХЕОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

Раскопки археологической экспедиции Коми края 1925 г.— «Записки Общества изучения Коми края» (далее: ЗОИКК), 1928, № 1.

Сидоров А. Памятники древности в пределах Коми края (По археологическим разведкам).— Коми му, 1929, № 4—6, 7—10; 1925, № 1, 2; 1926, № 6, 7.

Сидоров А. К вопросу о расчленении веревочного орнамента в доисторической керамике северо-востока европейской части СССР.— ЗОИКК, 1929, № 2.

Смирнов С. М. Физическое развитие коми молодежи допризывного возраста по данным антропометрических исследований.— Коми му, 1927, № 6—7.

Смирнов С. М. Физическое развитие коми населения по материалам призывных комиссий 1927 г.— ЗОИКК, 1929, вып. 2.

Смирнов С. М. Материалы по физическому развитию коми детей и подростков.— ЗОИКК, 1929, вып. 3.

Хрусталев И. Результаты обработки материала призывных комиссий призыва 1927 года по Области коми.— Коми му, 1928, № 1.

Чеусов А. А. К вопросу о популяризации антропологии среди коми-зырян и самоедов.— Коми му, 1926, № 5.

II. ИСТОРИЯ КОМИ КРАЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Александровский А. Старый Усть-Сысольск (1739—1842 гг.).— Коми му, 1927, № 1—2, 6—7.

Александровский А. Материалы по истории Коми края (1768—1802 гг.).— Коми му, 1927, № 4—5.

Анисимов А. Кажимские горные заводы (1756—1927 гг.).— Коми му, 1924, № 4—6, 7—10; 1925, № 1.

Архипова А. Село Колва (1830—1925 гг.).— Коми му, 1925, № 10—11.

Богословский Н. К материалам по истории общественной и торгово-промышленной жизни в Коми области. «Челобитная г. Яренска нижайшего купеческого человека Елисея Ивановича сына Суханова» (1739 г.).— Коми му, 1924, № 1—2; Трудовая кооперация, 1923, № 5.

Богословский Н. О былых разбойниках в Коми крае и об атамане их Суханове по прозвищу «Шипича» (1739 г.).— ЗОИКК, 1928, вып. 1.

Богословский Н. Селение Усть-Сысола до преобразования его в город (1600—1780 гг.).— ЗОИКК, 1930, вып. 4.

Забоева Ф. Первые шаги женского образования в городе Усть-Сысольске.— Коми му, 1924, № 7—10.

Зоргенфрей Г. Г. С. Лыткин.— Коми му, 1927, № 4—5.

Мартюшев А. Население Коми области 300 лет тому назад (1628—1646 гг.).— Коми му, 1927, № 1—2.

Мартюшев А. Движение населения Коми области за 300 лет (1646—1926 гг.).— Коми му, 1927, № 10—11; 1928, № 1.

Мартюшев А. Коми народ в первый период его исторической известности.— Коми му, 1928, № 2, 3.

Мартюшев А. Коми народ как объект Московской завоевательной политики в XIV—XV вв.— ЗОИКК, 1928, № 1.

Мартюшев А. «Епифаниева» повесть как исторический документ о Коми народе.— ЗОИКК, 1929, вып. 2.

Мишев П. К истории землепользования у зырян (XVII—XIX вв.).— Коми му, 1925, № 2.

Мосшег И. Коми народ как участник в мировой торговле в прошлом.— Коми му, 1926, № 4.

Петровский В. К. К вопросу о судьбе древнефинского населения Вологодской губернии.— Коми му, 1928, № 4.

Подоров В. Наказы крестьянства Коми по материалам Екатерининской законодательной комиссии 1767 г.— ЗОИКК, 1929, вып. 2.

Попов В. По поводу заметки А. Цембера «Две корреспонденции из г. Усть-Сысольска в 1838 г.— Коми му, 1927, № 1—2.

Попов М. Заметки о политическом прошлом Нювчима.— Коми му, 1927, № 10—11.

Попов С. Предание о Шипице.— Коми му, 1927, № 1—2.

Сан-Антус (Забоев А. С.). Заметки о народонаселении Коми области в связи с историей Коми.— Коми му, 1927, № 12; 1928, № 1.

Сан-Антус (Забоев А. С.). К вопросу о социально-экономических предпосылках обращения Коми в христианство.— Коми му, 1929, № 3, 4.

Тювин. Результаты колонизационных исследований в Коми области за период с 1901 по 1927 гг.— Коми му, 1928, № 4, 6.

Цембер А. Зыряне 100 лет тому назад (1833 г.).— Трудовая кооперация, 1923, № 3—4.

Цембер А. Две корреспонденции из г. Усть-Сысольска в 1838 г.— Коми му, 1926, № 12.

Цембер А. Путешествие академика Лепёхина в 1771—1772 гг.— Коми му, 1927, № 4—5.

Цембер А. Разбойничье дело 1777 г.— Коми му, 1927, № 6—7.

Цембер А. Алименты в XVII столетии в Зырянском крае или «Дело заказа архиерейских дел Яренского уезда по донесению Желиертской волости Ильинского попа

о незаконном прижитии нищею девкой ребенка» (1690 г.).— Коми му, 1927, № 9.
Цембер А. К истории основания Сереговского солеваренного завода (1671).— ЗОИКК, 1929, вып. 2.
Чеусов А. Г. С. Лыткин (биография).— Коми му, 1924, № 4—6.
Чеусов А. К воспоминаниям о Г. С. Лыткине.— Коми му, 1924, № 4—6.
Чеусов Н. Тяжелая пора (Воспоминания из времен экзекуции коми крестьян).— Коми му, 1926, № 6.
Чожмор (Попов С. А.). Избраннедес о зырянах (сгренах) 1692 г.— Коми му, 1928, № 1.
Чожмор (Попов С. А.). Несколько слов о В. Н. Латкине.— Коми му, 1928, № 9—10.
Чукичев Ф. О Северо-Екатерининском канале.— Коми му, 1925, № 8.
Янович Д. К. Ф. Жаков.— Коми му, 1926, № 1—2.

III. ФЕВРАЛЬСКАЯ И ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В КОМИ КРАЕ

Маегов А. Коми комсомол в гражданской войне.— Коми му, 1924, № 7—10.
Полещиков П. Отрывки из прошлого Коми комсомола (1917—1922 гг.).— Коми му, 1928, № 12; 1929, № 1.
Потапов Я. Отдельные моменты из истории организации Коми области.— Коми му, 1929, № 3.
Старцев Г. А. Революция и зыряне.— Революция в деревне. М.-Л., 1924.
Цембер А. 1917 год в Усть-Сысольске.— Вестник Коми ОК РКП(б), 1923, № 7—8, 9.
Цембер А. Десять лет тому назад. Февральская революция в Усть-Сысольске.— Коми му 1927, № 10—11.
Цембер А. К материалам по истории революции в Коми

крае. Город Усть-Сысольск в 1918 г.— Коми му, 1924, № 1—2, 4—6, 7—10; 1925, № 2, 12.
Цембер А. Некоторые документы из жизни г. Яренска в революционные годы.— Коми му, 1926, № 9, 12; 1927, № 9; 1928, № 1, 3, 6.
Цембер А. Первое десятилетие Коми организации ВКП(б).— Коми му, 1928, № 7.
Цембер А. К материалам по истории кооперативного движения в Коми Области. Первые съезды Усть-Сысольского уездного союза кооперативов 1917—1918 гг.— Коми му, 1925, № 6—7.
Шахов И. Героическая борьба Изваильского красного партизанского отряда с белыми при их нашествии на Коми Область в 1919 г.— Коми му, 1929, № 14, 15, 16—17.

IV. ЭТНОГРАФИЯ И ФОЛЬКЛОР

А. С. (А. С. Сидоров). Кӧкыл-вад.— Коми му, 1925, № 8.
Анисимов П. А. Коми сьыланкывъяс (Коми песни).— М., 1926.
Анисимов П. А. Музыкальная этнография коми.— Коми просвещенец. 1927, № 4.
Анисимов П. Эпос самоедов.— Коми му, 1927, № 9.
Бабушкин А. О самоедах (яранах).— Коми му, 1925, № 1.
Борисов Д. От Усть-Сысольска до Ижмы.— Коми му, 1925, № 3—4, 5.
Варсанофьева В. На Ылыче.— Коми му, 1926, № 3—4.
Варыш. Из легенд Коми народа.— Коми му, 1924, № 7—10.
Герд К. О народной поэзии вотяков.— Коми му, 1925, № 2.
Грен А. Материалы для палеоэтнографии зырян из финской «Калевалы».— Трудовая кооперация, 1923, № 5; Коми му, 1924, № 1—2.
Грен А. Н. Иркаб.— ЗОИКК, 1929, вып. 2.

Грен А. Н. Зырянская мифология.— Коми му, 1924, № 4—10; 1925, № 1.
Грен А. Н. Что знает архангельский Обплан о северо-восточных «инородцах»?— Коми му, 1925, № 2.
Доронин П. Г. Пережитки старины в быте крестьян Прокопьевской волости Устьвымского уезда.— Коми му, 1924, № 1—2.
Иевлев Д. Охота в Ижмо-Печорском районе в Автономной области Коми.— ЗОИКК, 1930, вып. 4.
Из причитаний Палевицкой волости (Зап. А. С. Сидоров).— Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. 1931, вып. II.
Коми важ йӧзлӧн шуӧмкывъяс (Пословицы древних коми) (Сост. Н. П. Чеусов).— Коми му, 1927, № 4—5, 8.
Коми нӧдкывъяс (Коми загадки).— Коми му, 1928, № 7.
Кочево (Зап. Гр. А. Нечаев).— Сборник комиссии... 1931, вып. II.
Летка. «Ванька» (сказка).— Сборник комиссии... 1931, вып. II.
Лузско-летские тексты. Нижняя Луза.— Сборник комиссии... 1931, вып. II.
Мосшег И. Из прошлого финской народной литературы.— Коми му, 1926, № 7.
Мосшег И. Пера (Из народных преданий).— Коми му, 1926, № 5.
Налимов В. П. К этнологии коми.— Коми му, 1924, № 3.
Налимов В. П. К материалам по истории материальной культуры коми.— Коми му, 1925, № 2—5.
Нечаев Г. Коми-пермяки Зюзьдинского края.— Коми му, 1929, № 10.
Нижне-вычегодские свадебные причитания. Жешарт (Зап. В. Лыткин).— Сборник комиссии... 1931, вып. II.
Ношульские свадебные причитания (Зап. А. С. Сидоров).— Сб. комиссии... 1931, вып. II.
Подоров В. Что такое чудь и ее отношение к народу коми.— Коми му, 1928, № 9—10.

Подоров Т. Сельскохозяйственные приметы коми народа.— Коми му, 1926, № 5.
Попов В. Ф. Материалы к познанию народа коми.— Коми му, 1926, № 10—11.
Попов С. Песня, записанная в деревне Илья на Печоре.— Коми му, 1927, № 3.
Попов С. Предание о Шипице.— Коми му, 1927, № 1—2.
Савин В. А. «Му сюр» сайын (За горами).— Коми му, 1926, № 9, 10, 11.
Савин В. Иркаб.— ЗОИКК, 1929, вып. 2.
Сивков А. Кымын-ног миян чери кыйӧны. (Сколькими способами ловят у нас рыбу).— Коми му, 1924, № 7—10.
Сидоров А. Следы тотемических представлений в мировоззрении зырян.— Коми му, 1924, № 1—2.
Сидоров А. С. Пережитки культа промысловых животных у охотников коми.— Коми му, 1926, № 5.
Сидоров А. С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми.— Л., 1928.
Сидоров А. С. Автономная область Коми.— Известия ЦБК, 1926, № 5.
Соловьев Д. Охотничье население Печорского края и его быт.— Коми му, 1927, № 12.
Старцев Г. А. Свадебные причитания зырян.— Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926.
Старцев Г. А. Некоторые данные о браке и свадьбе остяков.— Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926.
Старцев Г. А. Древнезырянский денежный счет.— Этнограф-исследователь, 1927, № 1.
Старцев Г. А. Финно-угорские народы. Л., 1927. (Соавт. Поппе Н. Н.).
Старцев Г. А. Остяки. Л., 1928.
Старцев Г. А. Самоеды. М., 1930.
Старцев Г. А. Год оленевода-кочевника.— Коми му, 1927, № 4—5.

Старцев Г. А. Влияние самоедов на ижемских зырян.— Коми му, 1926, № 11.
Старцев Г. А. О зауральских зырянах.— Коми му, 1926, № 1—2.
Старцев Г. А. Коми фольклор.— Сыктывкар, 1933.
Старцев Г. А. Прошлое Гамской волости.— ЗОИКК, 1928, вып. 1.
Старцев Г. К классификации пережитков и обрядов Коми народа.— Коми му, 1929, № 13.
Старцев Г. А. Прежде и теперь. Очерк по истории и этнографии коми народа.— Усть-Сысольск, 1929 (на коми языке).
Теплоухов А. Фамилии и географические названия края в этнографическом и историко-географическом отношениях.— Коми му, 1925, № 9, 10—11, 12.
Улитин Н. Путевые записки.— Коми му, 1924, № 7—10.
Фольклор. Примеры Коми говоров.— Коми му, 1925, № 12.
Чеусов Н. Коми пословицы.— Коми му, 1927, № 4—5, 8; 1928, № 7.
Чукичев Ф. Отличительные черты характера Коми.— ЗОИКК, 1928, в. 1.
Чукичев Ф. П. Из народных преданий.— Коми му, 1926, № 1—2.
Шипунова Г. Курные избы в верховьях Вычегды.— ЗОИКК, 1930, в. 5.
Шухов И. Н. Зыряне в Тарском округе Сибирского края.— Коми му, 1927, № 8.

V. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВИСТИКА

Богословский Н. Зыряне и зырянский край в русской литературе.— Коми му, 1927, № 3, 4—5, 6—7.
Борисов Д. Развитие коми письменности.— Коми му, 1928, № 9—10, 11, 12; 1929, № 1.

Герд К. Вотяцкая литература.— Коми му, 1928, № 9—10.
Грен А. К вопросу о применении латинского алфавита к языкам коми и удмурт.— Коми му, 1924, № 3.
Игрек. К чужим словам в коми языке.— ЗОИКК, 1929, в. 2.
Икс. (Мартюшев А. М.). Очень близкая задача (к вниманию наших краеведов-лингвистов).— ЗОИКК, 1928, в. 1.
Ильинский В. Проблемы топонимики Коми области.— ЗОИКК, 1930, в. 5.
Лыткин В. Языковой состав населения Нижней Вычегды в конце XIV в.— Коми му, 1924, № 1—2.
Лыткин В. Некоторые следы взаимоотношений древнерусского и коми языков.— Коми му, 1924, № 4—6.
Лыткин В. Коми числительные.— Коми му, 1924, № 7—10.
Лыткин В. Об употреблении дефисов в коми письме.— Коми му, 1929, № 2.
Лыткин В. С-овые суффиксы в пермских языках.— Будапешт: Изд-во Хорнянского, 1927.— Венг.
Лыткин В. И. Древнерусские шь, жь — Зырянские сь, зь.— Докл. АН СССР, 1928, Сер. В, № 14, с. 298—301.
Лыткин В. Коми гижöд кыв нима доклад кузя резолюция. (Резолюция по докладу о коми литературном языке).— Ордым, 1928, № 9.
Лыткин В. Коми гижöд кыв йылысь (О коми литературном языке).— Ордым, 1928, № 11—12.
Лыткин В. К вопросу о дефисах в коми языке.— Коми му, 1929, № 8.
Лыткин В. О коми языке и народе.— Коми му, 1929, № 11.
Лыткин В. К латинизации коми и русского алфавитов.— Коми му, 1929, № 23—24.
Лыткин В. И. Коми литературный язык и орфография: (Тез. к докл.).— В кн.: Материалы коми лингвистической конференции Главнауки в Сыктывкаре. Сыктывкар, 1929.
Лыткин В. К датировке зырянско-русских контактов.— JSFOu. 1929, 42, Ik. № 24.— Нем.

Лыткин В. Что говорят научные данные о коми-зырянах и коми-пермяках.— Большевистская мысль (Архангельск), 1929, № 10.
Лыткин В. Краткий обзор диалектов коми языка.— ЗОИКК, 1930, в. 5.
Лыткин В. Öнія коми шрифт пыдди интернациональнöй (Вместо современного коми шрифта интернациональный).— Культура фронт, 1930, № 5.
Лыткин В. И. Очередные задачи строительства коми литературного языка.— Сборник комиссии по собиранию и изучению диалектов коми языка. 1931, вып. II.
Лыткин В. И. О говоре древнекоми письмен.— Сборник комиссии... 1931, вып. II.
Лыткин В. И. Диалект Кобры.— Сборник комиссии... 1930, вып. 1.
Лыткин В. И. К происхождению суффикса множественного числа — jos в удмуртском языке.— Уч. зап. НИИ народов Сов. Востока при ЦИК СССР, 1931, вып. 2. На удмуртские темы.
Лыткин В. И. О литературном языке нацменьшинств: По данным языков коми и вотского.— Просвещение национальностей, 1931, № 1.
Лыткин В. И. К истории коми письменности.— Культура и письменность Востока, 1931, № 7—8.
Лыткин В. Суффикты мн. ч. -яс, -ёс и -ян в пермских языках Nyk, 1932, 59 Ik, 76.— Венг.
Лыткин В. Выль коми поэзия (Новая коми поэзия).— Парма ёль. 1922, № 1.
Лыткин В. И. (Илля Вась). Коми поэзия артмöм (Возникновение коми поэзии).— Парма ёль, 1923, № 2.
Лыткин В. (Илля Вась). Коми драма лоöм (Возникновение коми драмы).— Парма ёль, 1923, № 2.
Лыткин В. Töд вылö усьöм: (Воспоминания о поэте И. Т. Чисталеве).— Коми му, 1924, № 4—6.
Лыткин В. Коми гижысьяслöн медводдза öтувтчылöмыс (Первое объединение коми писателей).— Ордым, 1929, № 1.
Лыткин В. Коми-пермяк литератураса выльторъяс (Новое в коми-пермяцкой литературе).— Ордым, 1929, № 10.
Лыткин В. Этшаньдзи менам гижöд нелючкиторъяс йылысь (Немного о недостатках моих произведений).— Ордым, 1930, № 23—24.
Коми гижысьяс (Коми писатели). Сост. В. И. Лыткин.— М.: Центриздат, 1926.
Молодцов В. А. Об употреблении тире в литературе коми.— Коми му, 1924, № 4—6.
Молодцов В. А. Грен. К вопросу о применении латинского алфавита к языкам коми и удмурт.— Коми му, 1924, № 7—10.
Молодцов В. К вопросу о коми терминологии.— Коми му, 1925, № 6—7.
Молодцов В. А. Некоторые принципы зырянского правописания.— Сыктывкар, 1926.
Молодцов В. А. К грамматической классификации слов зырянского языка.— Сыктывкар, 1928.
Молодцов В. А. Фонетика зырянского диалекта коми языка.— М., 1929. Ч. 1.
Молодцов В. А. Лыддьысьны велöдчан (Букварь).— Усть-Сысольск, 1920.
Молодцов В. А. Коми грамматика — туй писькöдысь. (Грамматика языка коми).— Сыктывкар, 1921.
Некоторые фонетические особенности ижемского говора.— Сборник комиссии... 1930, вып. 1.
Нечаев Гр. Характеристика зюздинского диалекта коми языка.— Сборник комиссии...— 1930, вып. 1.
Нечаев Гр. Отношение окружного коми литературного языка к северным диалектам коми округа.— Сборник комиссии... 1931, вып. II.
Обозреватель. Коми литература.— Коми му, 1924, № 7—10.
Работа экспедиции по собиранию Коми словаря и изуче-

нию диалектов языка коми в 1928 г.— Коми му, 1929, № 6.
Разманов И. К вопросу об установлении единой коми орфографии.— Коми му, 1929, № 8, 9.
Разманов И. Результаты работ Коми лингвистической конференции Главнауки.— Коми му, 1929, № 16—17.
Сидоров А. Яфетическая теория и коми язык.— Коми му, 1926, № 10.
Сидоров А. К постановке вопроса о принципах зырянского правописания.— Коми му, 1929, № 9.
Сидоров А. Природа синтаксической связи между определяющим и определяемыми словами в языке коми.— ЗОИКК, 1930, вып. 5.
Сидоров А. С. Характеристика удорского (вашского) говора.— Сборник комиссии... 1930, вып. 1.
Сидоров А. С. Тӧдлытӧм коми гижысь И. А. Куратов (Неизвестный коми писатель И. А. Куратов).— Парма ёль, 1923, № 2.
Славинский Ю. Графика и физиология звуков современного зырянского языка.— ЗОИКК, 1930, вып. 4, 5.
Старцев Г. К материалам правописания.— Коми му, 1929, № 6.
Старцев Г. А. Парне-девичий условный язык у коми (заметка).— Сборник комиссии... 1931, вып. II.
Старцев Г. А. Об алфавите народов СССР.— Революция и культура. 1928, № 7.
Старцев Г. А. О создании нового коми алфавита (на коми языке).— Культура фронт. 1930, № 5.
Цыпанов Н. О сходстве коми слов со словами индоевропейских языков.— ЗОИКК, 1929, вып. 2.
Чеусов А. А. Варыш поз (Соколиное гнездо).— Парма ёль, 1923, № 2.
Чеусова Е. А. Среднесысольский диалект.— Сборник комиссии... 1930, вып. 1.
Шахов Н. Зырянизация.— Коми му, 1924, № 1—2; 1925, № 10—11.

VI. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Библиографический указатель по Коми краю.— Коми му, 1926, № 12.
Грен А. В. А. Савин. Сборник стихотворений. 1924.— Коми му, 1924, № 7—10.
Г. А. А. Теплоухов. Женские головные уборы пермяков и их отношение к старинным уборам местного русского населения. Пермь, 1916.— Коми му, 1925, № 6—7.
Грен А. А. Теплоухов. Следы былого пребывания Угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая его смена Пермским и Русским народами. Екатеринбург, 1924.— Коми му, 1925, № 12.
Дмитриев-Кельда. В. А. Молодцов. К грамматической классификации слов зырянского языка. 1928.— Коми му, 1929, № 10.
Книги и статьи о коми языке, вышедшие в 1929 и 1930 годах.— Сборник комиссии... 1931, вып. II.
Козлов С. Н. И. Леонов. Туземные советы в тайге и в тундрах. М., 1928.— Коми му, 1929, № 9.
Козлов С. Фези на дальнем Севере. М., 1928.— Коми му, 1929, № 15.
Лыткин В. А. Теплоухов. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая его смена Пермским и Русским народами. Екатеринбург, 1924.— Коми му, 1925, № 6—7.
Мартюшев А. Кое-что о колдунах и о книге А. С. Сидорова.— Коми му, 1929, № 2.
Молодцов В. Н. А. Шахов. Краткий коми-русский словарь, 1924.— Коми му, 1924, № 4—6.
Молодцов В. А. С. Сидоров. Морфологическая структура коми языка. 1924.— Коми му, 1924, № 7—10.
Молодцов В. К рецензии А. Сидорова «Коми грамматика» В. Молодцова.— Коми му, 1924, № 7—10.

Молодцов В. В дополнение к рецензии А. С. Сидорова на «Коми грамматику» В. Молодцова.— Коми му, 1925, № 6—7.
Найриосенга. М. А. Молодцова «Краткий самоучитель зырянского языка». 1925, Усть-Сысольск.— Коми му, 1925, № 6—7.
С. М. Марий Эл. № 10 октябрь 1929.— Коми му, 1929, № 23—24.
Сидоров А. В. Молодцов. «Коми грамматика». Усть-Сысольск, 1921.— Коми му, 1924, № 1—2.
Сидоров А. А. Н. Дьячков. Зыряне. Статья под заглавием «Население» в сборнике «Северо-Восточная область. Материалы по районированию». Архангельск, 1924.— Коми му, 1925, № 2.
Сидоров А. Новая литература о Печоре.— Коми му, 1926, № 5.
Сидоров А. Финно-угорский сборник. Л., 1928.— Коми му, 1928, № 2.
Сидоров А. Н. Я. Марр. По этапам развития яфетической теории. Сборник статей. М.-Л., 1926. Яфетическая теория. Программа общего курса учения о языке. Баку, 1927.— Коми му, 1928, № 4.
Сидоров А. Кое-что о критике вообще и о А. Мартюшеве как критике.— Коми му, 1929, № 7.
Старцев Г. Молодцов В. Некоторые принципы зырянского правописания. Усть-Сысольск, 1926.— Коми му, 1928, № 7.
Старцев Г. М. Езерский. Самоядь. М., 1928.— Коми му, 1929, № 7.
Старцев Г. А. Н. Максимов. Происхождение оленеводства. М., 1928.— Коми му, 1929, № 7.
Старцев Г. Сборник Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей, вып. 1. Л., 1929.— Коми му, 1929, № 15.
Старцев Г. М. Езерский. Чудь белоглазая. М., 1929.— Коми му, 1929, № 20.

Старцев Г. Записки Общества изучения Коми края, вып. 1. Усть-Сысольск, 1928.— Коми му, 1929, № 4.
Терентьев А. В. Н. Добрянский. Зырянка. М., 1928.— Коми му, 1929, № 1.
Терентьев А. Хорошее начало. И. А. Плохинский. Печорское скотоводство, 1929.— Коми му, 1929, № 22.
Терентьев А. Г. А. Старцев. Самоеды. Л., 1930.— ЗОИКК, 1930, вып. 5.
Терентьев Н. Указатель литературы по оленеводству.— Коми му, 1926, № 1—2, 3, 4, 5; 1928, № 1.
Указатель литературы, изданной Коми издательством с 1920 г до 1926 г.— Коми му, 1924, № 3, 7—10; 1925, № 6—7, 12.
Чеусов А. Из «Классифицированного перечня печатных трудов по истории Коми народа».— Коми му, 1927, № 4—5.

Серия «Истоки»

1. Питирим Сорокин: судьба и труды
2. Они любили край родной

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия . . **3.** Глава 1. «Золотой век» коми краеведения . . **5.** Глава 2. Тридцать седьмой год, начавшийся в двадцать девятом . . **72.** Глава 3. Лингвист и этнограф Зырянского края, основатель общества по его изучению . . **105.** Глава 4. Судьба ученого . . **115.** Глава 5. Биография без ретуши . . 138. Глава 6. Дмитрий Батиев, известный и неизвестный . . **158.** Глава 7. Человек февраля . . **183.** Глава 8. Создатель коми алфавита . . **205.** Глава 9. Поэт, краевед, журналист . . **224.** Глава 10. Забытое имя . . **243.** Глава 11. Ветеран коми краеведения . . **255.** Глава 12. Этнограф Василий Налимов . . **269.** Глава 13. Трагедия Александра Бабушкина . . **279.** Наследие (указатель краеведческих публикаций двадцатых — начала тридцатых годов по историко-филологическим наукам) . . **289.**

Научно-популярное издание

Составитель **ЖЕРЕБЦОВ Игорь Любомирович**

ОНИ ЛЮБИЛИ КРАЙ РОДНОЙ

Редактор В. А. Блинов. Художник А. В. Мошев. Художественный редактор В. Б. Осипов. Технический редактор А. Н. Вишнева.

Сдано в набор 20.02.93. Подписано в печать 20.05.93. Формат 70×108 1/32. Бумага № 2. Гарнитура «Жури. рублен.». Печать высокая. Усл. печ. л. 13,3+вкл. 0,35; усл. кр.-отт. 13,83; уч.-изд. л. 14,2+вкл. 0,3. Тираж 1300. Заказ № 1136. Коми книжное издательство. 167610, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, 229.
АО «Коми республиканская типография», 167610, г. Сыктывкар, ул. Первомайская, 70.